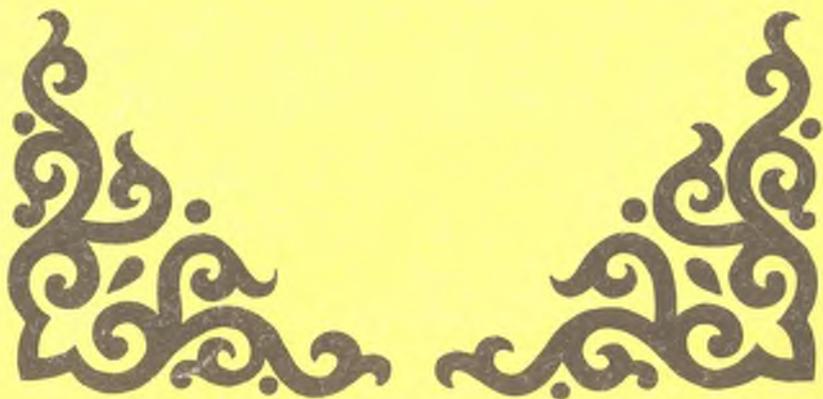

С.Л.Чареков

**ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
В МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКАХ
в сравнении
с другими
АЛТАЙСКИМИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

С. Л. ЧАРЕКОВ

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
В МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКАХ
в сравнении
с другими
АЛТАЙСКИМИ

46163-
Ж

Ответственный редактор
Н. Я. БУЛАТОВА

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого института общественных
наук АН СССР

ЛЕНИНГРАД
„НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Р е ц е н з е н т ы:

Л.В. ДМИТРИЕВА, Е.А. КУЗЬМЕНКОВ

Сергей Леонидович Чареков

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ
В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ АЛТАЙСКИМИ

Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР

Редактор издательства Л.А. Карпова
Художник Е.В. Кудина
Технический редактор М.Л. Гофман
Корректоры В.В. Крайнева и Н.В. Романенкова

ИБ № 44510

Подписано к печати 03.08.90. Формат 60x90 1/16. Бумага
офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ.л. 8,50. Усл.кр.от. 8,75.
Уч.-изд. л. 9,90. Тираж 500. Тип. зак. № 323. Цена 2 р. 00 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Наука”.
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства „Наука”.
199034, Ленинград, В-34, 9 лин., 12.

Ч $\frac{4602020400-625}{042(02)-90}$ 717-90(1)

© С.Л. Чареков, 1990

ISBN 5-02-028008-9

Настоящая работа представляет собой продолжение предыдущей работы автора "Наречие в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими языками" (Грамматические исследования по отдельным алтайским языкам. Л., 1989. С. 93-195). Преемственность и связь этих двух работ определяются в первую очередь спецификой частей речи в алтайских языках, по поводу которых в научной литературе издавна ведутся не прекращающиеся и по сей день дискуссии. Основными проблемами в этой дискуссии являются именно вопросы существования наречий и прилагательных как самостоятельных частей речи.

Основным камнем преткновения в этом спорном вопросе оказывались так называемые "нерасчлененные", или "синкретические", формы, которые, не подвергаясь морфологическим изменениям, могут функционировать в роли существительных, прилагательных и других грамматических разрядов слов. Основные доводы в пользу "самостоятельности" наречий, а следовательно и прилагательных, рассматривались автором в первой работе, посвященной наречиям. Поэтому во избежание повторений в настоящей работе отсутствует обзор имеющихся в литературе взглядов и точек зрения различных исследователей на упомянутую проблему. Однако именно в связи с этой дискуссией в работе большое внимание уделяется самому явлению синкретизма, которое рассматривается не как реликтовый пережиток застывших в своем архаичном облике словоформ, а как развивающееся и обладающее определенной внутренней структурой явление. В работе также исследуются морфологические способы формирования прилагательных как самостоятельных грамматических разрядов слов и специфика алтайской суффиксации.

В основном работа посвящена анализу производных форм и суффиксальному способу образования производных прилагательных. При этом в производных прилагательных выделяются непродуктивные и омертвевшие элементы, что может послужить основой для дальнейших исследований алтайских языков в сравнительно-историческом плане. В центре внимания находились лексико-семантические характеристики производных прилагательных, а при анализе производных прилагательных изучалась семантика суффиксов и определялась сфера их применения.

В работе рассматриваются также прилагательные, заимствованные из русского языка, и интернационализмы, заимствованные через посредство русского языка. Причем сравниваются способы освоения иноязычных слов тремя монгольскими и эвенкийским языками, а также выявляется типологическая общность словообразования прилагательных в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках с тюркскими языками.

Все перечисленные выше проблемы исследуются в основном на материале монгольских (бурятского, калмыцкого и собственно монгольского), а из тунгусо-маньчжурских — эвенкийского языков. Выбор конкретного языка для решения того или иного вопроса определялся следующими соображениями.

Общеизвестен тот факт, что внутри монгольской и тунгусо-маньчжурской группы все языки обладают большим материальным и типологическим сходством. Поэтому выбор для исследования какой-либо проблемы только одного языка из всей группы оказывается достаточным для установления типологического тождества данного явления с аналогичными явлениями во всех остальных языках данной группы. Так, рассмотрев явление синкретизма на материале калмыцкого языка, можно с уверенностью утверждать, что в целом синкретические формы обладают теми же свойствами и в бурятском, и в монгольском языках. Различия могут быть выявлены лишь в деталях, не существенных для типологического исследования. Выбор же конкретного языка, в данном случае калмыцкого, определялся наиболее последовательно проведенной фиксацией различных значений одной словоформы, представленной в "Калмыcko-русском словаре" (М., 1977), послужившем основным источником материала для решения данной проблемы.

То же самое относится и к выбору бурятского и эвенкийского как представителей групп монгольских и тунгусо-маньчжурских языков для исследования производных и непроизводных прилагательных.

Большее количество языков при исследовании одной проблемы привлекалось для выявления более детальных различий в какой-либо сфере, например при изучении заимствованных прилагательных в ряде языков.

Материалами для работы послужили словари, а также полевые записи автора, сделанные в Джидинском (бурятский язык) и Курумканском районах (эвенкийский язык) Бурятской АССР и проверенные по указанным словарям.

Примеры в форме предложений без ссылки на источники записаны автором в названных районах Бурятской АССР, а отдельные словоформы или сочетания слов без указания источников отобраны из словарей. Фразовыми примерами в целях экономии места снабжены не все прилагательные, а только те из них, которые нуждаются в таком подкреплении в связи с дискуссионностью подтверждаемых ими положений или в связи с расхождениями их трактовки в словарных статьях.

Материалы из других, не упомянутых в данном предисловии, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также тюркских языков почерпнуты из опубликованных научных работ с соответствующими ссылками.

ИМЕННАЯ СУФФИКСАЦИЯ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Т р и т и п а с у ф ф и к с о в
и их специфика

По поводу классификации суффиксов на словообразовательные, словоизменятельные и формообразующие в литературе высказывалось множество различных, часто взаимоисключающих друг друга точек зрения. Анализируя взгляды ряда исследователей на эту тему, Е.С. Кубрякова замечает: "Относительно принадлежности этих форм — причастий, деепричастий, видов глагола, множественного числа существительных, уменьшительных существительных и прилагательных, степеней сравнения прилагательных, качественных наречий от прилагательных и т.п. — к морфологии или словообразованию и будут в дальнейшем вестись нескончаемые споры"¹. Споры эти станут еще острее, если к специфике русского языка, на примере которого в основном и рассматриваются упомянутые проблемы, добавить еще специфику алтайских языков.

Специфика алтайских языков состоит в отсутствии ряда грамматических категорий, которые характерны для русского языка и которые необходимо учитывать при классификации средств слово- и формообразования, например категории грамматического рода существительных и прилагательных и т.п. (ср. рус. художник — художница). Этот пример характеризуется как одновременное образование нового слова (название лица женского пола) и вместе с тем как образование формы женского рода.²

Специфика алтайских языков состоит не только в том, что в них имеются категории, отсутствующие в русском языке, например категория принадлежности, куда входят личное и безличное притяжание, по поводу которого также возможны разногласия в классификации по слово- или формообразованию, но и в качественном различии самих формантов, выполняющих функции словообразования, словоизменения и формообразования.

¹ К у б р я к о в а Е.С. О формообразовании, словоизменении, словообразовании и их соотношении // Изв. АН СССР. Сер. яз. и лит. 1976. Т. 35, № 6. С. 516.

² Б о н д а р к о А.В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий (на материале русского языка) // ВЯ. 1974, № 2. С. 5.

Для алтайских языков на практике принято деление всех суффиксов на три вида: словообразовательные, формообразовательные (или формообразующие) и словоизменятельные. Наиболее последовательное толкование и разграничение этих трех видов проводится в "Грамматике калмыцкого языка".³

Словообразовательные суффиксы в этой работе характеризуются как суффиксы, служащие для образования новых слов. Под новыми словами подразумеваются слова с новым лексическим значением и производные слова, переходящие в другой грамматический разряд слов.

К формообразующим суффиксам в "Грамматике калмыцкого языка" относятся те суффиксы, которые не изменяют основного лексического значения слова, придавая ему какие-либо дополнительные семантические оттенки: уменьшительности, ласкательности, неполноты качества и т.п. К формообразующим относятся также и суффиксы, не изменяющие семантику слова, но передающие какие-либо другие значения: суффиксы множественного числа, суффиксы, образующие отрицательные формы, и, очевидно, сюда же войдут суффиксы личного и безличного притяжания.

Группа словоизменятельных суффиксов включает в себя только падежные суффиксы, которые не влияют на семантику всей словоформы и указывают лишь на связи слов в предложении.

Подобная классификация в первом приближении приемлема и удобна, в первую очередь, для характеристики суффиксов именного словообразования, хотя в частности далека от совершенства и допускает как различные толкования, так и более дробную классификацию в зависимости от свойств различных суффиксов, как это, в частности, предложено О.П. Суником на материале тунгусо-маньчжурских языков, где формообразующие суффиксы подразделяются автором на два подразряда — основообразующие и основозавершающие.⁴

Упомянутое выше "удобство" подобной классификации связано, прежде всего со спецификой суффиксов в алтайских языках, большинство из которых может выступать в двух, а то и в трех качествах: как словообразовательные, формообразующие и словоизменятельные. Так, калмыцкий суффикс -хн, отнесенный в "Грамматике калмыцкого языка" к разряду формообразующих суффиксов, в прилагательном бичкэхн 'малосенький' (от бичкэ 'маленький') в данном примере действительно является уменьшительным, т.е. формообразующим по принятому определению. В другом же примере сэхэн 'красивый' от сэн 'хороший' суффикс -хн можно считать

³ Г р а м м а т и к а калмыцкого языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. Г.Д. Санжеев. Элиста, 1983. С. 49-51.

⁴ С у н и к О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1982. С. 140.

словообразовательным, придающим исходному корню новое значение и тем самым образующим новое слово.⁵

В "Калмыцко-русском словаре" приводится пять значений слова сән в качестве прилагательного - 'хороший', 'праздничный' (день), 'солнечный' (день), 'добрый', 'добровольный'. Прилагательное же сәэхн, кстати, трактуемое словарем как уменьшительная форма от сән, переводится как 'красивый', 'прекрасный', 'прелестный', а в сочетании с формой в исходном падеже сәэхнэс сәэхн - 'красивейший', т.е. даже как передающий превосходную степень. Следовательно, этот суффикс -хн (присутствующий в обеих словоформах сочетания), скорее, является носителем усилительного значения, но отнюдь не уменьшительного.⁶ Такая же противоречивая трактовка дается и в "Бурятско-русском словаре": һайн 'хороший', 'добрый' и һайхан уменьш. от һай(н) 'красивый', 'прекрасный', 'прелестный' - һайхан эхэнэр 'прекрасная (прелестная) женщина', т.е. и в этом случае выявляется, скорее, оттенок усиления, но не уменьшения или ослабления качества при одновременном семантическом сдвиге.⁷ В "Монгольско-русском словаре": сайн 'хороший', 'добрый', 'благополучный', 'прекрасный'; сайхан 'красивый', 'прекрасный', 'прелестный'.⁸

Итак, ни в одном из трех словарей нет ожидаемого для уменьшительной формы значения 'хорошенький', 'красивенький', 'добренький'. Словообразовательное значение калмыцкого суффикса -хн и бурятского и монгольского -хан в этих примерах оказывается ведущим; уменьшительное, очевидно, исчезает или даже переходит в усилительное. У словообразовательного суффикса -хн (-хан), возможно, сохраняется оттенок ласкательного значения, что более характерно для этого суффикса в сочетании с прилагательными, о чем будет подробнее сказано в гл. III. Возможность функционирования словоизменительных суффиксов в роли словообразовательных подтверждается многочисленными примерами, также приводимыми в гл. III, а механизм этого перехода и его последовательные этапы хорошо иллюстрируются на примере формантов родительного падежа, переходящих в словообразовательные суффиксы прилагательных.

В тунгусо-маньчжурских языках факты функционирования одного и того же суффикса в качестве формообразующего и словообразовательного описаны в упоминавшейся работе О.П. Суника. Для

⁵ Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология. С. 50.

⁶ Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М., 1977. С. 444, 445.

⁷ Бурятско-русский словарь / Составил К.М. Черемисов. М., 1973. С. 664, 666.

⁸ Монгольско-русский словарь / Под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957. С. 343.

эвенкийского уменьшительного суффикса -кан О.П. Суник отмечает два характерных явления: утрату значения уменьшительности (мурукан 'заяц'), рассматриваемую как лексикализацию уменьшительной основы, и возникновение словообразовательного значения (бэйкэн 'кукла' от бэй 'человек').⁹

Т.И. Петрова также указывает на словообразовательную функцию уменьшительного (формообразующего) суффикса -кан в нанайском языке.¹⁰ То же самое явление, т.е. переход уменьшительного суффикса в словообразовательный, в эвенском языке показан В.И. Цинциус.¹¹

Отмеченные в тунгусо-маньчжурских языках факты перехода словообразовательных суффиксов в падежные (т.е. словоизменительные) комментируются следующим образом: "ни один из падежных суффиксов-окончаний не возник и не мог возникнуть как изначально падежный" и далее поясняется, что этот вопрос "связан и с процессом становления и развития падежных форм путем преобразования некоторых вначале словообразовательных (следовательно, непадежных) суффиксов в словоизменительные падежные окончания".¹² Тем самым естественно предполагается, что подобные трансформации суффиксов не только возможны, но и неизбежны. Поэтому особый интерес должна вызывать и возможность обратного перехода от падежной (словоизменительной) функции суффикса к словообразовательной, что выявляется на примере некоторых алтайских суффиксов (например, формантов родительного падежа в монгольских языках).

В тунгусо-маньчжурских языках засвидетельствовано и расширение функций суффиксов множественного числа. Так, в статье В.И. Цинциус и Н.И. Летягиной отмечается, что "формы обладания в эвенкийском и эвенском языках с присоединением суффиксов множественного числа означают не признак по наличию предмета, а предметно воспринимаемых носителей (обладателей) признака, например: эвенк. орочи 'оленный' - орочёл (< *ороч + *ёл) 'оленоводы'".¹³

В роли словообразовательных суффиксов, как это показано Б.В. Болдыревым, во многих тунгусо-маньчжурских языках выступают суффиксы множественного числа и некоторые другие, например

⁹ Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. С. 107.

¹⁰ Петрова Т.И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1960. С. 25, 26.

¹¹ Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947. Ч. I. С. 81, 82.

¹² Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. С. 150.

¹³ Цинциус В.И., Летягина Н.И. К истории форм множественности в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978. С. 223.

эвенкийский показатель совместности -нан.¹⁴ В этой же статье Б.В. Болдырев отмечает, что эвенкийский формант местного падежа -лā может выполнять словообразовательную функцию: дйлэ 'тайга на склоне' от дйн 'верхняя часть склона горы'. Словообразовательная функция отмечена автором также и для формантов исходного, направительного, продольного падежей.¹⁵

Таким образом, первой существенной характеристикой чертой именных суффиксов алтайских языков можно считать способность их функционировать в роли словообразовательных, формообразующих и словоизменительных суффиксов, т.е. их полифункциональность.

Второй отличительной чертой именных суффиксов в алтайских языках является их многозначность. Так, в "Грамматике современного монгольского языка" Б.Х. Тодаева отмечает два значения у суффикса -тай: 1. 'наличие избыточного качества, изобилие чего-либо, сравнение и уподобление чему-либо' и 2. значение 'имеющий что-либо', 'обладающий чем-либо'.¹⁶ Эти значения обнаруживаются автором при функционировании рассматриваемого суффикса в качестве словообразовательного, но не словоизменительного суффикса совместного падежа.

В бурятском языке значение суффикса -лиг К.М. Черемисовым определяется как 1. изобилие выраженного производящей основой качества: доболиг 'холмистый', 'бугристый' от добо 'холм' и 2. напоминающий своим качеством: торголиг 'шелковистый' от торгон 'шелк'.¹⁷ Большой фактический материал о многозначности суффиксов бурятского языка зафиксирован в "Грамматике бурятского языка" и в работе У.-Ж.Ш. Дондукова, посвященной словообразованию.¹⁸

Такой же материал с подробным анализом представлен в работе Т.А. Бертагаева, где не просто зафиксировано наличие того или иного значения, но и прослеживается возникновение и развитие этих значений. Выявленные при анализе факты автор анализи-

¹⁴ Болдырев Б.В. Словообразование имен существительных посредством формообразующих суффиксов (на материале тунгусо-маньчжурских языков) // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 60.

¹⁶ Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка: Фонетика и морфология. М., 1951. С. 77.

¹⁷ Бурят-монгольско-русский словарь. (С приложением краткого грамматического справочника по бурят-монгольскому языку.) / Сост. К.М. Черемисов. М., 1951. С. 821.

¹⁸ Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. Г.Д. Санжеев. М., 1962; Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.

рует с теоретической точки зрения. Такое обоснование дается Т.А. Бертагаевым при рассмотрении значения того же суффикса -тай, который исторически не представлял собою суффикса совместного падежа (т.е. не являлся словоизменительным суффиксом), а выражал идею принадлежности чего-либо предмету или лицу.¹⁹

Теоретический анализ полисемии и полифункциональности Т.А. Бертагаев проводит в своей работе, посвященной морфологической структуре слова, где все суффиксы монгольских языков автор классифицирует на однозначные и многозначные по своей семантике, а по функции — на моно- и полифункциональные. При этом он вводит необходимые уточнения многозначности, отмечая, что многозначность суффикса в языке не предполагает неперменной многозначности в речи. Одновременно подчеркивается, что в речи суффиксы, как впрочем, и слова, чаще всего выступают в одном определенном значении.²⁰

Вместе с тем Т.А. Бертагаев приводит убедительные примеры многозначности некоторых суффиксов не только в языке, но и в речи. Таков монгольский суффикс -тан (-тон), обладающий и в конкретном речевом контексте тремя значениями: 1. принадлежности или отношения, 2. собирательного множества и 3. категории одушевленности. К числу многозначных в речи суффиксов Т.А. Бертагаев относит также монгольский суффикс -чин и его аналоги в бурятском -шан (-шон), в баоанском -чон, а также суффиксы множественного числа, одновременно указывающие на лицо: -нар, -чуул, -чууд, -над.²¹

Многозначность словообразовательных и формообразующих суффиксов в тунгусо-маньчжурских языках зафиксирована как в сводных перечнях суффиксов (например, в приложениях к эвенкийско-русскому словарю),²² так и в разделах грамматических работ, рассматривающих суффиксальное словообразование. Одним из наиболее любопытных явлений, относящихся к полисемии суффиксов, являются иногда встречающиеся в тунгусо-маньчжурских языках случаи передачи одним и тем же суффиксом диаметрально противоположных значений. Такого рода явление отмечено Н.Я. Булатовой в эвенкийских говорах Амурской области. В этих говорах эмоционально-оценочные суффиксы -кун и -какун (-кэкун, -көкун) в зависимости от контекста и от интонации (восходящей или нисходя-

¹⁹ Бертагаев Т.А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков) // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961. С. 98.

²⁰ Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969. С. 37.

²¹ Там же. С. 38, 39.

²² Эвенкийско-русский словарь. (С приложениями и грамматическим очерком эвенкийского языка.) / Сост. Г.М. Василевич. М., 1958.

щей) могут выражать значения увеличительности (при восходящей интонации) или уменьшительности (при нисходящей).²³

Передача значения усиления и ослабления степени признака отмечена для формообразующего суффикса -кан(а)/-кэн(э) и в бикинском диалекте нанайского языка, хотя, к сожалению, для подкрепления этого факта приводятся не совсем удачные примеры, допускающие иное (однозначное) толкование.²⁴

Третья специфическая черта именных суффиксов в алтайских языках — это широкая сфера употребления одних и тех же суффиксов. В тунгусо-маньчжурских языках формообразующие суффиксы (уменьшительные), по наблюдениям О.П. Суника, могут присоединяться не только к существительным, но и к наречиям, прилагательным, местоимениям (в том числе и личным) и даже к глагольным основам.²⁵ Это явление или свойство суффиксов для удобства изложения можно назвать уже прижившимся в лингвистике химическим термином "валентность", применяемым для характеристики глаголов. Валентность суффиксов будет определяться числом частей речи, к которым данный суффикс может присоединяться. Само явление соответственно можно охарактеризовать как поливалентность.

Сказанное выше по поводу суффиксов тунгусо-маньчжурских языков в основном характерно также и для монгольских языков. А все специфические черты, отмеченные для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, обнаруживаются также и в тюркских языках.

А.М. Шербак выделяет в тюркских языках ряд суффиксов, считая их промежуточными морфологическими образованиями, находящимися на границе словообразования и словоизменения.²⁶ Далее в этой же работе А.М. Шербак отмечает и способность уменьшительно-ласкательных суффиксов выступать в роли словообразовательных формантов, приобретающих при этом специфическую семантическую направленность, например обозначение молодняка животных.²⁷

Явление полисемии и полифункциональности рассматривалось Э.В. Севортьяном на материале азербайджанского языка. Так, анализируя азербайджанский суффикс -лы, Э.В. Севортьян приходит к такому выводу: "Простые прилагательные с аффиксом -лы можно отнести к явлениям словообразования, определительные фор-

²³ Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. Л., 1987. С. 23.

²⁴ Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка: Бикинский (уссурийский) диалект. Л., 1976. С. 45.

²⁵ Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. С. 106.

²⁶ Шербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Л., 1977. С. 96-98.

²⁷ Там же. С. 102.

мы словосочетаний – к формообразованию, а сложные прилагательные на -лы – к переходной категории между первыми и вторыми”²⁸

На материале форманта -лы Э.В. Севортян показывает взаимосвязь семантики основы и суффикса, отмечая, что при предметном значении существительного прилагательное, образованное от него при помощи рассматриваемого суффикса, означает 'обладающий этим предметом'. Если же существительное означает процесс, то образованное от него прилагательное передает значения 'обладающий результатом действия', 'находящийся в определенном состоянии', а также 'обладающий способностью к определенному действию'²⁹

Называя ряд последовательных значений другого азербайджанского суффикса -лыг, Э.В. Севортян приводит факты образования имен с разными значениями от одной и той же основы: ахшамлыг 'относящийся к вечеру', 'достаточный на один вечер' и 'что-либо, предназначенное на вечер'. Это явление он связывает со спецификой семантики основы.³⁰

Подобные явления не только характерны для языков алтайской группы, они имеются также и в агглютинативных языках других групп. Так, в нивхском языке В.З. Панфилов выявляет общность происхождения суффикса множественного числа и словообразовательного суффикса имен собственных, что можно рассматривать как факт многозначности или развития многозначности у одного суффикса.³¹ Он отмечает также факт употребления нивхского суффикса -к и в формообразующей, и в словообразовательной функции.³²

У Б.А. Серебренникова мы находим факты, свидетельствующие о том, что суффиксы собирательной множественности в уральских языках также могли употребляться в роли суффиксов прилагательных, обозначающих ослабление качества, повышенную степень качества, а также служивших для образования относительных прилагательных. В этой же работе говорится о возможности функционирования суффиксов собирательной множественности в качестве суффиксов абстрактных существительных.³³

²⁸ Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966. С. 56.

²⁹ Там же. С. 56.

³⁰ Там же. С. 48.

³¹ Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. М.; Л., 1962. Ч. I. С. 94.

³² Там же. С. 48.

³³ Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974. С. 165–171.

2. Синкретические формы

Проблема синкретических форм была и остается спорной и не решенной для всех трех групп алтайских языков. Обзор взглядов исследователей монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на эту проблему изложен в статье автора настоящей работы, посвященной наречиям в алтайских языках, в связи с чем здесь нет необходимости повторяться.³⁴

По поводу этой проблемы целесообразно сделать лишь два предварительных замечания. Первое из них касается принципов подхода к рассматриваемому явлению, второе, по сути дела, является обоснованием необходимости рассматривать данные факты в рамках работы, посвященной словообразованию.

Одним из вариантов подхода к синкретическим формам было выделение их в особую самостоятельную группу (или часть речи) под названием „имена качества“, представляющую собой явление, специфическое для алтайских языков и чуть ли не исключительно присущее именно этим языкам. Такой подход отрывал эти словоформы от иных грамматических разрядов слов в теоретическом плане, в то время как на практике функции данных словоформ неизбежно оказывались общими с одной из рассматриваемых частей речи. Таким образом, теоретически „самостоятельная“ грамматическая категория оказывалась „несамостоятельной“ в сфере своего употребления, т.е., в конечном счете, лишенной собственного содержания.

Другой вариант подхода предполагал решение вопроса о принадлежности словоформы к одному из грамматических разрядов слов по их функционированию в каждом конкретном случае, как бы расчленяя одну и ту же словоформу на три разные ипостаси и тем самым уничтожая данную группу как нечто единое и целое.

Подобного подхода придерживался и автор в упомянутой статье. Оставаясь в целом на тех же позициях, когда речь идет о современном состоянии синкретических словоформ, хотелось бы взглянуть на эти словоформы под несколько иным углом зрения. Основание для такого взгляда существует, поскольку в грамматической литературе неоднократно отмечалась архаичность этих словоформ, отражающих ту стадию развития языка, когда существующие ныне грамматические разряды слов не были сформированы. В основном это положение верно. И оно было бы абсолютно верно, если бы ныне существующие синкретические словоформы являлись только неизменяемыми словами. Однако среди синкретических форм наблюдается немало производных, оформленных живыми и продуктивными суффиксами, что не мешает им функционировать в разных качествах. Следовательно, эти архаичные формы не являются просто

реликтовыми явлениями, а "архаичность" воспроизводится вновь в процессе развития языка и продолжает свое существование в современности. Эта способность к воспроизводству и требует своего объяснения.

Необходимость же рассматривать синкретические формы в связи со словообразованием определяется тем, что при таком подходе выявляется роль суффиксации как ведущего фактора в формировании грамматических разрядов слов (см. раздел 3, гл. I).

По поводу синкретических форм существительное/прилагательное Л.П. Якубинский пишет: «Между существительными и прилагательными первоначально нет никакого грамматического различия; обе грамматические категории выделяются из общей категории имени, которое используется то как название предмета, то как название признака. Первоначально группы имен, закрепляемых для обозначения признака, ограничиваются чисто лексически; определенные имена специализируются для обозначения признаков; так, например, в турецком языке слово ак 'белый', ничем не отличаюсь по форме от существительного, закреплено для выражения понятия "белый"». ³⁵ Далее Л.П. Якубинский проводит разграничение лексических определений и синтаксических форм определений-прилагательных также на примере из турецкого языка. Отличие вторых состоит в том, по определению Л.П. Якубинского, что определения-прилагательные находятся в позиции перед определяемым именем и не склоняются. Подобный же способ выражения определения-прилагательного Л.П. Якубинский находит в архаичных русских словоформах типа жар-птица, душа-человек, царь-девица и т.п. ³⁶ Отличие русских архаичных форм от современных синкретических словоформ существительное/прилагательное в алтайских языках очевидно и комментариев не требует.

Еще одним фактором, который, по всей видимости, необходимо учитывать при изучении развития прилагательных как самостоятельной категории, является возникающая необходимость морфологического подкрепления принадлежности словоформы к определенной части речи. Учитывая эти три фактора, попробуем проанализировать синкретические формы на материале калмыцкого языка.

Все синкретические формы, приведенные далее, получены путем сплошной выборки из "Калмыцко-русского словаря" словоформ, передаваемых на русский язык различными грамматическими категориями. Всего таких словоформ оказалось около пятисот. Ведущим и лежащим на поверхности признаком для классификации этих синкретических форм является их производность и непроизводность. Непроизводные словоформы составляют более половины от всего количества этих форм, остальные — производные.

³⁵ Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 210, 211.

³⁶ Там же. С. 211.

Из непроизводных словоформ абсолютное большинство представляют собой нерасчлененные формы существительное/прилагательное. Остальные словоформы делятся на следующие группы: I. Существительное/прилагательное; II. Прилагательное/наречие; III. Существительное/наречие; IV. Существительное/прилагательное/наречие. В первые две группы входят по три десятка словоформ, в третью вдвое меньше.

Семантический анализ синкретических форм в некоторых случаях способен прояснить причины возможности употребления данной словоформы в различных функциях, особенно в многочисленной группе существительное/прилагательное, но чаще всего подобное объяснение возможно лишь в первом приближении.

I. Существительное/прилагательное. Эта группа синкретических словоформ подразделяется на ряд подгрупп.

1. Слова первой подгруппы обозначают наименование материала и характеризуют предмет по данному материалу: болд 'сталь/стальной', бул 'пух/пуховый', зандн 'сандал/сандаловый', зес 'медь/медный', молр 'хрусталь/хрустальный', ноосн 'шерсть/шерстяной', евр 'рог/роговой', тан 'перламутр/перламутровый', хув 'янтарь/янтарный', хусм 'береза/березовый', цаасн 'бумага/бумажный', цасн 'снег/снежный', це 'чугун/чугунный', чолун 'камень/каменный', шавр 'глина/глиняный', шил 'стекло/стеклянный' и т.п. Таким же образом функционируют и заимствованные в недавнее время словоформы с подобной семантикой: асфальт 'асфальт/асфальтовый', бетон 'бетон/бетонный', т.е. данная модель оказывается продуктивной и воспроизводится заново.

К этой подгруппе примыкают словоформы, которые называют различных животных и одновременно определяют какой-либо предмет по материалу, сделанному из их меха: арат 'лиса/лисий', арат зах 'лисий воротник' (воротник из меха лисы); кермн 'белка/беличий', кермн девл 'беличья шуба'; мис 'кошка/кошачий'; мечн 'обезьяна/обезьяний'; туула 'заяц/заячий'; унгн 'лиса/лисий'; шилүсн 'рысь/рысий'.

Синкретическая форма сохраняется при употреблении этих слов в переносном значении: туула урл 'заячья губа', туула жил 'год зайца'; унгн жора 'плавная (букв. 'лисья') иноходь'. Однако для формирования прилагательного, обозначающего принадлежность чего-либо данному зверю, т.е. притяжательного прилагательного, необходимо присоединение соответствующего суффикса: аратин арсн 'лисий мех', кермнэ арсн 'беличий мех', миисин нүдн 'кошачьи глаза', туулан арсн 'заячья шкура', унгнэ мек 'лисья хитрость' и т.п.

Вместе с тем синкретическая форма может передавать значение одушевленного существительного и одновременно значение притяжательного прилагательного, если она обозначает представителя какой-либо национальности или этнической группы: дервд 'дербеты/дербетский', дервд айлһ 'дербетский говор'; монһл 'монгол/монгольский', монһл келн 'монгольский язык'; парнцс 'француз/

французский'; тург 'тук/турецкий'; хазг 'казак/казацкий'; хасг 'казак/казацкий'; якут 'якут/якутский'.

Эти примеры свидетельствуют о том, что семантика слова оказывается непосредственно связанной с возможностью его употребления в качестве того или иного грамматического разряда слов и даже определяет эту возможность. Если для слова, обозначающего животное, необходимо отграничение чего-либо ему принадлежащего от чего-либо, из него сделанного, то слово, обозначающее человека, такого разграничения не требует, поскольку человек не может служить материалом для изготовления чего-либо.

К рассмотренной выше подгруппе относятся и синкретические формы с несколько более абстрагированным значением прилагательного, но сохраняющими свое исходное значение вещественного существительного: бууда 'зерно/зерновой', һал 'огонь/огненный', дөөсн 'веревка/веревочный', мөсн 'лед/ледяной', усн 'вода/водный', утан 'дым/дымовой', хорн 'яд/ядовитый', ширм 'пепел/пепельный'.

Во всех словоформах рассмотренной подгруппы лексическое значение одновременно является и номинативным, и атрибутивным (камень — 'каменный', а дерево — 'деревянное' — подобная тавтология, возможно и излишняя, тем не менее всегда справедлива). На первое место в словоформах этой подгруппы выступает номинативное значение, а атрибутивное можно считать вторичным.

2. Вторая подгруппа состоит из словоформ как определяющих какое-либо качество и характеризующих предмет по какому-либо признаку, так и одновременно обозначающих предмет этим качеством и через это качество. Часто эти словоформы связаны с обозначением и характеристикой человека: аля 'непутевый/бездельник', андн 'скандальный/скандалист', буурл 'седина/седой', һалзн 'лысина/лысый', инг 'любимый/любимец', исэлэ 'маленький/мальш', кеемсг 'франтоватый/франт', келкэ 'заика/косноязычный', көзг 'упрямый/упрямец', көр 'хвостун/хвастливый', мажг 'урод/уродливый', өвгн 'старик/старый', ховдг 'жадность/жадный', яду 'бедность/бедный'.

Многие словоформы не связаны с обозначением человека и его качество, но тоже называют предмет по качеству и одновременно характеризуют его этим качеством: һалзу 'бешенство/бешеный', һалзу ноха 'бешеная собака' и һажгас һалзу ээнэ 'пьяного бешеный боится'; долда 'шар/круглый'; дунд 'середина/средний', тал дунд 'в середине, в центре', дунд хурһн 'средний палец'; дунһра 'круг/круглый'; жилһн 'лицемерие/лицемерный'; намг 'болото/болотистый'; садв 'туберкулез/туберкулезный'; цөл 'пустыня/пустынный'.

По своему грамматическому содержанию эта подгруппа ничем не отличается от первой подгруппы, различие состоит лишь в семантическом плане.

3. В третью подгруппу включаются словоформы, обозначающие абстрактные, отвлеченные понятия в отличие от первых двух подгрупп, обозначающих в подавляющем большинстве предметные, ве-

шественные реалии. При этом и внутри этой подгруппы возможна дальнейшая, более дробная классификация. В основу этой дополнительной классификации положено "равноправие" или "неравноправие" составляющих значений существительного и прилагательного.

а) Под "равноправными" значениями подразумеваются такие значения, ни одно из которых не может по каким-либо соображениям быть названо первичным или ведущим.

Таковыми являются следующие словоформы: һадр 'внешний покров, наружная сторона/наружный, внешний', һадр хувци 'верхняя одежда', девлин һадр 'верх шубы', дегтрин һадр 'переплет (букв. 'верх') книги': һаң 'засуха/засушливый'; һаслң 'горе, печаль/горестный, печальный', һаслң угаһар бәәх 'жить без печали', һаслң дун 'печальная песня'; саму 'смута/смутный', саму тархах 'распространять смуту', саму цаг 'смутное время'; серун 'прохлада/прохладный', өрүн серун 'утренняя прохлада', серун өдр 'прохладный день', серун орх 'стало прохладно' (букв. 'прохлада пришла'); сүүдр 'тень/тенево́й', модна сүүдр 'тень дерева', сүүдр талх 'тенева́я сторона'.

Значение прилагательного или существительного выявляется в этих примерах только в контексте, в зависимости от позиции до или после другой словоформы.

б) Для "неравноправных" значений возможно выделение ведущего значения. Такие словоформы можно характеризовать как преимущественно существительные, но способные передавать значения прилагательных, или как прилагательные, функционирующие в роли существительных.

Следующие словоформы обладают ведущим значением прилагательного: алдр 'славный, известный, знаменитый/слава, известность, знаменитость', бачм 'спешный/спешка', билдр 'увертливый/увертка', һавц 'проворный, ловкий/проворство, ловкость', һашун 'горький/горечь', дуту 'недостающий/недостача', кив 'внимательный, сообразительный/внимательность, сообразительность', кииср 'яловая (корова)/яловость', күүрг 'хрупкий/хрупкость', тату 'недостаточный/недостаточность', улыг 'назойливый/назойливость', эрднь 'драгоценный/драгоценность'.

Критерием для выделения ведущей роли значения прилагательного служат следующие соображения. Во-первых, эта большая степень конкретности в значениях прилагательного, в то время как значение существительного более опосредованно и потому абстрагируется от конкретных реалий. Так, если 'горький'—это обозначение непосредственного вкусового ощущения от какого-либо конкретного предмета, то 'горечь'—это обобщенное обозначение качества, оторванное от конкретного предмета и предметно мыслящееся. Такое же обобщение заключено и в значениях существительных 'проворство', 'ловкость', 'недостача' и пр. Значения же существительных типа 'яловость' могли возникнуть лишь на определенном и достаточно высоком уровне развития производственной и научной деятельности. Подобные значения характерны не столько

для "бытового", "разговорного" слова, сколько для научной терминологии.

Во-вторых, это сфера употребления многих словоформ подобного рода. В бытовой речи они употребляются чаще всего в качестве прилагательных — һашун нур 'соленое озеро' ('горькое озеро'). Но в значении существительного эта словоформа имеется в пословице һашун уга, жирһл уга 'горечи нет — сладости нет'. В пословицах и поговорках встречаются и другие синкретические формы, передающие значение существительного: улыг күн 'назойливый человек', но олн үг келхләулыг цән үг кельхлә билг 'много говорить — назойливость, мало говорить — мудрость'; немр үнлт 'прибавочная стоимость', но в поговорке: далад дусал чигн немр болдг 'океану и капля прибавка' — существительное. Итак, значение существительного возникает уже в особо организованном, обработанном тексте, который является началом литературного языка, а не обыденной речью. Еще одним нелишним подтверждением более высокого стиля значения существительного служит и синкретическая форма в сочетании көгжмин билг 'музыкальное дарование', но билгтә күн 'одаренный человек'. Во втором сочетании словоформа билг 'дарование/одаренный' подкреплена еще и соответствующим суффиксом прилагательного.

Синкретических форм с ведущим значением прилагательного по количеству значительно больше, чем "равноправных", но существенно меньше, чем форм с ведущим значением существительного, которые описаны в предыдущих подгруппах и которые будут приведены далее.

в) Синкретические формы с ведущим значением существительного: атлетик 'атлетика/атлетический', барун 'запад/западный', бээц 'быт/бытовой', зев 'право/правовой', иткл, ищг 'надежда/надежный', келн 'язык, речь/языковой, речевой', тууж 'история/исторический'.

Обоснование ведущего значения то же самое: большая степень опосредованности, которая в данном случае характерна именно для прилагательных. Наименование предмета здесь оказывается более конкретным и близким к бытовому языку, чем более обобщенное значение прилагательных 'атлетический', 'бытовой' или таких терминологических прилагательных, как 'правовой', 'исторический', 'речевой', 'языковой'. Следствием этого является тот факт, что для более явного выделения значения прилагательного подобные словоформы чаще всего подкрепляются суффиксами имен прилагательных: атлетикин 'атлетический', баруна 'западный', бээцин 'бытовой', зевин 'правовой', итклтә, ищгтә 'надежный', туужин 'исторический' и т.п.

II. Прилагательное/наречие. Эта группа синкретических форм отличается от первой группы в первую очередь отсутствием в ней словоформ с предметным значением. И это совершенно естественно, поскольку и прилагательные, и наречия по сути своей являются определительными словами. Связь словоформ этой группы с существительными может быть лишь генетической. Существует она

только в том случае, если на базе существительного развивается новое, чаще всего переносное, значение. Так, существительное дала 'океан' в переносном значении означает 'много' (наречие) и 'бесчисленный' (прилагательное).

Если формы существительное/прилагательное различались по своим значениям в зависимости от позиции до или после связанного с ними слова, то для форм прилагательное/наречие характерна позиция перед определяемыми ими словами. Значение прилагательного выявляется в позиции перед существительными, наречия — в основном перед глаголами. Исключения из этого правила для наречий немногочисленны: ора цаг 'позднее время' и асхн ора 'поздно вечером', түргн поезд 'скорый поезд' и во фразеологизме — түргн һазр авх 'быстро распространиться' (о болезни), букв. 'быстро место взять'. В остальных примерах нарушений порядка слов нет: нам 'спокойный, тихий/спокойно, тихо', нам күн 'спокойный человек' и нам бәэх 'спокойно жить'; салу 'отдельный/отдельно', салу сүрг мал 'отдельный гурт скота', салу бәэх 'отдельно жить'; таавр-түүвр 'редкий/редко', таавр-түүвр сахл 'редкая борода' и модн таавр-түүвр урһж 'деревья выросли редко'; тод 'ясный, отчетливый/ясно, отчетливо', тод зург 'отчетливый рисунок' и тод сонсх 'отчетливо слышать'; шуд 'прямой/прямо', шуд йовх 'идти прямо' и шуд хәрх 'прямодушный ответ' (букв. 'прямой ответ').

В синкретических формах прилагательное/наречие, по всей видимости, нельзя выделить ведущее значение. Можно лишь предположить, что изначально оба значения были равноправны, но впоследствии за этими формами стало закрепляться значение прилагательного. Это подтверждается тем фактом, что в большом количестве случаев значение наречия подкрепляется наречным суффиксом. Те формы, которые представлены в словаре как синкретические, снабжены примерами, не подтверждающими значение наречия: бат 'крепкий/крепко', бат деесн 'крепкая веревка', но батар унтх 'крепко спать'; һо 'прямой/прямо', һо аалх 'прямая дорога', но һоодан йовх 'идти прямо'; кимд 'дешевый/дешево', кимд эд 'дешевый товар', но кимдәр 'дешево'; цевр 'чистый', но цеврәр 'чисто'; шулун 'быстрый', но шулуһар 'быстро'; элвг 'обильный', но эвлгәр 'обильно' и т.п. Итак, во всех этих случаях значение наречия подкреплено специальным суффиксом.

III. Существительное/наречие. Существование подобной группы в теоретическом плане маловероятно, поскольку непосредственной связи между значениями существительного и наречия не обнаруживается. Между ними должно быть связующее звено, роль которого с успехом может выполнять именно прилагательное, которое в определенных отношениях сближается и с существительным, и с наречием.

Конкретный материал словарей также не дает достаточных оснований для подтверждения самого существования синкретических словоформ с этими двумя значениями.

В "Калмыцко-русском словаре" приводится лишь несколько словоформ со значениями существительное/наречие, но и они могут быть приняты лишь с существенными оговорками. Так, словоформа атх приводится с двумя значениями: 'горсть', 'пригоршня' и 'незначительно', 'совсем немного', 'мало'. При этом в словаре примером подтверждено только значение существительного: атх һуйр 'горсть муки'. Второе значение 'незначительно', 'мало', хотя и не подкреплено примерами, но вполне вероятно и явно является переносным. Словоформа хату в своем основном значении является прилагательным 'твердый', 'жесткий', 'крепкий'. Значение наречия 'трудно', очевидно, также является переносным: эн кедлмиг күүцэхд хату 'эту работу выполнить трудно'. Приведенное значение существительного 'трудность' примером не подтверждено. Также не приводятся примеры на значение существительного словоформы хомс 'скудность/скудно'.

В некоторых случаях возможно употребление в роли существительных и наречий слов, обозначающих времена суток: өрүн 'утро/утром', өрүн болһн 'каждое утро' и өрүн эрт 'утром рано'. Однако чаще всего в функции наречия өрүн подкрепляется наречным суффиксом -эр - өрүһэр 'утром'. Такого же подкрепления в функции наречия требуют и другие слова этой семантики: нарта өдр 'солнечный день', но бидн өдрэр күрхивидн 'мы днем приедем'; се 'ночью', но сеэд, сөөһэр 'ночью'. Из этих фактов следует, что группа синкретических форм существительное/наречие весьма ограничена и само существование ее проблематично.

1У. Существительное/прилагательное/наречие. Эта группа синкретических форм также немногочисленна и довольно условна, так как в роли по крайней мере одной или двух частей речи требуется подкрепление соответствующим суффиксом. При этом иногда при подкреплении возникает семантический сдвиг.

Входят в эту группу слова с отвлеченным значением: амр 'спокойствие/спокойный/спокойно', амрар 'легко', 'просто', 'свободно'; амуц 'благополучность/благополучный/благополучно', амуцта 'благополучный'; арһул 'тихо, спокойно, медленно/тихий, спокойный, медленный/тишина, медлительность'; берк 'трудность/трудный/трудно', берктэ 'трудный'; дегц 'одновременность/одновременный/одновременно'; лав 'верность, точность/верный, точный/верно, точно', лавар 1) 'верно', 'точно' и (со сдвигом значения) 2) 'основательно', 'надежно'; мөнк 'вечность/вечный/вечно', менкин 'вечный', мөнкрлт 1) 'вечность' и (со сдвигом значения) 2) 'бессмертие'; тагчг 1) 'тишина/тихий/тихо', 2) 'молчание/молчаливый/молча'; эндү 'ошибка/ошибочный/ошибочно', эндүһэр 'ошибочно', эндүтэ 'ошибочный'.

Приведенные значения этих форм также можно классифицировать по степени абстрактности. Несомненно, что 'вечность' и 'молчание' являются носителями большей степени абстрактности, чем 'ошибка'. Именно поэтому мөнкр в значении существительного требует подкрепления: мөнкрлт 'вечность', а тагчг в значении существительного 'молчание' употребляется в поговорках: тагчг бээлһн -

зевшэржах темдг 'молчание – знак согласия'. В словоформе же эндү 'ошибка' значение существительного более конкретно и потому подкрепления суффиксами требуют значения прилагательного и наречия.

Таким образом, из непроединительных синкретических форм наиболее явно выраженной синкретичностью обладают формы, передающие значения существительное/прилагательное (особенно первые две подгруппы) и частично прилагательное/наречие. Остальные группы выделяются весьма условно и с существенными оговорками.

Рассмотрим далее это же явление на материале производных словоформ.

Основное отличие производных синкретических форм от непроединительных заключается в первую очередь в полном отсутствии таких групп, как существительное/прилагательное/наречие и существительное/наречие. Такие редкие примеры, как аңхрлго 'невнимательность/невнимательный/невнимательно' вряд ли следует принимать во внимание, так как значение существительного в них возникает только в русском переводе: аңхрлго эндү һарһх переводится по смыслу 'сделать ошибку по невниманию', в то время как буквальным переводом будет: 'без внимания ошибку сделать'. Так что рассматриваемая форма является в данном примере не существительным, а прилагательным. Отсутствие форм существительное/наречие также вполне естественно, поскольку даже в непроединительных формах эти два значения практически не совпадают в одной форме. Очень редки случаи, когда два значения одного слова принадлежат к различным группам синкретических форм: дурн 'желание', 'охота' – производное от него дурдан означает 1) 'своевольный/своевольно' (прилагательное/наречие) и 2) 'вольность/вольный' (существительное/прилагательное).

Именно эти два типа значений и представлены производными синкретическими формами.

Г. Существительное/прилагательное. Почти половина синкретических форм этой группы образована с помощью суффикса -ч и суффикса -ач (-ач, -һач, -һач). Суффикс -ч образует названия лиц по роду их деятельности, профессии и специальности, названия лиц по их призванию или по характерному признаку-свойству, а также наименования лиц по их склонности, пристрастию к какой-либо деятельности. Суффикс -ч употребляется с именными основами. Суффикс -ач близок по своему значению к суффиксу -ч, но присоединяется к глагольным основам, образует существительные, обозначающие не только лиц, но и названия предметов по их признаку и назначению.³⁷ Одновременно с обозначением лиц эти производные формы с этими же суффиксами выступают и в роли прилагательных, характеризующих человека по передаваемому ими признаку. Эти словоформы входят в первую подгруппу.

1. Синкретические формы первой подгруппы полностью соответствуют формам второй подгруппы производных существительных/прилагательных: атархгч 'завистник/завистливый', бардмч 'хвастун/хвастливый', барач 'строитель/строительный', булагч 'захватчик /захватнический'; гемшагч 'обвинитель/обвинительный', олна гемшагч 'общественный обвинитель' и гемшагч үг 'обвинительная речь'; дээч 'воин/воинственный', туурмжта дээч 'доблестный воин' и дээч үэлтэ болх 'иметь воинственный вид'; деермч 'грабитель/грабительский'; дууч 'певец/певчий', оперин дууч 'оперный певец' и дууч шовун 'певчая птица'; зааһач 'указатель/указательный', зааһач гемдг 'указательный знак' и библиографин зааһач 'библиографический указатель'; зодлдач 'драчун/драчливый'; мекч 'хитрец/ хитрый'; хаһач 'стрелок/стрелковый', хаһач хавта болх зөвтэ 'стрелок должен быть метким' и хаһач полк 'стрелковый полк'; худлч 'лжец/лживый'; чишкэч 'крикун/крикливый'; шогч 'шутник/ шутливый'.

К этой же подгруппе можно отнести все синкретические формы, обозначающие человека и характеризующие человека, но образованные при помощи других суффиксов: боожун 'крепш/крепкий' (о ребенке), гемта 'преступник/преступный', деегүр 'гордость/гордый'; ирүд 'пришелец/пришедший', көрхн 'красавец/красивый', таһлзур 'угодник/угодливый', уульма 'плакса/плаксивый', шалышдг 'болтун/болтливый', ядухн 'бедняжка/бедненький'.

2. Ко второй подгруппе относятся предметные существительные, которые могут употребляться в роли прилагательных, характеризуя что-либо по значению, выраженному основой: белчр 'пастбище/пастбишный', буһрха 'вывих/вывихнутый', замго 'бездорожье/бездорожный', зурмуул 'раствор/растворенный', хаһрха 'дыра/дырявый', хамрха 'обломок, черепок/разбитый, разрушенный'; цеглг 'цветник/цветущий'.

Ведущим значением форм этой подгруппы можно признать значение существительного. Значение прилагательного оказывается ведущим в редких случаях: арэһр 'шероховатый, неровный/шероховатость, неровность', дөрвүжн 'квадратный/квадрат'.

3. Третью подгруппу составят отвлеченные существительные, в которых, так же как в производных синкретических словоформах, можно выделить одно из ведущих значений – значение либо прилагательного, либо существительного.

а) Синкретические формы с ведущим значением существительного: белдкд 'приготовление, подготовка/приготовительный, подготовительный', ашудл 'траур, печаль, скорбь/траурный, печальный, скорбный', дамбрлт 'сатира/сатирический', дурсхл 'память/памятный', оршл 'введение, вступление/вводный, вступительный', соңсвр 'слух/слуховой', хальдвр 'зараза/заразный', эвэң 'гнев/гневный', ягдһр 'прогиб (в спине)/прогнутый'. Значение прилагательного в такого рода словоформах требует иногда суффиксального подкрепления: һашудлын, һашута 'траурный', дамбрлтта 'сатирический', хальдврта 'заразный', 'инфекционный', эвэңтэ 'гневный', 'раздражительный'.

б) Ведущее значение прилагательного проявляется в следующих синкретических формах: живхлн 'величественный/величина', кинэн 'прилежный, старательный/прилежность, старательность', зергилц 'параллельный/параллельность', модьрун 'грубый/грубость', сергилц 'бодрый/бодрствование'. Число подобных форм весьма ограничено.

II. Прилагательное/наречие. Во всей этой группе синкретических форм ведущим значением можно считать значение прилагательного. Этот вывод возможен в первую очередь потому, что все производные формы, входящие в эту группу, образованы при помощи словообразовательных суффиксов прилагательных. Наиболее продуктивными оказываются два суффикса: -го и -та (-та).

Суффикс -го происходит от отрицательной частицы уга 'нет' и образует имена прилагательные "со значением отсутствия какого-либо признака, качества, свойства у предмета".³⁸ Это же значение сохраняется при функционировании подобных словоформ в качестве наречия: алдгго 'безошибочный/безошибочно', амрго 'неспокойный/неспокойно', аньрго 'беззвучный, бесшумный/беззвучно, бесшумно'; болдго 'невозможный/невозможно', 'нельзя' (напр., болдго зан 'невозможный характер' и тигж болдго 'так делать нельзя'), болшго 'невозможный, несбыточный/невозможно', 'нельзя', буцлтго 'безвозвратный/безвозвратно', бүтэлго 'неудачный, неуспешный/неудачно, неуспешно', негцлго 'невозможный/невозможно', саадго 'беспрепятственный/беспрепятственно', санамсрго 'необдуманый, опрометчивый/необдуманно, опрометчиво', тасрлтго 'беспрерывный, непрерывный/беспрерывно, непрерывно', тусго 'беспользительный/беспользительно' и т.п.

Суффикс -та (-та) также является суффиксом имен прилагательных, обладающим противоположным суффиксу -го значением, т.е. передающим значение 'имеющий что-либо', 'содержащий что-либо'.³⁹ Типичными примерами таких форм можно считать следующие: зэмштгта 'опасный, страшный/опасно, страшно', бүтэлта и бүтамжта 'успешный, удачный/успешно, удачно', гейүрлнта 'унылый/уныло', һацата 'упрямый/упрямо', һундлта 'печальный, горестный/печально, горестно', дамилта 'сомнительный/сомнительно', жигтэ 'странный, удивительный/странно, удивительно', жигүрлнта 'отвратительный, противный/отвратительно, противно', жилвта 'страстный, жадный/страстно, жадно', жирлнта 'счастливый, радостный/счастливо, радостно', зута 1) 'грязный/грязно', 2) 'злостный/злостно', хааһата и хаалһата 'закрытый/закрыто'. Иногда в значении наречия эти формы подкрепляются наречным суффиксом -ар: зэмштгтаһар 'опасно, страшно', жигтаһар 'странно, необычайно', жилвтаһар 'жадно', жирлнтаһар 'радостно, хорошо'.

Несмотря на то что суффикс -ар (по происхождению суффикс орудного падежа) выступает преимущественно в роли суффикса

³⁸ Там же. С. 293.

³⁹ Там же. С. 138.

наречий, словоформы с этим суффиксом иногда оказываются тоже синкретичными и передают значения наречия и прилагательного. В подобных синкретических словоформах значение наречия можно считать ведущим: амар 'устно/устный' (от ама 'рот'), эңг-эңгэр 'отдельно/отдельный', гүүнэр 'глубоко/глубокий', хүүрэнэр 'сухо/сухой'. В значении прилагательного некоторые из этих форм употребляются с суффиксами родительного падежа: эңгин 'отдельный', кадһэ и кадһин 'нарядный, красивый'. Но и с суффиксом родительного падежа в других случаях также возможно образование синкретических форм, например кезэнэ (род. пад. от кеза 'когда') 'давно, издавна/давнишний'.

Синкретические формы образуются и с суффиксами -ан (-эн), которые трактуются как «частицы притяжания»,⁴⁰ но в образованных с ними формах полностью теряют значение принадлежности. Обычно эти суффиксы присоединяются к формам в дательном падеже: аюдан 'машинально, бессознательно/машинальный, бессознательный', эмдэн 'отдельно/отдельный', хамдан 'вместе, совместно/совместный'.

В роли словообразовательного суффикса, образующего синкретические формы, выступает и уменьшительный суффикс -хн: амрхн 'простой, легкий/просто, легко', аңхн 'первоначальный, начальный/сперва, вначале, впервые', ахрхн 'короткий, краткий/коротко, кратко', баахн 'небольшой, маленький/немного, несколько'. Параллельно с этими формами наречия образуются от тех же основ с суффиксом -ар: ахрар 'сжато', 'кратко', баахар 'немного'.

Суффикс -цр, близкий по значению суффиксу -хн, также встречается в синкретических формах: баһцр 'небольшой, маленький/немножко, маловато', бүдүцр 'толстоватый/толстовато'.

3. Ф о р м и р о в а н и е г р а м м а т и ч е с к о г о р а з р я д а п р и л а г а т е л ь н ы х

Особенности синкретических форм, рассмотренные в разделе 2 на материале калмыцкого языка, принципиально не отличаются от синкретических форм в других монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. В первую очередь это относится к первичным производным синкретическим формам существительное/прилагательное, с которых и началось формирование прилагательных как самостоятельной части речи. Но если развитие самих синкретических форм происходило в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках одинаково, то в формировании прилагательных выявляются определенные различия. Причем эти различия начинают возникать не с самых начальных стадий развития, а позднее, и проявляются не только в разных группах (монгольской и тунгусо-маньчжурской), но и в разных языках каждой из групп.

⁴⁰ Там же. С. 265.

В этом разделе будут рассмотрены как эти общие этапы формирования прилагательных, так и развитие прилагательных внутри разных языков одной языковой группы. При этом под формированием прилагательных понимается не только морфологическое выделение определенных словоформ в категорию прилагательных, но и возникновение уменьшительных, увеличительных форм, форм субъективной оценки, неполноты качества и т.п.

В грамматическом и морфологическом развитии прилагательных монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в целом выделяется пять этапов, из которых первые три являются общими для двух групп языков, а четвертый демонстрирует различия как в развитии самих прилагательных, так и в семантическом развитии суффиксов прилагательных. Пятый этап развития прилагательных связан с тунгусо-маньчжурскими языками. В монгольских языках этот этап отсутствует.

I этап. К этому этапу относится бытование синкретических форм типа существительное/прилагательное, описанных в разделе 2 данной главы, причем в семантическом плане ведущей, очевидно, была группа словоформ, передающих название материала и характеризующих предмет по материалу. Основанием для такого утверждения может служить большая конкретность подобных словоформ, а точнее реалий и понятий, которые они обозначают. Приводить конкретные примеры форм этого этапа весьма затруднительно, так как хронологически этот этап существовал значительно раньше, чем сформировавшийся и существующий ныне слой синкретических форм, приведенный в начале раздела 2 этой главы. Последний является фактом современного языка, но и одновременно результатом предыдущего длительного развития. Здесь же речь идет о предположительных и подлинно архаичных формах. Так, можно только догадываться, что тунгусо-маньчжурская словоформа мб означала на том этапе и 'дерево' и 'деревянный'. В современных тунгусо-маньчжурских языках значения 'деревянный' у этой формы не зафиксировано. Во всяком случае словари, включая "Тунгусо-маньчжурский словарь", не приводят этого значения. Для передачи значения 'деревянный' необходимо употребление определенного суффикса. Вместе с тем бурятская словоформа модон означает и 'дерево' и 'деревянный', но эту словоформу вряд ли можно считать архаичной, поскольку она исторически является производной, хотя в современном бурятском языке элемент -дон не выделяется как самостоятельная морфема. Таким образом, современные синкретические словоформы дают только принципиальное представление о собственно архаическом синкретизме, во времена которого словообразовательных и словоизменительных морфем, скорее всего, вообще не существовало.

II этап. На этом этапе возникновение каких-либо формантов представляется вполне вероятным и возможно также, что и сами эти форманты были синкретичными, т.е. совмещали в себе и словообразовательное и формообразующее значения. Остатки этого морфологического синкретизма прослеживаются и в современных алтай-

ских языках, проявляясь в способности одних и тех же суффиксов выступать в двух качествах. Но если на современном этапе эти значения обнаруживаются раздельно, т.е. в одних случаях выявляется словообразовательная функция данного суффикса, а в других — формообразующая, то в архаичных синкретических морфемах эти значения были совмещены и реализовывались одновременно при присоединении данной морфемы к одной словоформе.

Примером подобной синкретической морфемы может служить эвенкийский суффикс -кән и бурятский -хан. Подробно семантическая эволюция более позднего периода бытования этих суффиксов в обоих языках рассматривается в гл. III, а здесь будет сделана попытка выявить их наиболее архаичные черты, частично сохранившиеся в современных эвенкийском и бурятском языках.

Г.И. Рамстедт считал суффиксы -кән и -хан родственными в рамках алтайского праязыка, что несомненно свидетельствует о древнем происхождении данных суффиксов.⁴¹

Очень существенно именно в этом плане и наблюдение О.А. Константиновой о распространенности элемента к, "являющегося древнейшим элементом, участвующим в образовании аффиксов (формообразующих и словообразовательных)".⁴²

О полифункциональности этого суффикса, кстати, широко распространенного не только в эвенкийском, но и во всех тунгусо-маньчжурских языках, говорится в работах В.А. Аврорина, который отмечает его способность как образовывать новые слова, т.е. выступать в роли словообразовательного суффикса (дэкан 'маленький дом', 'домик' от дэ 'дом', но и дэкан 'кладка дров'), так и функционировать в роли уменьшительного суффикса с именами существительными и ласкательного с именами прилагательными (т.е. выступать в формообразующей роли).⁴³

Более подробное исследование этого суффикса, проведенное О.П. Суником, позволило автору сделать следующий вывод: "Многofункциональный и фонетически неустойчивый формант, выступающий ныне со значением уменьшительности-ласкательности, некогда выражал какую-то часть или части предмета, коллектива, совокупности такого же рода предметов, являющихся членами более обширного единства".⁴⁴

Суффикс -хан также широко распространен в монгольских языках, как -кән в тунгусо-маньчжурских. В "Грамматике бурятского языка" уменьшительно-ласкательному суффиксу -хан (-хэн, -хон) отводится особое место среди других суффиксов: "Этот суффикс

⁴¹ Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957. С. 186.

⁴² К о н с т а н т и н о в а О.А. Эвенкийский язык. М.; Л., 1964. С. 114.

⁴³ А в р о р и н В.А. Грамматика нанайского языка. М.; Л., 1959. Т. I. С. 108, 109, 209.

⁴⁴ С у н и к О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. С. 109.

в своем роде универсальный, так как он присоединяется не только к прилагательным, но и к существительным, местоимениям, числительным все с тем же уменьшительным оттенком значения".⁴⁵ Этот суффикс обладает и некоторыми другими оттенками значений, как, например, оттенком "уточнения или преувеличения", который, однако, можно принять лишь с некоторыми поговорками.⁴⁶

Этот краткий обзор необходим здесь для того, чтобы показать, что возникновение каких-либо суффиксов еще не обязательно ведет к формированию из синкретических форм определенных грамматических разрядов слов. Существенно также, что и сами суффиксы в некоторых случаях могут быть „универсальными" или „синкретичными". Вместе с тем возникновение суффиксации как грамматического явления создает основу для последующего развития более специализированных морфем. Эта специализация отчетливо выявится в различиях между формообразующими суффиксами в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, возникших позднее, на четвертом этапе формирования прилагательных.

III этап. На этом этапе, также являющемся общим для тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, начинается собственно выделение значения прилагательного как самостоятельной части речи. Первым признаком выделения значения прилагательного из синкретических форм явилось закрепление одной синкретической формы в позиции перед другой словоформой, для которой предыдущая форма становилась определением. Тем самым и определяемая форма начинает проявлять себя уже не как синкретическая; она приобретает более определенное значение — значение существительного. Такое "распределение ролей" являлось характерным свойством всех языков обеих групп и поначалу служило основным и единственным средством отличия определителя от определяемого. Эта же черта сохранилась и в современных языках, хотя была недостаточна, поскольку во всех языках возникала тенденция к подкреплению значения прилагательного специальными суффиксами. Для словоформ, уже оформленных рассмотренными выше суффиксами -кэн и -хан, позиция перед определяемой словоформой также являлась единственным отличительным признаком формирующейся категории имен прилагательных. Причем эти суффиксы на третьем этапе еще не являлись формообразующими, а скорее всего, оставались словообразовательными суффиксами со значениями, упоминавшимися ранее.

В понятие развития и формирования прилагательных входит не только подкрепление синкретических форм словообразовательными суффиксами прилагательных, но и возникновение усилительных, сравнительных, уменьшительных и тому подобных форм.

⁴⁵ Г р а м м а т и к а бурятского языка: Фонетика и морфология. С. 125.

⁴⁶ Д о н д у к о в У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. С. 84.

Возникновение подобных форм началось в обеих группах на следующем, четвертом, этапе и не было одинаковым в двух группах языков: в тунгусо-маньчжурских языках развиваются усиленные, сравнительные и уменьшительные формы; в монгольских — уменьшительные формы, включающие в себя формы ослабления признака и неполноты качества.

1У этап. На этом этапе различия в развитии прилагательных наблюдаются не только по двум группам языков, но и в разных языках одной группы. Так, для нанайского языка В.А. Аврорин отрицал наличие степеней сравнения. В "Грамматике нанайского языка" говорится: "...качественные прилагательные способны выражать в различных словосочетаниях различные степени проявления качественных признаков. Однако особых грамматических форм они для этих целей не имеют. Это неопровержимо свидетельствует о том, что в нанайском языке... нет грамматических степеней сравнения у прилагательных".⁴⁷

Однако, возможно, что в каком-то, не очень отчетливо выраженном, зачаточном состоянии грамматическая форма выражения степени сравнения присутствует и в нанайском языке. Например, суффикс -димэ образует прилагательное улэндимэ 'хороший' от наречия улэн 'хорошо'. Этот суффикс, по всей видимости, близок эвенкийскому суффиксу -дымар/-тмар/-мар, обладающему тем же значением: аятмар 'лучше', хэгдытмэр 'больше', развился из суффикса, обладавшего прежде выделительным значением.⁴⁸ Логически такое изменение значения не представляется невозможным, но именно подобные случаи и приводят к разногласиям и различным трактовкам одного и того же явления разными исследователями.

В бурятском языке полностью отсутствуют подобные формы, т.е. формы, обозначающие одновременно усиление признака предмета и в какой-то степени, хотя бы опосредованно, сравнивающие этот признак с признаком другого предмета. Опосредованное сравнение предполагает, что если нечто "лучше", то непременно лучше чего-то иного.

Примером неравномерного распространения какого-либо явления внутри разных языков одной группы может служить монгольский суффикс -втар (-втэр, -втор, -втер), выражающий неполноту, ослабление качества, его меньшую степень: шаравтар 'желтоватый', хавравтар 'черноватый'.

Как отмечает Б.Х. Тодаева, употребление суффикса -втар ограничено,⁴⁹ хотя, вопреки утверждению автора, этот суффикс встре-

⁴⁷ Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. I. С. 208.

⁴⁸ Константинова О.А. Эвенкийский язык. С. 105-107.

⁴⁹ Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951. С. 83.

чается не только с прилагательными, обозначающими цвет предмета, но также и с прилагательными, характеризующими и другие свойства и качества. Например, этот суффикс есть в прилагательных хүйтэвтэр 'холодноватый', сулавтар 'слабоватый'.

В бурятском же языке суффикс -бтар "имеет очень широкое употребление как в литературном языке, так и в разговорной речи", а в некоторых диалектах (аларском, боханском) имеется фонетический вариант этого суффикса -дтар.⁵⁰

Выше уже отмечалось, что в бурятском языке отсутствуют суффиксальные формы, обозначающие усиление признака предмета, однако в том же бурятском языке, так же как и в эвенкийском, имеется большое количество форм, выражающих уменьшение, ослабление признака, а также форм, передающих субъективную оценку.

Наиболее распространены в бурятском языке из этого рода суффиксов суффиксы -бтар (-бтэр, -бтор) и -шаг (-шэг, -шог, -шиг), обозначающие неполноту качества. Причем, если суффикс -бтар передает неполноту качества без каких-либо дополнительных нюансов, то суффикс -шаг "указывает на неуверенность в определении признака или на оттенок цвета, похожий на тот, который обозначен в основе, или вообще передает значение сходства".⁵¹

Таким образом, суффикс -шаг не только обладает смягчающим признаком предмета значением, но и может непосредственно указывать на сходство одного предмета с другим: хүн 'человек', хүншэг 'человекообразный'.⁵² Вполне очевидно, что если один и тот же суффикс способен образовывать прилагательные с двумя различными значениями, то вероятно и промежуточное значение, в котором каким-то образом преломляются и отражаются оба предыдущих или же возникает самостоятельный третий оттенок значения, в данном случае оттенок неуверенности.

Аналогичным образом возникает и прямо противоположное значение еще одного суффикса бурятского языка, а именно суффикса -рхуу. Основное его значение: "имеющийся в избытке", "с избытком", "чересчур". Например, шулуун 'камень', шулуурхуу 'каменистый', 'изобилующий камнями'. Второе значение этого суффикса сходно с семантикой суффикса -шаг и передает значение уподобления предмета чему-либо, например морин 'лошадь', морирхуу 'похожий на лошадь', 'вроде лошади'. Но "похожий" — это, хотя и уподобление, но уже неизбежно и ослабление качества — не "такой же, как лошадь". Поэтому и оказывается возможным возникновение другого рода прилагательных, в значении которых превалирует уже не уподобление, а значение неполноты качества: адли 'похожий', 'подобный' и адлирхуу 'несколько схожий'; тиимэ 'такой'

50 Г р а м м а т и к а бурятского языка. С. 106.

51 Там же.

52 Д о н д у к о в У.—Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. С. 85.

и тиймэрхуу 'довольно похожий', 'подобный'.⁵³ Далее возможным становится уже образование и такой формы, как хүйтэрхуу 'холодно' от хүйтэн 'холод', 'мороз'.

Близок по значению к бурятскому -рхуу эвенкийский суффикс -ргу. Г.М. Василевич рассматривает его для большинства говоров эвенкийского языка в качестве показателя сравнительной степени, а для некоторых говоров (зейского, верхнеалданского) - как "суффикс, усиливающий значение признака".⁵⁴ А.В. Романова и А.Н. Мыреева в говорах эвенков Якутии отмечают его как суффикс превосходной степени,⁵⁵ а Н.Я. Булатова в говорах эвенков Амурской области характеризует его как выделительный и фиксирует этот суффикс с долгим гласным: -ргү.⁵⁶ Можно предположить, что первоначально суффикс -ргу являлся выделительным, затем он стал обозначать усиление качества признака, а на следующем этапе развития - превосходную степень, т.е. первоначально от ая 'хороший' - аяргу 'тот, который хороший', затем 'лучший' и, наконец, 'самый лучший'.

Диаметрально противоположными значениями в разных говорах (и даже в одном и том же говоре) наделяют исследователи суффикс прилагательного -чирā (-чирē). Г.М. Василевич трактует его в зейском, учурском, урмийском говорах как уменьшительный; А.В. Романова и А.Н. Мыреева рассматривают его в учурском говоре как усилительно-сравнительный суффикс; Н.Я. Булатова - как суффикс, обозначающий разную степень насыщенности того или иного признака.⁵⁷

Таким образом, и в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках на четвертом этапе развития мы видим довольно-таки хаотичную картину как в значениях самих суффиксов, так в трактовке этих значений разными исследователями. Очевидно, нет необходимости лишний раз подчеркивать, что любые, даже противоположные и взаимоисключающие, точки зрения опираются на определенные объективные факты языка, а разногласия в трактовке вызваны сложностью и противоречивостью исследуемого материала.

⁵³ Примеры взяты из кн.: Там же. С. 80; Грамматика бурятского языка. С. 113.

⁵⁴ Эвенкийско-русский словарь. С. 786.

⁵⁵ Романова А.В., Мыреева А.Н. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.; Л., 1964. С. 36.

⁵⁶ Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. С. 41.

⁵⁷ Эвенкийско-русский словарь. С. 798; Романова А.В., Мыреева А.Н. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. С. 35; Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. С. 40, 41.

Можно было бы привести еще ряд суффиксов и соответственно ряд трактовок этих суффиксов, которые продемонстрировали бы расплывчатость и неустойчивость семантики формообразующих суффиксов как в монгольских, так и в тунгусо-маньчжурских языках.

Отсутствие в большинстве случаев как материальной общности, так и типологического сходства в развитии формообразующих суффиксов может свидетельствовать лишь о более позднем возникновении этих суффиксов и самостоятельности дальнейшего семантического развития их не только в рамках языков разных групп, но и в разных языках одной группы и даже в разных диалектах одного языка. И в этом также заключается отличие всех рассмотренных суффиксов от типологически и материально сходных суффиксов -кән и -хан.

Развитие словообразовательных суффиксов имен прилагательных, очевидно, шло параллельно с развитием формообразующих формантов, что и создавало предпосылки для возможности функционирования одного и того же суффикса в роли словообразовательного и формообразующего, или для перехода из одной категории в другую.

Если на четвертом этапе развития уже выявились различия между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими прилагательными, то на пятом этапе эти различия стали еще более существенными.

У этап. Этот этап развития прилагательных и количественно и качественно отличается от всех предыдущих. На этом этапе в тунгусо-маньчжурских языках возникло согласование прилагательного с существительным по числу, падежу и наличию суффиксов притяжания.

Во всех монгольских языках никаких видов согласования прилагательного с существительным ни по одному показателю не возникло.

Качественное отличие в развитии тунгусо-маньчжурских прилагательных состоит в том, что при согласовании прилагательные оказываются в подчинительной связи с существительными и тем самым окончательно формируются как самостоятельная грамматическая категория. Грамматическое согласование исключает возможность двойственной трактовки словоформы, которое иногда допускается даже для производных синкретических форм.

Согласование прилагательного с существительным в разных тунгусо-маньчжурских языках происходило неодинаково и не носит законченного характера.

В языке ороков наблюдается обязательное согласование прилагательных с существительными в числе; по падежам согласование происходит только в отдельных случаях и только в винительном падеже. Согласование по формам принадлежности полностью отсутствует.⁵⁸

В нанайском языке необходимы особые и притом редко встречающиеся условия, определяющие необходимость согласования при-

лагательного с существительным в падеже, причем это редкое явление определяется как совершенно несвойственное нанайскому языку.⁵⁹ Ограничено также согласование по формам принадлежности, а согласование в числе отсутствует.

В литературном эвенкийском языке прилагательные имеют формы множественного числа (суффиксы -сал, -л, -р), а также согласуются с существительными по падежам и формам принадлежности.⁶⁰ В большинстве же говоров эвенкийского языка согласование в падеже, а также в форме принадлежности отсутствует.

В эвенском языке отмечается наличие у прилагательного форм числа, падежа и притяжания.⁶¹

Для ульчского и удэгейского языков присоединение формантов числа и падежа рассматривается как их субстантивация, т.е. переход в разряд имен существительных.⁶²

Следовательно, и в этих случаях, так же как и в трактовке формообразующих формантов, наблюдаются как различия, объективно присущие разным тунгусо-маньчжурским языкам, так и разные взгляды исследователей на эти явления. По всей видимости, согласование как наиболее позднее явление в развитии имен прилагательных еще не приобрело достаточно четко выраженного характера и однозначной направленности.

⁵⁹ Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. I, С. 213.

⁶⁰ Константинова О.А. Эвенкийский язык. С.102.

⁶¹ Новикова К.А. Эвенкий язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968. С. 94.

⁶² Суник О.П. Ульчский язык // Там же. С. 157; Удэгейский язык // Там же. С. 218.

НЕПРОИЗВОДНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Непроизводными прилагательными в синхронном плане можно считать все морфологически неразложимые прилагательные, в которых нельзя выделить словообразующие элементы — корень и суффикс, — функционирующие в каких-либо иных словоформах.

Но и это определение не исключает вторичности подобных прилагательных, которые могли быть производными в исторически отдаленные сроки. К тому же, по этому определению, в разряд непроизводных прилагательных в каком-либо языке автоматически попадают все заимствованные из других языков, в том числе и производные, прилагательные, поскольку в заимствующем языке могут отсутствовать образующие их морфемы.

Достаточно убедительных методов обнаружения исконных непроизводных прилагательных не существует, однако некоторые признаки могут указывать на принадлежность данного прилагательного к производной или непроизводной группе. В первую очередь к таким признакам относится размер слова. Так, по этому поводу И.Д. Бураев пишет: "Трехсложные корни встречаются редко. Приведенные типы трехсложных корней показывают, что исторически они являются производными от двухсложных или односложных корней. Звуковой состав третьих слогов четко показывает их аффиксальное происхождение, но в данный период эти аффиксы являются мертвыми".¹

Из этого наблюдения следует, что только односложные прилагательные могут претендовать на роль непроизводных, так как любое двусложное прилагательное может оказаться исторически производным, но производность его в настоящее время не выявляется. Вполне вероятно, что при углубленном исследовании с большей или меньшей степенью достоверности можно будет провести морфологическое членение прилагательных, но такое исследование представляет собой особую задачу.

Таким образом, оказывается, что собственно непроизводных прилагательных не так уж много. Гораздо большее число прила-

¹ Бураев И.Д. Становление и развитие звукового строя бурятского языка: Дис. докт. филол. наук. 10.02.16. Л., 1983. С. 297.

гательных можно отнести к разряду исторически производных, т.е. таких, в которых выделяются два составляющих их компонента – корень и суффикс. При этом возможны три разных варианта, выделяемых по характеру компонентов: 1) и корень и суффикс – омертвевшие и в других словоформах не встречаются, 2) корень – живой, а суффикс омертвевший, 3) живой суффикс при омертвевшем корне.

Подобные прилагательные, которые будут рассмотрены далее, точнее было бы назвать условно непроизводными. Тем не менее эти прилагательные обладают своей спецификой, которая может быть выявлена. Так, некоторые из них относятся к категории синкретических форм, функционирующих как существительные и наречия.

Об этом явлении уже было сказано немало в теоретическом плане, в первую очередь в связи с проблемой выделения частей речи в алтайских языках. Но практически синкретизм исследован недостаточно. Внутри этого явления также обнаруживается определенное своеобразие, свидетельствующее о развитии самого рассматриваемого явления. При этом особенно удобно исследовать это своеобразие на примере непроизводных или условно непроизводных словоформ, поскольку в подобных прилагательных не возникает дополнительных семантических изменений, привносимых какими-либо словообразовательными суффиксами.

1. Непроизводные прилагательные в эвенкийском языке

а) Лексико-семантическая характеристика

Наиболее простым случаем синкретизма можно считать нерасчлененные формы существительное/прилагательное, в которых не возникает никаких семантических изменений при употреблении их в той или иной функции: албин 'ширина' и 'широкий', нэри 'свет' и 'светлый', гогда 'высота' и 'высокий', ноним 'длина' и 'длинный', делум 'тайна' и 'тайный', кири 'грязь' и 'грязный', нэктэ 'низина' и 'низкий', улак 'ложь' и 'лживый'.

Как видно из этих примеров, семантика основ остается неизменной. Многие из этих форм могут также функционировать и как наречия: гогда 'высоко'.

Другая группа синкретичных форм существительное/прилагательное оказывается несколько иной. При функционировании в роли прилагательного исходная семантика словоформы претерпевает изменения. Изменения эти могут носить различный характер. В одних случаях в семантике прилагательного на первый план выступает какое-либо одно качество, свойство или признак предмета (авлāн 'поляна' и 'гладкий', 'ровный'), т.е. признаки "поляны" – 'ровный', 'гладкий', присущие той реалии, которую данное существительное обозначает. Таким образом, признаки существительного

становятся основой семантики прилагательного. Еще некоторые примеры: боро 'сумерки' и 'серый', буту 'изюбрь - самец весной' (сезонное название) и 'сильный', уңурэ 'пупок' и перен. 'середина', 'средний'.

В других случаях наблюдается семантический переход обобщающего характера: боско 'кусок', 'часть, отделенная от целого' и 'свободный'. В этом случае связь между семантикой существительного и прилагательного еще прослеживается, но далее от 'свободный' развивается значение 'дешевый', 'бесплатный', что уже никак не связано с первоначальным значением 'кусок', 'часть'. Обобщающее значение возникает и в следующих случаях: буку 'борец' и 'сильный', хава 'работа', 'труд' и 'бойкий', 'ловкий', 'проворный' (в работе), т.е. 'умеющий трудиться'.

Если в вышеприведенных примерах прослеживается развитие от значения существительного к значению прилагательного, то возможно и обратное, когда значение прилагательного оказывается первичным, и из него развивается значение существительного: дегин 'левый', 'левая сторона' и 'левша', луңну 'глупый' (о ребенке) и 'младенец', мёвү 'горячий', 'вспыльчивый' (о человеке) и 'ярость', мóда 'странный', 'ненормальный' и 'каприз', 'прихоть' и т.п.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что синкретизм не является феноменом, во-первых, однородным, а во-вторых, механическим, при котором слово только по своей функции выполняет роль существительного или прилагательного. Переход от одной функции к другой сопровождается и семантическими изменениями, что по сути своей подчинено той же цели, что и суффиксация: обогашению языка, развитию и расширению его возможностей.

Способностью передавать более одного значения обладают не только синкретические словоформы, но и просто непроезводимые прилагательные. При этом пути возникновения новых значений или оттенков значений могут быть разными. Это может быть логическое развитие какого-либо качества: берем 1. 'тихий', 'смирный', 2. 'сговорчивый', 3. 'работоспособный'; бутды 1. 'огромный', 2. 'храбрый', 'отважный', 3. 'сильный' (еще одно значение 'пестрый' в данном случае остается в стороне и, очевидно, имеет другое происхождение); бэркэ 1. 'ловкий', 'бойкий', 2. 'энергичный', 3. 'смелый', 'храбрый'; мани 1. 'опрятный', 'роскошный', 2. 'почтенный', 'знатный', 3. 'образованный'; уту 1. 'старый', 'дряхлый', 2. 'незадачливый'. Близка по характеру к логическому развитию логическая связь значений в таких словах, как ибгэн 'мягкий' (о коже) и 'гибкий', ченче 'неплотный' (о материале) и 'крупный', чикна 'пушистый' и 'растрепанный'.

Еще одна возможность возникновения новых значений реализуется при характеристике одной словоформой разнородных объектов. Так, батур означает: 1. 'свирепый' (о собаке) и 2. 'горячий', 'вспыльчивый' (о человеке). Семантическая основа при этом в двух разных значениях остается одна: высокая степень эмоциональности. Такая же глубинная связь прослеживается в прилагательных

тельных: канки 'быстрый', 'сильный' (о течении) и 'упорный', 'неутомимый' (о человеке). И наконец, возможно расщепление комплексного значения: деңкэ 'холодный и прозрачный' (одновременно) (о воде) и 1. 'холодный' (о воде), 2. 'прозрачный' (о воде). Подобному анализу поддаются не все прилагательные. Во многих случаях возникновение многогранности представляется немотивированной, по крайней мере для современного языка, и требует исторического подхода: дюдэн 1. 'худой', 'тощий' и 2. 'неряха'.

Синкретизм ряда словоформ проявляется не только в рамках именных форм существительное/прилагательное, но и с глагольными формами. Исходная глагольная основа без каких-либо изменений может выступать в роли прилагательного, наречия, а иногда и существительного. В большинстве случаев при этом семантика остается без изменений, но нередки и семантические изменения того же рода, что и изложенные выше, т.е. семантические изменения, логически связанные с исходным значением, или же представляющие собой логическое развитие исходного значения.

Примерами сохранения исходного значения могут служить следующие: ала 'быть вкусным' и ала 'вкусный', 'вкусно', 'вкус'; дему 'быть голодным', 'хотеть есть' и дему 'голодный', 'голод'; дядаң 'беднеть' и дядаң 'бедный', 'бедняк'; килар 'косить' (глазами) и килар 'косой' (о глазах); маннй 'стать крепким, прочным' и маннй 'крепкий', 'мощный', 'сильный'; муну 'портиться', 'гнить' и муну 'гнилой'; няма 'теплеть' и няма 'теплый', 'тепло', 'жар'; хенни 'обидеться' и хенни 'обидчивый'; юмбу 'похудеть' и юмбу 'сухой', 'сухошавый'.

Прямая логическая связь между исходными значениями глагола и значениями прилагательного и существительного выявляется в следующих примерах: арба 'мелеть' (о реке) и арба 'мелкий', 'мелководный', 'мелководье', 'мель'; дага 'подойти' и дага 'близкий', 'близость', 'близко'; капчи 'прижать' и капчи 'тесный', 'узкий', 'теснина'; кута 'увязнуть в болоте' и кута 'трясина'; уги 'подниматься вверх' и уги 'высокий', 'верх'; умуру 1. 'стянуть', 'затянуть', 'завязать', 2. 'обить', 'окантовать' и умуру 'обшитый', 'обшивка', 'кант', 'полоска'.

Логическое развитие семантики исходной глагольной формы обнаруживается и в тех случаях, когда значение изменяется непосредственно при переходе глагола в прилагательное, и тогда, когда первоначальное прямое значение прилагательного в своем развитии приобретает дополнительные оттенки. Примером первого рода может служить форма белу 'очиститься ото льда' и белу 'гладкий', 'чистый' (о льде), 'чистый лед'. Развитие по второму типу наблюдается в следующих примерах: гилли 'блестеть' (о воде, льде) и гилли со значением 1. 'блестящий' (о воде, льде), получившим дальнейшее развитие в 2. 'холодный' (о воде) и 3. 'прозрачный' (о воде). Дополнительными примерами двух типов логического развития могут быть следующие: ембу 'ослабнуть' и ембу 'ослабевший', 'голодный', 'истощенный', 'су-

хощавый', 'тоший'; ката- 'закалять металл' и ката 'острый' (о ноже); савка- 'привыкнуть' и савка 1. 'привычка', 'сноровка', 'умение', 2. 'хитрость', 'уловка', 3. 'знаток', 'специалист', 4. 'толковый', 'умелый', 5. 'хитрый', 'лукавый'; уда- 'медлить' и уда 1. 'задержка', 'замедление', 2. 'медленный', 'медлительный', 3. 'плацента', 'послед'; чумку- 'пройти', 'пролезть' (свободно) и чумку 'свободный', 'вольный'.

Как видно из приведенных примеров, исходные значения могут далеко отстоять от последующего развития семантики. Вместе с тем связь исходных значений с последующими остается вполне ясной и логически оправданной.

б) Омертвевшие и непродуктивные элементы

Выше были рассмотрены некоторые семантические свойства непроизводных, или условно непроизводных, прилагательных. Далее мы попытаемся выделить в непроизводных прилагательных элементы, которые можно было бы считать омертвевшими формантами.

С элементом -ан (-н) выделяются несколько явно заимствованных прилагательных. При этом не всегда заимствование происходит чисто механически, с той же или близкой семантикой, что и в языке, из которого они заимствованы, как, например, тургэн 'быстрый', 'бойкий', 'живой' из монг. тургэн 1. 'быстрый', 2. 'вспыльчивый', 'горячий'. Чаще всего при заимствовании возникают дополнительные семантические оттенки: баран 'глубокий', 'ёмкий' (о посуде), ср. бур. баран 1. 'все', 'всё', 2. 'полностью'; сэчэн 1. 'удалой', 2. 'трудолюбивый', 3. 'серьезный' и чэчэн 1. 'быстрый' (о ходьбе оленя), 2. 'аккуратный' (о человеке), ср. бур. сэсэн 'мудрый'. Вместе с тем в ряде прилагательных элемент -ан (-н) представляется близким к собственно словообразовательным суффиксам: гаңан 'неуклюжий', 'неловкий' (гамгале- 'расставить ноги'); гэлун 'дикий', 'одичалый' (об олене), ср. нэлу- 'бояться'; дулбун 'глупый', 'тупой', 'тугодум', ср. дулбу- 'глупеть'; нōман 1. 'медлительный', 2. 'неловкий', 'неуклюжий', ср. бур. нам 'спокойный', 'тихий', 'медленный'; умдāн 'вялый, неэнергичный человек' (умду- 'размягчить'); уян 'мягкий' (о металле), ср. уја- 'быть мягким, недостаточно закаленным' (о металле); чукин 'недоваренный', 'недожаренный' (чуки 'плохой', 'негодный').

Суффикс -кй̄ отмечен в "Словаре" Г.М. Василевич как суффикс, образующий названия человека (по состоянию): нэлә- 'бояться' - нэләкй̄ 'трус', и как суффикс, образующий названия признака или качества: мукту- 'затупиться' - муктуки 'тупой'.² Однако в ряде прилагательных выделить его как самостоятельный суффикс не

представляется возможным, т.е. корень слова оказывается изолированным и не встречается в сочетании с другими суффиксами: каки 'сердитый', 'лютый', коң и коңки 'пустой' (ср. коңки 'душло'), мукурэки 'круглый', эвуники 'косой', эвунки 'поперечный', 'поперек'.

Прилагательные с элементом -ка (-ко, -кэ) также в большинстве случаев оказываются морфологически неразложимыми: боско 'нетрудоспособный', бэркэ 'расторопный', 'ловкий', 'энергичный', 'смелый', ср. бур. бэрхэ 1. 'трудный', 'тяжелый', 2. 'искусный', 'сведуший'; дэңкэ 'холодный' и 'прозрачный' (о воде); экчэкэ 'одноглазый'; койпоко 'кривой'; турукэ 'солёный'; элкэ 'осторожный'. Случаи, когда основа выявляется, редки: лэпкэ 'изношенный', 'истрепанный' (лэп- 'износиться').

В следующих прилагательных можно выделить элемент -ды: бугды 'пестрый', 'пегий'; булды 'теплый'; кёлды 'холодный'; хэгды 'большой', 'крупный'; чулды 'свободный', 'широкий'; эгды 'большой', 'взрослый'. Выделить основу, от которой образуются прилагательные с суффиксом -ды, можно в следующих примерах: булэды 'враждебный', 'вражеский' (булэн 'враг' и булэн- 'враждовать'); манды 'крепкий' (манни- 'стать крепким' и манни 'крепкий'); хэнды 'обидчивый' (хенни- 'обидеться'). В качестве суффикса прилагательных этот элемент более продуктивен как выражающий относительный признак: бира 'река' – бирады 'речной' (относящийся к реке).³

С элементом -да (-до, -дэ) выявляется небольшое количество прилагательных: богдо 1. 'крупный', 2. 'редкий'; гогда (гутда) 'высокий'; мода 'странный', 'ненормальный'; мудэ 'хитрый'; мугдэ 'текучий', 'жидкий' (мү 'вода').

Можно назвать несколько прилагательных с элементом -ты: ситы 'ловкий', синты 'тихий', чокоты 'одноглазый'. В качестве самостоятельного суффикса прилагательных Г.М. Василевич выделен -ты как ассимилированный вариант суффикса -ды (амут 'озеро' и амутты 'озерный') и как суффикс, образующий прилагательные от числительных (умүн 'один' и умунты 'одинаковый').⁴

Несколько больше насчитывается прилагательных с элементом -та (-то, -тэ): бултэ 'крупный', гэтэ 'тощий', канта 'широкий', капата 'плешивый', мултэ (мулту) 'бессильный', 'слабый', никта 'опрятный' (ср. бур. нигта 'аккуратный', 'тщательный'), нэктэ 'низкий', сокто 'пьяный' (ср. бур. һогтуу 'пьяный'), уптэ 'гнилой' (о дереве).

К вышеперечисленным прилагательным примыкают непроизводные прилагательные с элементами -ты, -ду, -ту: сыты 'одаренный', мэду 'жадный', 'скупой', уңту 'чужой', 'другой', уту 'старый', 'дряхлый'.

Суффикс -рā (-рэ, -рō) выделяется в качестве суффикса, отражающего обладание признаком, выраженным в основе: дылган 'го-

³ Там же. С. 793.

⁴ Там же.

лос' и дылгура 'голосистый'.⁵ Элемент -ра (-рэ, -ро) может быть выделен в следующих морфологически неразложимых прилагательных: бобура 'красный', боро 'серый' (ср. бур. боро 'серый'), какира 'бедный', кара 'черный' (ср. бур. хара 'черный', 'темный'), лоторо 'ветвистый', соторо 'быстрый', тамура 'дорогой', 'ценный' (ср. тама- 'платить'), уңурэ 'средний'.

Элемент -ар (-эр, -ор) выделяется в ряде следующих прилагательных: килар и сõхар 'косой', 'косоглазый', кõлар 'неловкий', коңор 'светло-коричневый'. Некоторые прилагательные с элементом -р (без гласного), возможно, представляют собой производные прилагательные: гамар 'скорый' (ама 'скорей!'), гэлтэр 'звонкий', 'звучный' (гэлтэ- 'раздаваться', 'звучать'), эдэр 'молодой' (эдэ 'друг', 'товарищ'). Несколько прилагательных с элементом -ур (бáтур 'свирепый' (о собаке), бакур 'скользкий', хэмур 'холодный'), возможно, также представляют собой один из вариантов какого-то древнего суффикса с элементом -р. К этой же группе можно отнести и следующие прилагательные с элементами -ир, -ри, -ру: будир 'курчавый', катир 'шершавый', акари 'глупый', кари 'чужой' (ср. бур. хари 'чужой'), кири 'грязный', гуңри 'звонкий' (гуң- 'грохотать', 'раздаваться'), илкэри 'сухой', кору 'сердитый', умуру 'обшитый', эру 'плохой'.

С элементами -га (-гэ, -го) зафиксированы следующие производные прилагательные: бурга 'неопытный', 'неумелый', гугэ 'разговорчивый', дага 'близкий' (дага- 'подойти'), дэвулго 'сухой', ирга 'скользкий', нюргэ 'тощий', 'заморенный'. С элементом -гу выделяются прилагательные: бугу 'сильный', дулугу 'средний', дюлэгү 'передний', 'передовой' (дюлэ 'перед'), сõргү 'основной', 'главный'. Элемент -гу часто встречается в прилагательных параллельно с элементом -ву: дõгү и дõвү 'внутренний' (дõ 'нутро', 'внутренность'); н'õгү и н'õвү 'передовой', 'первый' (н'õ- 'опередить', 'обогнать'), а в некоторых случаях параллельно с элементом -гй: боргү и баргй 'противоположный'. Вместе с тем элементы -вү и -гй встречаются в прилагательных и самостоятельно: мёвү 'горячий', 'вспыльчивый' (о человеке), биширги 'прежний', 'давнишний'; паңи 'толковый', 'дельный', хугй 'голодный', 'озверелый' (һуу 'голодный', 'озверелый' и 'медведь-шатун'), эвидыгй 'игривый' (эви- 'играть'). С элементом -ва выделяются следующие прилагательные: лава 'ветвистый' (о рогах оленя), ладува 'неряшливый'.

Согласные н и ң в сочетании с некоторыми гласными образуют ряд элементов, выявляемых в ограниченном количестве в производных прилагательных:

-на (-нэ, -но) - буксуна 'рябой', 'корявый', маңа 'крепкий'; моңно 'сумасбродный', 'шалый', овна 'созданный', 'сделанный' (о- 'сделать'), томно 'честный', тоңно 'прямой', чикна 'пушистый', 'растрепанный';

⁵ Там же. С. 785.

-ни, -ни - каңи 'жестокий', мани 'опрятный', 'роскошный', 'почтенный', 'знатный', 'образованный' (ср. якут. маһы 'почетный', 'знатный'), манни 'крепкий', 'прочный', паңи 'толковый', 'дельный', хенни 'обидчивый' (һөнни - 'обидеться');

-ну, -ну, -нэ, -нэ - луңну 'глупый' (о ребенке), муну 'гнилой', 'протухший' (муну - 'портиться', 'протухать', 'гнить'), үэнү 'перелетный', эмнү 'громкий', эмэ 'широкий'.

С элементом -аң (-эң, -оң) также выделяются несколько непроизводных прилагательных: дядаң 'бедный' (дядаң - 'беднеть'), илэң 'сухой' (о земле весной), иллэң 'свободный' (ср. якут. иллэң 'свободный', 'имеющий время'), тэрэң 'равный'.

В качестве элементов непроизводных прилагательных выделяют и следующие сочетания: -дак (дэк) - уйдэк 'умный', дюдэн 'худой', 'тощий', ордак 'сердитый', 'вспыльчивый', сурдак (сурдэк) 'страшный', 'лютый';

-так (-тэк) - бултэк 'болезненный', 'хилый' (бу-бул - 'умереть'), тустак 'соленый' (тус 'соль');

-лок (-лэк) - дёллок 'счастливый' (дёл 'счастье'), улок 'хитрый' (улэк 'ложь', 'обман', 'лживый', 'хитрый'), кеңлак 'сердитый', 'вспыльчивый'.

Элемент -чэ обнаруживается в нескольких непроизводных прилагательных: илкэчэ 'палящий', 'жаркий' (о солнце) (илкэри 'сухой', 'сухо', 'засуха'; 'палящий', 'жаркий'), ирчэ 'зрелый' (ир - 'созреть', 'поспеть'), кэрчэ 'скупой', 'жадный', 'завистливый' (ср. якут. карча 'скупой'), мунчэ (мунучэ) 'гнилой', 'испорченный' (о пище, продуктах) (муну - 'портиться', 'протухать', 'прокисать'), сичэ (сивчэ) 'охрипший', 'хриплый' (сив - 'охрипнуть'), упчэ 1. 'сухой', 2. 'вялый' (о человеке), ченчэ 1. 'неплотный' (о материале), 2. 'крупный'.

С согласным "м" образуются элементы -им, -ум, -ом, встречающиеся иногда параллельно в одних и тех же прилагательных, и -ам (-эм): -им, -ум - һоним (һонум, һоном) 'длинный', делум 'тайный'; дялум 'полный' (о сосуде); -ам (-эм) - бэрэм 'тихий', 'смирный' (бэрэ - 'присмиреть', 'успокоиться'), дырам 'толстый', 'полный', дылам 'чистый', 'ясный', иргэм 'забывчивый'. Элемент -му может быть выделен в следующих прилагательных: дему (демму) 'голодный' (дему - 'хотеть есть', 'быть голодным'), инмү 'волосатый' (инҕакта 'волос').

Прилагательные с элементом -ла (-лэ) выявлены следующие: угилэ 'верхний' (уги 'верх'), капала 'плешивый', эбэлэ 'неловкий', бакла 'отдельный', буркилэ 'больной' (буркилэ - 'болеть'), дэвгэлэ 'болотистый', 'торфяной' (дэвгэ 'болото'), нэңдэлэ 'ясный' (нэңдэлэ - 'проясниться'). В сочетании с другими гласными согласный "л" образует элементы -ли, -лу, -ул: гилли 'холодный' (о воде), дикил 'сухой' (не мокрый), нели 'радостный', чэрүли 'тихий', 'спокойный', аңалу 'глупый', бэлу 'скользкий', 'гладкий', ивул 'странный', 'придурковатый'.

С согласным "с" образуются элементы -са (сэ), -ас(-гас, -кас), встречающиеся в непроизводных прилагательных: иңсэ 'жад-

ный', сакса 'серый', ирас 'чистый', 'ясный' (о небе), ахагас (агахас) 'большой', тыкулкас, хэнникас 'обидчивый', 'сердитый', 'злой', буркас 'лютый' (о зиме, морозе).

Элемент -ай (-ой) можно выделить в прилагательных горой 'сумасшедший' (гори- 'сойти с ума'), дэлэгэй 'обширный', 'обильный' (дэлэ 'открытое место', дэлэй 'широкий', 'ширина'), тапурай 'плешивый', кокой 'приметный'.

Незначительное количество непроезводных прилагательных включают в себя элементы -би, -бу, -хи, -ип, -ши, -шу: арби 'мелкий' (арба- 'мелеть'), юмбу 'сухой', 'сухощавый' (юмбу- 'похудеть', 'ослабнуть'), алахи 'вкусный' (ала- 'быть вкусным'), энэхи 'сильный', 'злой', 'сердитый', мэнип 'серебряный', тэвши 'равный', 'одинаковый', умушу 'простой', 'обычный'.

Рассмотренные выше элементы, выделенные из непроезводных прилагательных, по всей видимости, не представляют собой нечто однородное. Во-первых, как уже говорилось ранее, многие из них входят в состав заимствованных слов, чаще всего общемонгольского, бурятского и якутского происхождения, так что историю их образования следует искать в соответствующих языках. При этом и в исходных языках как более древние заимствования из общемонгольского, так и более поздние, например из бурятского и якутского, в свою очередь, могут быть неоднородными. И в указанных языках эти элементы могут быть как живыми словообразовательными суффиксами, так и омертвевшими формантами. Во-вторых, эти элементы могут быть диалектными вариантами живых, продуктивных суффиксов эвенкийского языка, по каким-либо причинам претерпевшими изменения. В-третьих, эти элементы могли образоваться при наложении древних суффиксов один на другой, при переразложении каких-либо элементов в процессе внутреннего развития языка.

По своей семантике непроезводные прилагательные практически мало чем отличаются от производных. Обращает на себя внимание отсутствие таких групп прилагательных, семантика которых отражала бы обладание чем-либо, наличие чего-либо, что передается специфическими суффиксами (например, суффиксом -чй). Очень редко также прилагательные, обозначающие материал, из которого сделан предмет (мэнип 'серебряный'), и прилагательные, отражающие признаки, возникшие в результате воздействия человека (умуру 'обшитый').

В качестве основных семантических групп можно выделить следующие. Прилагательные, отражающие внешний вид человека и предметов, цвет, форму и другие характеристики, воспринимаемые зрительно: бороң 'коричневый', 'серый', бугды 'пестрый', 'пегий', 'рябой', будир 'кудрявый', буку 'сгорбленный', гэтэ 'тощий', дырам 'толстый', дюдэк 'худой', сакса 'серый', лава 'ветвистый' (о рогах оленя) и т.п.

Прилагательные, характеризующие человека или животных: акари 'глупый', батур 'свирепый' (о собаке), 'вспыльчивый' (о человеке), берем 'тихий', 'смирный', горой 'сумасшедший', гугэ 'раз-

говорчивый', гэлун 'дикий', 'одичалый' (об олене), ивул 'странный', 'придурковатый', илган 'ловкий', 'бойкий', колар 'неловкий'; кору 'сердитый', ладува 'неряшливый' и др.

В особую группу можно выделить прилагательные, характеризующие предметы по их качествам и свойствам, определяющие явления природы, вкус и качество пищи и т.п.: ана 'вкусный', дючи 'кислый', 'сладкий', белу 'скользкий', 'гладкий' (о льде), буркас 'шотый' (о зиме, морозе), гелли 'холодный' (о воде), дикил 'сухой' (не мокрый), дуи 'нежный', 'мягкий', 'рыхлый', ирас 'чистый', 'ясный' (о небе), ирга 'скользкий', иху 'гнилой' (о мясе), манни 'крепкий', 'прочный', няма 'теплый', силэг 'густой' (о супе, каше) и др.

Не менее многочисленна и группа прилагательных, передающих отвлеченные и оценочные характеристики: булэ 'красивый', бутэк 'болезненный', дэвун 'заразный', дэлум 'тайный', иргэм 'забывчивый', кайе 'противный', 'неприятный', каңи 'жестокий', дёллок 'счастливый', мани 'опрятный', 'роскошный', 'почтенный', 'знатный', 'образованный', томно 'честный', уха 'плохой'.

Небольшая группа производных прилагательных передает пространственные и временные характеристики: баран 'глубокий', барги 'противоположный', билирги 'прежний', 'давнишний', дага 'близкий', 'недавний', дэвин (дегин) 'левый', дову (дөгү) 'внутренний', уңурэ 'средний'.

2. Производные прилагательные в бурятском языке

а) Лексико-семантическая характеристика

Все общие замечания, высказанные в начале данной главы по поводу производных прилагательных, целиком и полностью относятся не только к эвенкийским, но и к бурятским прилагательным.

Производные прилагательные могут принадлежать ко всем тем же семантическим группам, что и производные, и в этом плане никаких принципиальных различий между двумя видами прилагательных не наблюдается. Все производные прилагательные можно распределить по лексико-семантическим группам в зависимости от их специфических свойств на однозначные, многозначные, синкретичные и на прилагательные с ограниченной сочетаемостью, служащие определением к ограниченному кругу предметов и явлений. Естественно, что границы между этими группами производных прилагательных, как это постоянно случается в языке, оказываются размытыми. В первую очередь это связано с многозначностью большинства прилагательных, при которой разные значения одной и той же словоформы могут входить в разные группы прилагательных. В свою очередь, перечисленные группы могут подразделяться на подгруппы, обладающие своими специфическими свойствами.

Однозначные неизменяемые прилагательные представляют собой вторую по численности (после многозначных) группу и характеризуют предмет по какому-либо одному признаку: внешнему виду, качеству, свойству, размеру и т.п. Примером однозначных прилагательных являются следующие: ахар 'короткий', 'низкий', барга 'грубый', 'некультурный', бошко 'неповоротливый', 'неуклюжий', гозон 'одинокий', 'сырый', орёо 'сложный', 'запутанный', шара 'желтый' и т.п.

Более интересной для классификации представляется первая по численности группа многозначных прилагательных, в которых можно проследить виды и способы возникновения семантических различий, проявляющихся в разных значениях одного прилагательного.

Если в неизменяемых прилагательных развиваются два или более значений, то в подавляющем большинстве случаев эти значения являются логически связанными друг с другом, и эта связь легко обнаруживается. Например, адар в первом значении — 'грузный', 'неуклюжий', 'мешковатый', 'громоздкий', а во втором — 'неудобный', 'затруднительный'. Второе значение несомненно в какой-то степени является обобщением первого значения. Другие примеры: алмай 1. 'беспечный' и 2. 'невнимательный', 'рассеянный' — второе значение можно рассматривать как следствие первого; бархан 1. 'бедный', 'жалкий' и 2. 'милый', — видимо, чувство сожаления может вызывать симпатию; бохир 1. 'изогнутый' и 2. 'горбатый' — здесь связь по внешнему сходству очевидна; булхар 1. 'круглый', 'округлый' и 2. 'надутый' — надутый предмет безусловно приобретает округлые очертания; дорюун 1. 'бодрый', 'сильный', 'крепкий' и 2. 'смелый', 'уверенный в себе' — второе качество является естественным продолжением первого; дулаан 1. 'теплый' и 2. 'ласковый', 'нежный', 'приятный' — тепло, как правило, вызывает положительные эмоции; залан 1. 'прямой', 'бесхитростный' и 2. 'наивный' — по сути дела это разные оценки одного и того же качества; зэбүү (н) 1. 'отвратительный', 'омерзительный' и 2. 'надменный', 'гордый' — второе значение также может вызывать отрицательные эмоции, обозначаемые первым. Следующие примеры демонстрируют логические связи примерно того же типа, что и отмеченные выше: айдар 1. 'милый', 2. 'лукавый', 'плутоватый'; алмай 1. 'беспечный', 2. 'невнимательный', 'рассеянный'; булоу 1. 'превосходящий по силе', 2. 'преобладающий', 'имеющий преимущество'; бушуу 1. 'быстрый', 'проворный', 'верткий', 2. 'поспешный', 'торопливый'; даруу 1. 'уравновешенный', 'степенный', 2. 'скромный'; дэлоун 1. 'широкий', 'просторный', 2. 'обильный', 'изобильный'; ёорон 1. 'нежный', 'чувствительный', 2. 'плаксивый'; нэхы 1. 'меховой', 2. 'мохнатый', 'длинношерстный'.

Близки к вышеприведенной группе многозначных прилагательных с логически связанными значениями и те прилагательные, в которых различные значения не просто логически связаны, но и претерпевают определенное логическое развитие, тем самым отходя дальше от первоначального, чем это происходит при логиче

ской связи. Примером подобного логического развития семантики прилагательных могут служить следующие: буруу 1. 'неправильный', 'ошибочный', 'ложный', 2. 'противоположный', 3. 'несправедливый' – нечто неправильное всегда можно рассматривать как противоположное чему-либо или как нечто несправедливое; бэрхэ 1. 'опытный', 'умелый', 'искусный', 'способный', 2. 'трудный', 'тяжелый', 'сложный', 'серьезный' – любое умение, искусность и способность достигаются трудом, являются сложным делом и требуют серьезного отношения; зулгы 1. 'вежливый', 'обходительный', 'любезный', 2. 'покладистый', 'податливый', 3. 'прекрасный' – первые два значения логически связаны, а третье представляет собой оценки двух первых; нобшо 1. 'неряшливый', 'неопрятный', 2. 'нерасторопный', 3. 'канительный', 'нудный' – первые два значения дают объективную оценку, третье выражает оценочную характеристику второго; хүдэр 1. 'сильный', 'здоровый', 2. 'массивный' – физическая сила и здоровье часто связываются в обыденных представлениях с крупными размерами; шалиг 1. 'болтливый', 2. 'пустой', 'вздорный', 'легкомысленный', 3. 'задиристый', 'хулиганский' – все три значения передают последовательное усиление, развитие одного в своей основе качества.

Еще большим отдалением от исходного значения можно считать возникновение переносных значений, в которых логическая связь еще более опосредована и эти значения связывает не столько логика, сколько эмоционально-образная основа: ёнхор 1. 'емкий', 'вместительный' (о рюмке, трубке), 2. 'впадина', 'выемка', 3. перен. 'жадный'. В этом примере первые два значения можно рассматривать как логическое развитие, а третье значение не обязательно по своей логической ассоциации, но вполне допустимо на образной основе. Точно такие же пути развития семантики прилагательных прослеживаются и в следующих примерах: зайдан 1. 'неоседланный', 2. 'открытый', 'голый' и 3. перен. 'холостой' (о человеке); зулмар 1. 'ошпаренный', 'обваренный', 'очищенный от шерсти' и 2. перен. 'ветренный', 'легкомысленный' (о человеке); охор 1. 'невысокий', 'приземистый' и 2. перен. 'недалекий', 'недальновидный'.

Источником семантических изменений может быть применение прилагательных к разным объектам, что приводит к возникновению близких, но самостоятельных значений одной и той же словоформы: агсам 1. 'резвый', 'горячий' (о лошади) и 2. 'вспыльчивый', 'буйный' (о человеке); богони 1. 'короткий' (о времени и расстоянии) и 2. 'низкий' (о росте); долдой 1. 'болтун', 'говорун', 'пустомеля' (о взрослом) и 2. 'смышленный не по годам' (о ребенке); нахюу 1. 'согнутый', 'вогнутый' и 2. 'наклонный'; ногоон 1. 'зеленый' и 2. 'недозревший', 'неспелый'; нэбэр 1. 'легкий' (о ветре) и 2. 'небольшой' (о дожде); шороб 1. 'резкий, едкий' (о запахе) и 2. 'острый', 'пряный' (о блюде).

К этой же группе можно отнести прилагательные, второе значение которых возникло в результате необходимости обозначить нечто новое, ранее в языке не обозначенное: бааза 1. 'простой',

'примитивный' и более позднее значение 2. 'кустарный'; балар 1. 'темный', 'неясный', 'запутанный', 'непонятный' и 2. 'первобытный'.

Мотивированность семантических переходов этой последней группы, как и всех предыдущих, в том числе и тех, в которых возникают переносные значения, не вызывает сомнений. Лишь в очень небольшом количестве прилагательных мотивированность различных значений отсутствует: болхи 1. 'грубый', 'неотесанный', 'неловкий', 'неуклюжий', 2. 'необразованный', 'невежественный', 'тупой', 3. 'неповоротливый', 'ленивый' – третье значение не вытекает непосредственно из двух первых; бэлэн 1. 'готовый', 'приготовленный', 2. 'нетрудный', 'легкий' и 3. 'непрочный', 'хрупкий'; хирүү 1. 'застенчивый', 'несмелый', 'робкий' и 2. 'капризный' – второе значение не только немотивировано, но и противоречит первому; хүжүүн 1. 'упругий', 'твердый', 2. 'неуклюжий', 'неповоротливый' и 3. перен. 'замкнутый', 'неразговорчивый'.

Выделяется среди производных прилагательных также небольшая группа с очень широкой семантикой, включающей в себя до девяти и более значений. В этих случаях разные значения могут соотноситься друг с другом всеми перечисленными выше способами. Между ними может существовать логическая связь, может происходить логическое развитие, могут характеризоваться разные объекты и, наконец, значения могут быть переносными и немотивированными. Вот несколько подобных примеров: ардаг 1. 'неопытный', 2. 'необъезженный', 'дикий' (о лошади), 3. 'бойкий', 'резвый', 4. 'нежный', 'деликатный'; боро 1. 'серый', 'смуглый' (о цвете лица), 2. перен. 'невзрачный', 3. 'простой', 'неприхотливый', 'нетребовательный', 'примитивный', 4. 'выносливый', 5. 'седеющий'; бүдүүн 1. 'толстый' (о человеке и предмете), 2. перен. 'состоятельный', 3. 'грубый', 'простой' (о пище), 4. 'густой', 'басистый', 'низкий' (муз. термин), 5. перен. 'солидный', 'важный'; хурса 1. 'острый' (заточенный), 2. 'острый' (суживающийся к концу); 3. 'острый', 'зоркий' (о зрении), 4. 'звонкий' (о голосе), 5. 'резкий', 'яркий' (о свете), 6. 'жирный' (о пище), 7. 'острый', 'пряный' (о вкусе), 8. перен. 'быстрый', 'меткий', 'сметливый', 9. перен. 'способный'.

Все эти группы прилагательных близки между собой и объединяются своей полисемантической, которая, в сущности, представляет собой те или иные виды логического развития вплоть до возникновения переносных значений.

Противопоставить этой группе прилагательных можно прилагательные, характеризующие только один предмет, или употребляющиеся применительно к небольшой группе предметов. Такими прилагательными являются следующие: алаг 'полосатый', 'пегий' (о масти), бодо 'крупный' (о скоте), бойгог 'толстенький', 'пухлый' (о ребенке), булар 'мягкий', 'рыхлый' (о почве), маяа 'кривой' (только о ногах), сарса 'мелкий' (о деревьях, кустарнике), хөөхир 'рыхлый' (о почве), хээр 'гнедой' (масть), һариг

'слабый', 'болезненный' (о ягнятах), һүүр-һүүр 'грубый', 'басистый' (о голосе).

В качестве прилагательных можно рассматривать еще одну разновидность синкретических словоформ, выступающих без изменения по форме как в роли существительных, так и в роли прилагательных и наречий. Подобные нерасчлененные формы обычно связывают с наиболее древними образованиями, отражающими специфику мышления древнего человека. Однако, скорее всего, синкретизм — это явление, возникшее на почве морфологических особенностей конкретного языка и семантических свойств каждой словоформы. Подробнее вопрос о синкретических формах уже анализировался нами с точки зрения морфологии и синтаксиса,⁶ здесь же мы попытаемся рассмотреть это явление с семантической точки зрения.

Во-первых, синкретических словоформ, насчитывающих все три функции употребления, как это и отмечалось в указанной статье, весьма немного, и одни и те же примеры благополучно кочуют по страницам всех работ, посвященных данным словоформам. Во-вторых, все три функции этих наиболее часто упоминающихся слов вряд ли можно считать возникшими синхронно, одновременно с появлением самих словоформ. Рассмотрим в качестве примеров следующие формы: зуб 1. 'правильный', 'верный', 'справедливый', 2. 'правильно', 'верно', 'справедливо' и 3. 'право', 'правильность', 'справедливость'; муу 1. 'плохой', 'дурной', 'скверный', 2. 'плохое' (сущ.), 3. 'плохо', 'дурно'; ойро 1. 'близко', 'вблизи', 'поблизости', 'возле', 2. 'близкий', 3. 'близость', 'близкое расстояние'; холо 1. 'далеко', 2. 'далекий', 'дальний', 3. 'даль'; һайн 1. 'хороший', 'добрый', 2. 'хорошее', 'доброе' (в знач. сущ.), редко 'благо'; 3. 'хорошо'.

Во всех этих примерах значения прилагательных и наречий представляются тесно связанными между собой, естественно вытекающими одно из другого: 'правильный' и 'правильно', 'близкий' и 'близко', 'далекий' и 'далеко', 'хороший' и 'хорошо'. При отсутствии специальных формантов прилагательных и наречий принадлежность к одному из грамматических разрядов слов определяется тем, какую часть речи характеризуют данные словоформы. Общее в том, что в обоих случаях данные словоформы определяют нечто (предмет или действие), в этом отношении они равноправны и эти две функции могли возникнуть в языке одновременно, и, очевидно, именно эти две функции и являются изначальными.

Третье значение (функция существительного) носит иной характер. Значения 'право', 'плохое', 'близость', 'даль', 'хорошее' — отвлеченные понятия с высокой степенью абстрагированности, в которых характеристика оторвана от характеризуемого

⁶ Ч а р е к о в С.Л. О некоторых неизпроизводных наречиях в алтайских языках // Проблемы грамматического строя языка. М., 1978. С. 170–183.

и мыслится самостоятельно. Эти значения – наверняка результат более позднего развития.

Менее абстрагированы значения существительных в следующих синкретических формах: аажам 1. 'тихий', 'спокойный', 'медленный', 2. 'тишина', 'тишь', 3. 'тихо', 'медленно'; далда 1. 'скрытый', 'секретный', 'тайный', 2. 'скрытое место', 'тайник', 3. 'скрытно', 'тайно'. Здесь существительное 'скрытое место', 'тайник' является конкретной реалией, а 'тишина', 'тишь' – нечто, воспринимаемое непосредственно органами чувств в отличие, допустим, от 'доброты', 'справедливости'. Так же непосредственно воспринимается и существительное 'тяжесть' в словоформе хүндэ со значениями 1. 'тяжелый', 2. 'тяжесть', 3. 'тяжело'.

Наиболее многочисленная группа синкретических форм, выступающих в функции существительное/прилагательное. Это чаще всего прилагательные, субстантивные по своей исходной семантике, поскольку качество, называемое ими, может быть приложено и к носителю этого качества. Таковы названия и характеристики людей: баарма 1. 'бедный', 'жалкий', 2. 'бедняжка'; бага 1. 'малый', 'небольшой', 2. 'мальш', 'дитя'; зольбо 1. 'бездомный', 'бродячий', 2. 'бродяга'; хүгшэ(н) 1. 'старый', 'престарелый', 2. 'старушка', 'старик'; залхуу 1. 'ленивый', 'нерадивый', 2. 'лентяй' и существительное с большей степенью абстрагированности, 3. 'лень'.

Обратное предыдущему явлению обнаруживается в следующих примерах, где дается характеристика предмета по материалу: лаг 'ил' и 'илистый', молор 'хрусталь' и 'хрустальный', номин 'лазурит' и 'лазурный', 'лазоревый', сан(г) 'жесть' и 'жестяной', сахюур 'кремень' и 'кремневый', хуһа(н) 'береза' и 'березовый', шабар 'глина' и 'глиняный' (перен. 'вредный', 'зловредный').

Возможны также и два различных варианта: а) когда название реалии по своему основному признаку дает характеристику качества: орьёл 1. 'острая вершина', 'пик горы' и 2. 'острый', 'заостренный', 'остроконечный'; б) когда по основному признаку называется сам предмет: нахид 1. 'наклонный' и 2. 'седловина' (у лошади) и 'впадина' (между гор). Но более распространенными случаями следует считать развитие абстрагированного значения у прилагательных, которое приводит к возникновению значения существительного, либо, наоборот, от значения существительного возникает более обобщенное значение прилагательного. Примеры первого рода – от прилагательных к существительному: гуниг 'грустный' и 'грусть', 'печаль', гүн 'глубокий' и 'глубина', 'глубь'; гэгээ(н) 'светлый', 'ясный' и 'свет', 'заря', 'рассвет', дүлии 'глухой' и 'глухота', солбон 'ловкий', 'проворный', 'бойкий' и 'прыть', 'бойкость', 'проворство'. Примеры второго рода – от существительных к прилагательным: агаар 'воздух' и 'воздушный', заха 'край', 'кончик' и 'крайний', 'удаленный', худал 'ложь' и 'ложный', 'фальшивый'.

В основу критерия первичности во всех этих примерах положена степень абстрагированности каждого из значений существительных и прилагательных. Большая конкретность служит признаком первоначальности какого-либо одного значения, меньшая — признаком вторичности существительного или прилагательного.

И наконец, источником раздвоения значений на существительное и прилагательное может служить возникновение переносного значения. Чаще всего при этом исходным значением является значение существительного, а переносным оказывается прилагательное: ама(н) 'рот', 'губы' и аман 'устный'; аса 'развилка', 'вилы', 'рогулька' и перен. 'двусмысленный', 'противоречивый', 'условный'; гасуур 'препятствие', 'тормоз' и 'упрямый' (о человеке); магнай 'лоб', 'чело' и перен. 'передовой'. Случаи развития переносного значения от прилагательного к существительному редки: соохор 'пестрый' и перен. 'игральные карты'.

Таким образом, почти во всех синкретических словоформах оказывается возможным выделить первичное значение и показать логичность возникновения вторичного. Следовательно, синкретичность в современных алтайских языках — это результат определенного направления в развитии языка, причем в большинстве случаев явление сравнительно недавнее в исторических масштабах.

б) Омертвевшие и непродуктивные элементы

Выделение омертвевших и непродуктивных элементов в бурятских прилагательных, так же как и в эвенкийских, не преследует целей этимологизации суффиксов и восстановления праформ. Выявление этих элементов и их перечень, не претендующий на полноту, следует рассматривать как начальный этап дальнейшего и более подробного исследования этих и аналогичных элементов в алтайской группе языков. Именно поэтому в этом перечне могут оказаться элементы самого разного рода. Это могут быть: омертвевшие суффиксы; малопродуктивные или совпадающие по форме с малопродуктивными; словообразовательные суффиксы прилагательных в сочетании с омертвевшим корнем; элементы, заимствованные из других языков, и другие, возможно подвергшиеся фонетическим изменениям, элементы. Основная задача, поставленная здесь, — выявление наиболее частотных элементов, более или менее регулярно повторяющихся в непроизводных прилагательных и тем самым дающих возможность предположить их неслучайность.

Элемент -ар входит в состав двух продуктивных суффиксов прилагательных -гар (-гэр, -гор) и -мар (-мэр, -мор), из которых первый образует прилагательные, отражающие внешний вид предмета и человека, а второй какие-либо признаки внутренней качественности⁷: балхагар 'пухлый', 'неуклюжий', бохигор 'сгорблен-

⁷ Д о н д у к о в У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964. С. 77.

ный', 'изогнутый', анжагар 'висящий', 'отвислый', хомор 'скудный', 'редкий', шадмар 'ловкий', 'умелый', 'искусный', шобхогор 'острый', 'остроконечный' (шобхо 'острый').

С элементом -ар зафиксированы также четыре непродуктивных суффикса. Суффикс -бар со значением ослабления качества: hogтуу-бар 'полупьяный', 'слегка пьяный' от hogтуу 'пьяный'. Это значение не выявляется в сочетаниях суффикса -бар с омертвевшими основами в следующих прилагательных: бойбор 'ловкий', албар 'небрежный', 'неаккуратный'; hэбэр 'легкий' (о ветре), 'небольшой' (о дожде). Суффикс -дар: адар 'грузный', 'неуклюжий', 'неудобный', айдар 'милый', 'лукавый', 'плутоватый', зүдэр 'замечательный', 'отличный', хүдэр 'сильный', 'здоровый'. Суффикс -сар: агсар 'узорчатый'. Суффикс -тар: зутар 'грязный'.

Кроме этих, зафиксированных в научной литературе суффиксов, с элементом -ар выделяются еще шесть формантов, входящих в состав непродуктивных прилагательных. Формант -хар: ахар 'короткий', 'низкий', булхар 'круглый', 'округлый', ёнхор 'емкий', 'вместительный', мухар 'кургузый', 'кущий', охор 'короткий', 'невысокий', 'приземистый', соохор 'пестрый'. Судя по семантике приведенных прилагательных, можно предположить, что формант -хар служит для обозначения в основном размеров и формы предметов. Формант -һар: гаһар 'выдающийся', 'незаурядный', зуһар 'льстивый'; -лар: балар 'темный', 'неясный', булар 'мягкий', 'рыхлый', молор 'хрустальный'; -жэр: хүжэр 'тугой'; -шэр: хүшэр 'тяжелый', 'трудный', 'тягостный'. Кроме того, элемент -ар встречается с долгим гласным: агаар 'воздушный'.

С элементом -р выделяются следующие прилагательные: зулмар 'ошпаренный', 'очищенный от шерсти' (зулмаха 'вылезать' (о шерсти)), сомор 'собранный', 'аккуратный' (сомохо 'стоговать сено', 'складывать в кучу'), хур 'прошлогодний'. Элемент -р входит в формант -ир, встречающийся в нескольких прилагательных: ахир 'слабый', 'немощный', 'беспомощный', сахир 'бледный', 'белесый', хөөхир 'рыхлый' (о почве). Формант -ра выделяется в следующих прилагательных: бара 'темный', 'невежественный', боро 'серый', 'смуглый', ойро 'близкий', өөрэ 1. 'своеобразный', 'оригинальный', 'особенный', 'замечательный', 'исключительный' и 2. 'бойкий', 'задорный', шара 'желтый'.

Элемент -ан встречается сравнительно часто и входит (с предшествующим согласным) в тринадцать формантов, которые могут быть выделены весьма условно, так как в практически нечленимых словоформах неясно, куда следует отнести согласный – к корню или к предполагаемому суффиксу. Небольшое же количество словоформ с этим элементом не дает возможности достоверно определить семантику каких-либо морфем. Поэтому приведем только список прилагательных с элементом -ан (иногда с долгим гласным: -ән). Предполагаемые форманты вынесены "за скобки" только в тех случаях, когда они встречаются не менее чем в двух словоформах. В остальных случаях, с единичными примерами, форманты отдельно не указываются:

-ан — бараа (н) 'темный' (ср. бара 'темный', 'невежественный'), гэгээ (н) 'светлый', 'ясный', дулаан 'теплый', 'ласковый', 'нежный', ногоон 'зеленый', солгѳон 'резкий' (о характере);

-ран — дүүрэн 'полный', 'наполненный' (ср. дүүрэнги 'полный', 'наполненный'), ѳорон 'нежный', 'чувствительный', салшаран 'шепелявый'; шорон 'остроконечный', 'заостренный', шуран 'бойкий', 'проворный', 'разбитной';

-лан — амгалан (г) 'мирный', 'спокойный', бэлэн 'готовый', 'нетрудный', 'легкий', 'непрочный', 'хрупкий', залан 'прямой', 'бесхитростный';

-шан — агшан 'задорный', 'шаловливый', 'игривый', хошон 'шутливый';

-дан — зайдан 'неоседланный', салдан 'голый' (ср. салган 'голый');

единичные примеры: барһан 'бедный', 'жалкий', булхан 'глубокий', гозон 'одинокый', 'сырый', зутармаан 'грязный', 'неряшливый', лааян 'вместительный', 'большой', латан 'черный', 'засаленный', солбон 'ловкий', 'проворный', 'прыткий', 'бойкий'.

С согласным -н- встречаются элементы -на, -ни, -уун: ажана 'спокойный', 'мирный' (ср. ажа амгалан 'благополучный', ажана амар 'спокойный', 'мирный'), богони 'короткий' (о времени и расстоянии) и 'низкий' (о росте), бүдүүн 'толстый', 'грубый', жэхүүн 'вяжущий' (о вкусе), зэбүүн 'надменный', 'гордый', хүжүүн 'упругий', 'твердый'.

Долгие [ᠦ], [ᠦ] также входят в состав нескольких предположительно выделяемых формантов в сочетании с различными согласными (перед или после гласного): буруу 'неправильный', даруу 'уравновешенный', 'степенный', 'скромный', зүдэр 'исхудавший', 'истощенный', хирүү 'застенчивый', 'робкий', гүндүү 'глубокий', 'основательный', мүндүү 'резкий', 'грубый', 'небрежный', бүтүү 'закрытый', 'глухой', хитүү 'застенчивый', 'робкий', 'несмелый' (ср. хирүү с тем же значением), һогтуу 'пьяный', мужуу 'кривой', 'скорчившийся', һүлжүү 'косой', 'перекошенный', ерүүд 'пришлый' (ср. ерэхэ 'приходить', 'приезжать'), загзуул 'низкорослый', бушуу 'быстрый', 'проворный', залуу 'юный', 'молодой', залхуу 'ленивый', 'нерадивый', хэлбүү 'наклонный', 'покатый', хэсүү 'трудный', 'тяжелый'.

Долгий гласный [ᠦ] встречается также с предшествующим мягким согласным, например [р'ᠦ], [л'ᠦ], [х'ᠦ], орфографически -рюу, -люу, -хюу: барюу 'тесный' (об одежде); дорюун 'бодрый', 'сильный', 'крепкий', арюу 'кривой', 'косой', булюу 'более сильный', 'превосходящий по силе', дэлюун 'широкий', 'просторный', нахюу 'согнутый', 'вогнутый'.

Из других долгих гласных в качестве элементов непроезводных прилагательных встречаются долгий [ā] с фонетическими вариантами [ō, ē, э]: долобхоо 'говорливый', нозоо 'неповоротливый', 'неуклюжий' (ср. нозог с тем же значением), хошоо 1. 'шутливый', 'юмористический', 2. 'парный', 'двойной', һүхее 'пушистый'. Долгий гласный [ā] является словообразовательным суффиксом в сле-

дующих, образованных от глаголов прилагательных: гоншоо 'гну-савый' от гоншохо 'гнусавить', хирбээ 'густой, ровно подстриженный' (об усах) от хирбэхэ 'подравнивать', 'равно подстригать'.

Несколько элементов с краткими гласными [а, о, э] в сочетании с предшествующим мягким согласным или с [j] обнаруживаются в следующих прилагательных: алая 'резвый', 'игривый', мая 'кривой' (о ногах), орёо 'сложный', 'запутанный', орьёл 'острый', 'остроконечный'.

В нескольких прилагательных выделяется элемент -ай: алмай 'беспечный', 'невнимательный', арбай 'маленький', 'карликовый', дорой 'слабый', 'изможденный' и 'плохой', 'негодный', шембай 'крепкий', 'плотный'. Для сравнения упомянем суффиксы -хай и -гай, образующие прилагательные от глаголов: уйлхай 'плаксивый' от уйлаха 'плакать', шамдагай 'быстрый', 'проворный' от шамдаха 'торопиться', 'спешить'.

Наиболее "продуктивными" из перечисленных выше элементов производных прилагательных были -ар, -ан и -юу. Во вторую по частоте группу войдут элементы -аг, -га, -ад, -да, -са, -ха, -хи (-хы).

Элемент -аг, возможно, представляет собой непродуктивный суффикс прилагательных. Основанием для такого предположения служат некоторые прилагательные, в которых можно выделить производящую основу и упомянутый элемент: алаг 'пестрый' (ср. др.-тюрк. ала 'пестрый', 'пегий'); базаг 'полный', 'пухлый' (о ребенке) (ср. бажатар 'здоровый', 'крепкий'); нозог 'неповоротливый', 'неуклюжий' (ср. нозоо с тем же значением); сооног 1. 'отверстие', 'дыра', 2. 'круглый' (ср. соорхой 'дырявый', 'дыра' и соо усил. част. 'насквозь'); һиирэг 'просвечивающий' и 'редкий', 'нечастый' (ср. һиирыхэ 'просвечивать насквозь' и 'быть редким, нечастым'). Однако близкие по значению производящие основы выявляются далеко не всегда. Затруднительно определить семантику основ в следующих примерах: амараг 'любимый', 'милый', 'дорогой' (ср. амар 'спокойный', 'благополучный'). Кроме того, элемент -аг может быть осложнен предшествующим согласным. Таким образом возникают варианты этого элемента -раг, -даг, -гаг: зудэр 'позорный', 'постыдный', зэрэг 'неясный', 'смутный' (ср. зэрэб с тем же значением), зээрэг 'пугливый', һойрог 'вредный', 'зловредный', ардаг 1. 'неопытный', 2. 'бойкий', 'резвый', зудэг 'позорный', 'постыдный', бойгог 'толстенький', 'пухлый' (о ребенке).

Элементы -аг и -иг встречаются в следующих прилагательных: бага 'маленький', 'небольшой', барга 'грубый', 'некультурный' (ср. бара 'темный', 'невежественный'), зулгы 'вежливый', 'любезный', 'покладистый', шиига 'сильный', 'здоровый', 'крепкий' (ср. шиидагар 'здоровый', 'сильный'), ариг 'чистый', 'опрятный', гани(г) 'бешеный', 'буйный', гуниц 'грустный', һариг 'слабый', 'болезненный', шадиг 'болтливый', 'легкомысленный'.

Суффикс -да является непродуктивным, образующим прилагательные со значением обладания качеством, выраженным

в основе (далда 'скрытный' от дал 'навес'), местонахождения (газаада 'наружный', 'внешний' от газаа 'вне', 'снаружи'). У.-Ж.Ш. Дондуков отмечает также, что суффикс -да образует ряд прилагательных от омертвевших корней со значением местонахождения (дээдэ 'верхний').⁸ Однако этот суффикс встречается и в ряде прилагательных, семантически не связанных с обозначением местонахождения: богдо 'святейший', 'верховный', бодо 'крупный' (о скоте); жэгдэ 'ровный', 'равный', зээрдэ 'рыжий' (о масти лошади), хүндэ 'тяжелый'. Вариантом этого элемента можно считать элемент -ды в прилагательных: амиды 'живой' от ами(н) 'дыхание' (ср. амида 'живой', 'одушевленный' от той же основы), хүнды 'пустой', 'полый'. В нескольких производных прилагательных выделяется элемент -ад: балмад 'суматошный', 'взбалмошный' и 'рискованный', 'авантюрный', боод 'стельная' (корова).

Небольшое количество прилагательных включает в себя элемент -са: аса 'раздвоенный', 'ветвистый', 'парный', өөрсэ 'отдельный', 'особенный', сарса 'мелкий', хурса 'острый'.

Завершают эту группу прилагательные с элементами -ха (-хо, -хэ) и -хи: бошко 'неповоротливый', 'неуклюжий', бэрхэ 'трудный', 'тяжелый', заха 'крайний', 'удаленный', хүдхэ 'непутевый', 'безалаберный', хүлхэ 'широкий', 'обширный', хүхэ 'синий', 'голубой', шобхо 'остроконечный' (ср. шобхогор 'острый', 'остроконечный'), болхи 'неповоротливый', 'ленивый', бэхи 'крепкий', 'прочный', 'твердый', хохи 'тяжкий', 'тяжелый', хубхи 'бледный' (ср. хубхай 'белый', 'бледный', 'блеклый').

Еще одну группу составляют элементы, встречающиеся в прилагательных в единичных случаях:

-ам – аажам 'тихий', 'спокойный', 'медленный', агсам 'резвый' (о лошади); огсом 'крутой', 'резкий';

-ла, -ал, -ли, -ли(н) – суда 'крепкий', 'здоровый', холо 'далекий', 'дальний', һула 'слабый', 'бессильный', худал 'ложный', адли 'подобный', 'похожий', аали(н) 'тихий', 'негромкий', 'медленный';

-аб, -ба – зэрэб 'неясный', 'смутный' (ср. зэрэг с тем же значением), шороб 'резкий', 'едкий' (о запахе), зольбо 'бездомный', 'бродячий', -ди, -ид – загуурди 'неведомый', 'необитаемый', нахид 'наклонный';

-ии, -им – дуули 'глухой', дуулин 1. 'спокойствие', 2. 'просторный', 'привольный';

-ша – нобшо 'неряшливый', 'неопрятный', хүгшэ(н) 'старый', 'престарелый' (ср. суфф. -ша в дууша 'певчий' от дуу(н) 'звук', 'голос', 'песня');

-жэ – жэжэ 'маленький', 'мелкий';

-за – бааза 'простой', 'примитивный';

⁸ Там же. С. 88, 89.

-га - бата 1. 'твердый', 'крепкий', 2. 'надежный', 'верный', 'постоянный'.

Все выявленные здесь элементы прилагательных как эвенкийского, так и бурятского языков классифицированы по чисто формальным признакам. Во-первых, по частоте их употребления, а во-вторых, внутри трех выделенных групп по составляющим эти элементы звукам. Группировка по фонетическим признакам вовсе не означает, что элементы, объединенные какой-либо одной или двумя фонемами, непременно являются вариантами одного элемента (за исключением случаев с сингармоничными вариантами) или что они восходят к одной исторической праформе, хотя и такой возможности исключать нельзя. Именно с этой целью в скобках часто приводятся прилагательные со сходными по фонетическому облику элементами, которые несомненно являются словообразовательными суффиксами. То же самое можно сказать и об элементах типа -аб и -ба. Элементы такого рода могут иметь различное происхождение в историческом плане, но могут быть образованы и путем перестановки составляющих их звуков.

Целью подобной классификации являлось выделение тех элементов, которые предположительно могут претендовать на роль словообразовательных формантов. Второй задачей являлась более или менее упорядоченная группировка их по фонетическим признакам.

Более углубленный анализ выделенных элементов требует сравнительно-исторического исследования с привлечением данных всех алтайских языков. Подобная задача в данной работе не ставилась.

ПРОИЗВОДНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Суффиксы прилагательных как эвенкийского, так и бурятского языков зафиксированы в имеющихся грамматических работах и справочниках. Характеристика этих суффиксов во многих случаях дается по основному, самому распространенному, значению. Относительно сферы употребления этих суффиксов также приводятся наиболее характерные для них данные.

Детальное исследование суффиксов имен прилагательных иногда позволяет обнаружить дополнительные факты, касающиеся как сферы применения данных суффиксов, так и их семантики. Некоторые суффиксы имен прилагательных имеют широкое распространение и обладают способностью образовывать прилагательные с большим количеством семантических групп исходных основ и от большего количества частей речи, чем это обычно отмечается в грамматической и учебной литературе.

В семантике некоторых суффиксов представляется возможным проследить определенную эволюцию, постепенный переход от одних значений к другим, что обнаруживается при анализе различных групп прилагательных с наиболее продуктивными суффиксами.

1. С л о в о о б р а з о в а н и е
п р и л а г а т е л ь н ы х
в э в е н к и й с к о м я з ы к е

Суффикс -рй̄н

Этот суффикс обычно характеризуется как омертвевший словообразовательный суффикс, образующий качественные прилагательные цвета.¹ Действительно, ряд прилагательных, обозначающих цвет, встречается с этим суффиксом во всех диалектах эвенкийского языка: Чука чутурй̄н (чурурй̄н) 'Трава зеленая', Би ирбакив чулбарин 'Мое платье синее', Си нюриктэс коңнорй̄н 'Твои волосы черные', коңнорй̄н билат 'черная шаль', сиңарй̄н 'желтый',

¹ Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.; Л., 1964. С. 103.

'коричневый', 'серый', 'желто-бурый', игдари́н (ирдари́н) 'серый', багдари́н 'белый', улари́н (хулари́н, олари́н) 'красный'.²

Однако перечисленными прилагательными сфера употребления этого суффикса не исчерпывается. О.А. Константинова относит к этой группе "по формальному признаку, т.е. по тождеству образующего аффикса" прилагательное багури́н 'ясный'.³ Близость этого прилагательного к предыдущей группе не только формальная. Багури́н 'ясный' входит в небольшую группу прилагательных с тем же суффиксом, характеризующим предмет с точки зрения зрительного восприятия, близкого к цветовому восприятию: кактари́н (кактыри́н) 'бледный' (о лице), 'бледно-розовый', Едук-та кактари́н бэйэ! 'До чего бледный человек!', арури́н (харури́н) 'бледный' (харун 'головокружение'), гилбэри́н 'блестящий' (гилбэн 'блеск', гилбэ- 'сиять' (о звездах)), нэмтэри́н 'ясный', лупчурри́н 'темный' (лупчургэ- 'потемнеть').

Третья, довольно обширная, группа прилагательных с суффиксом -ри́н характеризует предметы по их внешнему виду, качеству поверхности, форме: сэвэри́н 'шершавый' - Куцакан на́лан сэвэри́н о́ча 'Руки ребенка шершавыми стали', могдори́н 'сгорбленный', букчурри́н 'горбатый' (букчургэ 'сгорбиться'), бултурри́н 'полированный' (бултул- 'прогладить', 'сделать гладким'), бултэри́н 'пучеглазый' (бур, бэлтыггэхэ 'тарашить глаза'), юмбурри́н 'худой', 'тощий' - Ахаткан ди́ң юмбурри́н 'Девочка очень худая' (юмбу 'сухой', 'сухошавый', юмбу- 'похудеть', 'ослабеть'), дяндюри́н 'морщинистый', 'сморщенный', ныксари́н 'лохматый' - Дылис ныксари́н 'Голова твоя лохматая', лирбири́н 'развесистый' (о дереве), лэндури́н 'пушистый', 'распустившийся' (о растительности) (лэнду- 'качаться' (о деревьях)), лэптурри́н (лэптэри́н) 'косматый', 'лохматый' (лэпу- 'нахохлиться', лэпумэ (лэпимэ) 'пушистый'), мугдыри́н 'извилистый', 'неровный', 'волнистый' (мугды- 'извиваться' (о змее)), мугдыримэ 'перистый' (об облаках), капчари́н 'гладкий', наптари́н 'ровный' (без кочек), сэлтэри́н 'большеголовый', 'утолщенный', сэрбэри́н 'ушастый' (сён 'ухо', сэрбэлэ- 'наострить уши'), тунгурри́н 'круглый' (тунгур 'поляна'), никсари́н 'курчавый', 'кудрявый', нэптыри́н 'широкий', 'плоский' (нэптыгэ 'подстилка под седло', нэптэ-, нэптэкэ- 'выровнять'), эпкэри́н 'пушистый' (о снеге).

И наконец, всего несколько прилагательных с суффиксом -ри́н характеризуют предмет по его качествам, свойствам: доңори́н 'жесткий', 'твердый' (доңоро- 'заморозить', доното 'мороз', 'замерзший' (об озере, реке)), сэксэри́н 'легкий' (по весу), нилбири́н 'вертлявый', нилчари́н 'низкий' (о местности).

Характерно, что основы, от которых образуются прилагательные с суффиксом -ри́н, в большинстве случаев носят изолированный характер, т.е. от них в редких случаях образуются какие-либо другие словоформы. А в целом абсолютное большинство прилагатель-

² В скобках приводятся диалектные варианты прилагательных.

³ Константинова О.А. Эвенкийский язык. С. 103.

ных, кроме четырех прилагательных последней группы связаны с качеством, воспринимаемым зрением: цвет, фактура, форма предмета.

Суффиксы -р, -р̄и

Суффиксы -р, -р̄и являются непродуктивными суффиксами прилагательных с ограниченной сферой применения, в основном служащие для образования прилагательных от существительных, обозначающих времена года и суток. При этом суффикс -р имеет самостоятельное употребление, а суффикс -р̄и образует в некоторых случаях формы, параллельные формам прилагательных с суффиксом -р. Примеры: долбор 'ночной' (долбо, долбор̄и 'ночь'), тыргар 'дневной' (тырга 'днем', 'сегодня'), сиксэр 'вечерний' (сиксэ 'вечер'), нэлкир (нэлкэр) 'весенний' (нэлкэ 'весна', 'весной'), бадир, бадир̄и 'утренний' (бадини 'утро'), болор, болор̄и 'осенний' (боло 'осень', 'осенью'), тугэр 'зимний' (тугэ 'зима', 'зимой'), тугэри 'зимний', 'пасмурный'.

Небольшое количество прилагательных образуется с суффиксом -р от глагольных основ: гэлтэр 'звонкий', 'звучный' (гэлтэ- 'раздаваться', 'звучать'), утур 'вертлявый' (утур- 'вертеться', ут- 'наматывать', 'вертеть', 'крутить'), сунтар 'глубокий' (сун- тала- 'опуститься на дно').

С суффиксом -р̄и от глагольных основ образуются прилагательные: гуңри 'звонкий' (гуң- 'грохотать', 'раздаваться'), савкар̄и 'известный' (савкан- 'объявить', 'уведомить', 'познакомить'), индер̄и 'живой', 'живущий' (инде- 'жить'), садер̄и 'знающий' (саде- 'знать'), саңняри 'дымный' (саңня- 'дымиться', 'дымить'), сиргири 'трескучий' (о морозе) (сирги- 'поскрипывать', 'шуршать' (о полозьях нарт)).

Составные суффиксы с компонентом -р̄и

Существование составных суффиксов не редкость в эвенкийском языке, что отмечалось, в частности, в связи со словообразованием прилагательных как в научной, так и в учебной литературе.⁴ Суффикс -р̄и сочетается с суффиксом -дя (-де, -дэ), обладающим несколькими значениями и образующим прилагательные по признаку, данному в основе: гирамна 'кость', гирамнадя 'тощий', 'костлявый', 'худой'.⁵ В то же время суффикс -р̄и в одном из своих значений является суффиксом причастий, которые, как известно, обладают атрибутивной функцией и легко субстантивируются.⁶ Ввиду

⁴ Константинова О.А. Эвенкийский язык. С. 114; Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык: Пособие для педагогических училищ. Л., 1979. С. 94.

⁵ Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г.М. Василевич. М., 1958. С. 755.

⁶ Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. С. 96.

того, что в словоформах с двумя рассматриваемыми суффиксами суффикс -дя- не придает словоформе какого-либо дополнительного значения (мэргэдері и мэргэри 'печальный', 'грустный' (мэргэ- 'приуныть', 'загрустить', 'задуматься'), мэнэ и мэнэдері 'оседлый' (мэнэ- 'жить, долго стоять на одном месте')), сочетание его с суффиксом -ри можно считать одним составным суффиксом -даря (-дері, -дэри), образующим прилагательные. Примеры: Амадаря 'сонный' (ама- 'хотеть спать') – Тар хунат гэгдэк амадаря 'Та девушка всегда сонная' и Амаядри хунатпа сэрувкэл 'Спящую девушку разбуди'; буылэдері 'больной' (буылэ- 'болеть'); мэдэдері 'чуткий', 'догадливый' (мэдэн 'чувство', мэдэ- 'почувствовать', 'ощутить', 'узнать', 'догадаться'); ырдері 'сумасшедший' (ир- 'сойти с ума'); хаватадяри 'беспокойный', 'суебливый' (хавата- 1. 'двигаться'; 2. 'бегать', 'метаться' (об оленях), 3. 'суесться', 'хлопотать'); хивиндаря 'беспокойный', 'тревожный' (хивин- 'беспокоиться', 'волноваться', 'тревожиться').

В качестве составного суффикса прилагательных может рассматриваться еще одно сочетание с суффиксом -ри: -ври, -вуври. Суффикс -в, -ву – суффикс страдательного залога: ичэ- 'видеть', 'замечать', ичэв- 'виднеться', 'быть видимым'. От основы ичэв- образуется прилагательное ичэври, ичэвуври 'видный', 'приметный'. Таким же образом образуются близкие по семантике прилагательные от страдательных глагольных форм: дяюча- 'сберечь', 'спрятать' – дяючаври 'тайный'; эмэцув- 'оставленный', 'оставшийся' (эмэпу- 'оставаться', 'остаться', 'отстать') – эмэпуври 'последний'; сукчав- 'испортиться', 'сломаться', 'быть разрушенным' (сукча- 'испортить', 'сломать', 'разрушить') – сукчавуври 'хрупкий', 'ломкий'.

Поскольку самостоятельное значение суффикса -в в прилагательных теряется, сочетание суффиксов можно рассматривать как один составной или сложный суффикс.

Возможны и другие сочетания некоторых из рассмотренных выше суффиксов, например, -в + -дері: гэлэвдері 'нужный', 'необходимый' (гэлэ- 'требовать', гэлэв- 'быть нужным', 'требоваться'); эливдері 'старательный', 'решительный' (элив- 'действовать решительно'), сохивкандері 'диковинный' (сохи- 'удивляться', 'восхищаться').

Суффикс -чи (-ичи)

Суффикс -чи образует прилагательные в подавляющем большинстве случаев от существительных. Одно из наиболее распространенных значений, передаваемое прилагательным с этим суффиксом, – значение обладания каким-либо конкретным предметом, наличие какого-либо конкретного предмета: бэкэчи 'горбатый' (бэкэ 'горб'), гургактачи 'бородатый', 'усатый' (гургакта 'борода', 'усы'),

дэктэлэчи 'крылатый' (дэктэлэ 'крыло'), дюкэчи 'бира' 'река со льдом', 'ледяная река' (дюкэ 'лед'), ихэчи 'каменистый' ('ихэ 'камень'), кумкэчи 'вшивый' (кумкэ 'вошь'), нулгичи 'женатый' (нулги 'хозяйка', 'жена'), эмэгэчи 'оседланный' (эмэгэн 'седло').

Следующая, наиболее обширная, группа прилагательных близка предыдущей, но обозначает не столько наличие какого-либо предмета, сколько наличие качества: давагучи 'солёный' (давагун 'соль'), дёлочи 'счастливый' (дёл 'счастье'), илэкэчи 'холмистый', 'кочковатый' (илэкэн 'бугорок', 'холм'), иманначи 'снежный' (иманна 'снег'), имурэчи 'жирный' (имурэ 'жир', 'сало'), корочи, нигулчи 'ядовитый' (коро, нигул 'яд'), нюрэчи 'грязный' (нюрэ 'грязь'), нутэчи 'смолистый' (нутэ 'смола'), синилгэчи 'снежный' (сиңилгэн 'снег'), удучи 'дождливый' (удун 'дождь с ветром'), сэнэчи 'сильный' (сэнэ 'сила').

Между этими двумя группами прилагательных нет четкой границы и не во всех случаях некоторые прилагательные можно однозначно отнести к какой-либо одной из двух групп. Тем не менее нельзя не видеть разницы между такими, например, прилагательными, как гургактачи 'усатый', что означает 'имеющий усы', 'обладающий усами', и прилагательными давагучи 'солёный', дёлочи 'счастливый', значения которых не сводятся к формуле 'обладающий солью', 'имеющий соль'; 'обладающий счастьем', 'имеющий счастье'. Последние примеры можно, скорее, расшифровать как 'обладающий вкусом (т.е. качеством) соли'; 'ощущающий (чувствующий) счастье'. Т.е. значение первых прилагательных конкретно, вторых — абстрактно.

Более обособленно от предыдущих групп прилагательных стоят прилагательные, в которых семантика основы приобретает расширенное значение с большей степенью абстрагированности: абдучи 'богатый' (абду 'скот', 'имущество', 'вещи'), алтачи 'позолоченный' (алтан 'золото'), булэчи 'топкий' (булэ 'болото'), буруйчи 'виноватый', 'виновный' (буру 'вина', 'проступок'), вэктэчи 'удачливый' (вэктэ 'добыча').

Еще большую степень абстрагированности демонстрируют прилагательные, в которых возникает новое (иногда переносное) значение, а связь с семантикой исходной формы почти полностью утрачивается: гирамначи 'стройный' (гирамна 'кость'), дочи 'наполненный' (доч 'нутро', 'внутренность'), дыличи 'умный' (дыл 'голова'), сиңкэчи 'счастливый' (сиңкэн 'удача на охоте'), эручи 'виновный' (эру 'зло', 'беда', 'несчастье', 'горе'), кэрэкчи 'нужный' (кэрэк 'вещь'). В сахалинском говоре нами было зафиксировано прилагательное надачи 'нужный', образованное от русского надо с помощью суффикса -чи, что свидетельствует и о продуктивности этого суффикса.

Таким образом, в значении суффикса -чи хорошо прослеживается постепенный переход от конкретного, предметного значения (обладание чем-либо) к абстрактному, обобщенному грамматическому значению суффикса прилагательных. Причем сфера действия

этого суффикса ограничена в основном существительными. От других грамматических разрядов слов суффикс -чи образует прилагательные в единичных случаях – от числительных: дюр 'два' – дюричи 'двухлетний', илан 'три' – илачи 'трехлетний'; от глаголов: иннү 'раздаваться', 'звенеть', 'звучать' – иннүчи 'звучный', 'звонкий'; от прилагательных: мёвү 'горячий', 'вспыльчивый' – мёвүчи 'сердитый', 'злобный'.

Адъективированные причастия с суффиксом -чā (-чō, -чэ)

Суффикс -чā (-чō, -чэ), уже упоминавшийся как элемент составных суффиксов прилагательных, являясь по происхождению суффиксом причастий, развился в продуктивный суффикс прилагательных благодаря способности причастий адъективироваться. Суффикс -чā обнаруживается в следующих прилагательных: идарилчā 'прокисший' (идарил- 'прокиснуть', 'скиснуть'), йрилчэ 'сумасшедший' (йрил- 'сойти с ума'), ирчэ 'спелый' (ир- 'созреть', 'поспеть'), кэпэчэ 'распухший', 'вздувшийся' (кэпэ- 'распухнуть'), тэкэмчэ 'порванный' (тэкэм- 'порваться'), олгочō 'высохший', 'сухой' (олго- 'сохнуть', 'высохнуть'), сэмтучэ 'ржавый', 'заржавленный' (сэмту- 'заржаветь'), тыкулчā 'сердитый' (тыкул- 'рассердиться'), урэлдйчэ 'сходный', 'похожий' (урэлды- 'походить друг на друга'), сагданчā 'старый', 'дряхлый' (сагдан- 'стариться').

Еще чаще встречаются формы с суффиксом -вча (-вчэ, -вчо), образованным сочетанием суффиксов -чā и суффикса страдательного залога -в(у) (ассимилированный вариант -пчā): бучи- 'сушиться', бучив- 'сохнуть', 'вялиться' – бучивчā 'вяленый'; сий- 'погасить', 'задуть', сийв- 'погаснуть', 'потухнуть' – сивчэ 'потушенный', 'погашенный'. По этой модели образованы следующие адъективированные причастия: бурувчэ 'сваленный', 'поваленный' (бурув- 'быть сваленным'), дэгдэвчэ 'горелый' (дэгдэ- 'гореть'), матавчā 'изогнутый' (матав- 'быть согнутым'), нйвчэ 'открытый', 'отворенный' (нив- 'открыться', 'отвориться'), онёвчō 'нарисованный' (онё- 'рисовать'), суптивча 'отставший', 'отсталый' (суптив- 'отстать'), эрийвчэ 'званный', 'приглашенный' (эрий- 'сзывать', 'приглашать').

Небольшое количество адъективированных прилагательных при образовании меняет семантику основы: ичэвчэ 'проверенный' (ичэв- 'виднеться', 'быть видимым', 'наблюдаться'), мэмбэчэ 'смущенный', 'растерянный' (мэмбэ- 'расстроиться', 'встревожиться'), нимнйчэ 'хмурый', 'насупившийся' (нимнй- 'зажмурить глаза', 'прищуриться').

Суффикс -хи (-ихй, -хин, -сий, -ши)

Суффикс -хи (-ихй, -хин, -сий, -ши) – непродуктивный, близкий к суффиксу -пчу по своей способности образовывать существительные, прилагательные и наречия. Самостоятельной сферы употребле-

ния не имеет, т.е. не образует прилагательных, которые не встретились бы с другими суффиксами и с теми же значениями. Все прилагательные с этим суффиксом образуют синонимичные формы с прилагательными, образованными при помощи других суффиксов. Чаще всего суффикс -хй замещает в словоформе суффиксы -пчу, -всй, -гды: алапчу и алахй 'вкусный', 'сладкий'; иңинипчу и иңинихй (иңинихйин) 'холодный'; һэрипчу, һэрийвсй и һэрийхй 'светлый'; идарипчу и идарихй 'невкусный', 'горький'; инемупчу и инемухй 'смешной'; инмэрипчу и инмэрихй 'противный', 'отвратительный' (на вкус); сэвдепчу и сэвденихй 'веселый'; һопчу, һогды и һохи (һохйин) 'удушливый', 'душный'; хактырапчу, хактырагды и хактырахй 'темный'.

Суффикс -күн (-мкүн)

Суффикс -күн интересен тем, что объединяет в себе два противоположных значения. Во-первых, он усиливает признак, выраженный в основе: һоним 'длинный', һонимкүн 'предлинный';⁸ во-вторых, он является признаком недостаточности, уменьшительности: арбакүн 'мелкий', силимкүн 'узкий', урумкүн 'короткий', нэмкүн 'тонкий'.⁹

Большинство прилагательных с этим суффиксом представляют собой изолированные словоформы, от основ которых не образуются другие словоформы: бучукүн 'толстый', уткүн 'густой', уомкүн, эгимкүн 'дешевый', 'легкий'.

Иногда этот суффикс образует прилагательные от глагольных основ и от прилагательных же: улапкүн 'мокрый', 'сырой', 'влажный' (улап- 'отсыреть', 'промокнуть'), дудумкүн 'смирный' (дудум- 'успокоить кого-либо'), урумкүн 'короткий' (урум 'короткий'), ләрбэмэкүн 'ушастый', 'с торчащими ушами' (ләрбэмэ 'стоящий', 'торчащий' (об ушах)).

Суффикс -кин

Прилагательные с суффиксом -кин подразделяются на две основные подгруппы. Первую группу составляют прилагательные, образованные от глаголов и обозначающие состояние человека или какого-либо предмета: дэрүкин 'усталый' (дэрү- 'устать'), омикин 'голодный' (омин- 'проголодаться'), дэрбэкин 'сырой', 'влажный' (дэрбэн- 'отсыреть'), олгькин 'сухой' (олгь- 'сохнуть', 'высохнуть'), уникин 'талый', 'оттаявший' (унил- 'начать таять'), хэнэкин 'треснувший', 'лопнувший' (хэнэ- 'треснуть'). Вторая группа прилагательных образована от основ, не образующих глагольных форм: имэкин 'свежий', иңикин 'живой', 'бойкий',

⁸ Эвенкийско-русский словарь. С. 765.

⁹ Константинова О.А. Эвенкийский язык. С. 104.

'подвижный', сучэкин 'бледный', 'хилый', 'несчастный', 'неудачливый', чукин 'недоваренный', 'недожаренный', эсикин 'сырой', 'неспелый', хусикин 'встречный', 'упрямый', дюлакин, һанакин 'голый', 'раздетый', инэкин 'живой', нялакин 'зажиточный', юмэкин 'слабый'.

От других грамматических разрядов слов (прилагательных, наречий, числительных) прилагательные с этим суффиксом образуются в единичных случаях: аякин 'хорошенький' (ая 'хороший'), һеһикин 'пологий' (һеһски 'вниз'), умукин 'одинокий' (умун 'один').

Суффикс -кй (-вкй)

Данный суффикс по существу является вариантом суффикса -кин и, так же как и последний, образует прилагательные преимущественно от глагольных основ, обозначающие состояние человека или предмета: буссэ- 'болеть', буссэкй 'болезненный'; дяли- 'течь' (о слюне), дяликй 'слюнявый' (о ребенке); хукэл- 'скатиться', 'покатиться', хукэлкй 'покатый', баде- 'упрямиться', бадевкй 'упрямый'; омңо 'забыть', омновкй 'забывчивый'; муе- 'обижать', 'притеснять', муевкй 'жестокый'; купулэ- 'ревновать', купулэвкй 'ревнивый'; муллы- 'не уметь', муллывкй 'неловкий', 'неспособный'; курбу- 'вертеться', курбувкй 'вертлявый'. С существительными и прилагательными этот суффикс также малоупотребителен: коң 'пустой', коңкй 'пустой'; милу 'десна', милукй 'беззубый' (о стариках); моңно 'сумасбродный', 'шалый', моңнокй 'придурковатый'.

Суффиксы -ма (-мэ, -мо); -лама (-лэмэ, -ломо)

Суффиксы -ма (-мэ, -мо), -лама (-лэмэ, -ломо) в некоторых своих значениях близки к суффиксу -рин, и иногда оба они образуют синонимичные прилагательные от одних и тех же основ (ср. бултурин и бултума 'гладкий', 'ровный'), что будет видно по некоторым приводимым далее примерам. Однако в целом сфера употребления суффикса -ма существенно шире и разнообразнее.

Прилагательные, обозначающие цвет, представляют собой немногочисленную группу, с суффиксом -ма от основ, как правило, не образующих другие словоформы в современном языке: багдама 'белый', игдяма 'серый', 'желтый', 'бурый', луңимэ 'карий' (о глазах), сиңама 'желтый', 'коричневый', хутама 'рыжий' (хута 'молния'), чутума 'синеватый'.

От таких же "изолированных" основ образуются три небольшие группы прилагательных, характеризующие: 1) предметы по их внешнему виду, фактуре поверхности: борчима 'шероховатый', бусимэ (бухимэ) 'прямой', бучимэ, дучама 'чистый' (об одежде), домбому 'грубый' (о ткани), мэрбэмэ 'гладкий' (о местности без деревьев, кочек); немуме 'мягкий', 'нежный' (на ощупь), нэптама 'гладкий'; 2) человека или животного по внешнему виду: дялама 'тощий', 'худой', лэрбэмэ 'стоячий', 'торчащий' (об ушах),

мэкэмэ 'широкоплечий', нямнулама 'беззубый', тышима 'коренастый', 'низенький', чаталама, никсалама 'растрепанный' (о волосах, голове); 3) предметы и человека по их качеству, особенностям: лиңгама 'клейкий', 'липкий', луңнимэ 'твердый' (о камне), богима 'увертливый', 'подвижный'.

Этот слой лексики по тем же соображениям, которые высказывались по поводу прилагательных с суффиксом -рин, можно считать наиболее архаичным. К нему непосредственно примыкает группа прилагательных, характеризующих предмет по материалу, из которого он сделан: деломо 'каменный' (дело 'камень'), мүмэ 'водный', 'водяной' (мү 'вода'), наннама 'кожаный' (нанна 'кожа'), ороктомо 'соломенный' (орокто 'солома'), сэксэмэ 'кровяный', 'кровяной' (сэксэ 'кровь'), чиктыма 'бисерный' (чикты 'бисер').

Значение суффикса -ма, как видно из приведенных выше примеров, сугубо конкретно, и прилагательные с этим суффиксом определяют предмет непосредственно по материалу, из которого он сделан. Однако в ряде других прилагательных, образованных также от основ существительных, на первый план выдвигается не сам материал, а свойство, признак этого материала, и суффикс тем самым приобретает более абстрактное грамматическое значение суффикса прилагательного. Например: дэпэ 'гнилушка', 'труха' — дэпэмэ 'мягкий' (но не 'сделанный из чего-то гнилого', 'из трухи'); тымбалá 'глина' — тымбама 'вязкий', 'густой' (о глине) (но не 'сделанный из глины'); кадага 'каменистая россыпь на крутом склоне горы', 'гора' — кадама 'крутой'; ирэксэ 'выделанная оленья шкура' — ирэксэмэ 'меховой'; урэ 'гора' — урэмэ 'гористый'; хурникэ 'морщина' — хурнимэ 'морщинистый'. Примеров с подобным семантическим сдвигом при образовании прилагательных от глагольных основ почти нет (ср. капу- 'бить', 'разбить', 'сломать', капума 'хрупкий', 'ломкий'), но развитие абстрактно-грамматического значения суффикса -ма дало возможность образовать большое количество прилагательных от глагольных основ, обозначающих в первую очередь форму и качество поверхности предметов, внешний вид человека и животного: бултума 'гладкий', 'скользкий' (бултул- 'прогладить', 'сделать гладким'), лэндүлэмэ 'лохматый' (лэндүлэ- 'взлохматиться'), мэкчэмэ 'горбатый' (мэкчэлэ- 'сгибаться под тяжестью'), чинтыма 'гладкий' (чинтыкат- 'гладить', 'поглаживать').

Другая группа прилагательных, образованных от глагольных основ, характеризует не внешний вид, а внутреннее свойство, качество, присущее человеку, предмету, или же его признак, связанный с семантикой глагольной основы: бадемэ 'упрямый' (баде- 'упрямиться'), боңномо 'шаловливый' (боңнол- 'шалить', 'баловаться'), локучама 'висячий' (локуча- 'висеть', 'вешать'), леңкимэ 'гибкий' (леңки- 'гнуть'), маяма 'трудный', 'мучительный' (мая- 'испытывать затруднения', 'мучиться'), улэмэ 'вареный' (улэ- 'варить'), уңкумэ 'проливной' (уңку- 'лить', 'вылить').

Закрепившееся в суффиксе -ма грамматическое значение суффикса прилагательного дало возможность образовать прилагательные от наречий, других прилагательных и некоторых существительных, не входящих в перечисленные выше группы: дагама 'близкий' (дага 'близко', вблизи, 'возле'), кэрчэмэ 'сердитый', 'упрямый' (кэрчэ 'жадный'), павгāма 'плешивый', 'лысый' (павгā 'плешивый', 'плешь'), мугдыримэ 'перистый' (об облаках) (мугдырин 'извилистый'), куңама 'детский' (куңа 'детство', 'ребенок'), баймэ 'тоскливый' (бай 'тоска'). И наконец, с суффиксом -ма изредка образуются прилагательные и от заимствованных слов: ватама, батама 'пушистый' (но не 'ватный') - от рус. вата, батама инңакта 'пушистая шерсть'.

Суффикс -лама (-лэмэ, -ломо) можно считать вариантом суффикса -ма, поскольку никаких качественно новых оттенков в значение прилагательного элемент -ла- не вносит. Употребляется этот суффикс с теми же семантическими группами прилагательных и образует их от тех же основ, только значительно реже (ср. чүтүма и чүтүлама 'синеватый'). Можно предположить, что элемент -ла- в прошлом представлял собой именной словообразовательный суффикс, впоследствии слившийся с корнем, что подтверждают следующие основы, неразложимые для современного состояния языка: (без суфф. -ма) бакла 'отдельный', эбэлэ 'неловкий', 'вялый', 'неповоротливый'; (с суфф. -ма) дялама 'тощий', 'худой', нямнулама 'беззубый'. В ряде случаев элемент -ла- относится к глагольной основе, от которой прилагательные образуются с суффиксом -ма: лэндүлэ- 'взлохматиться' - лэндүлэмэ 'лохматый'; сэргбэлэ- 'наострить уши' - сэргбэлэмэ 'ушастый'. В иных случаях логичнее предположить, что прилагательное с омертвевшим суффиксом -ла выступает в роли глагольной основы: нэндэлэ 'ясный' (о небе в мороз) - нэндэлэ- 'проясниться'; буркилэ 'больной' - буркилэ- 'болеть'.

Чаще всего прилагательные с суффиксом -ламэ образуются от именных основ: дэпэ 'гнилушка', 'труха' - дэпэлэмэ 'мягкий'; кипчин 'теснина' - кипчалама 'тесный'; бабир 'морщина' - бабилама 'морщинистый'; сэвэр 'шершавый' - сэвэлэмэ 'шершавый' (о руках).

Встречаются прилагательные, в которых суффикс -лама полностью заменяет суффикс -рин: нүэмтэлэмэ и нүэмтэрин 'ясный', 'чистый' (о небе).

В некоторых прилагательных, образованных от глагольных основ, -лэ- основы выпадает: мэкчэлэ- 'сгибаться под тяжестью' - мэкчэмэ 'горбатый'. Усечению подвергаются и некоторые другие глагольные и именные основы: чипирб- 'пришуриться' - чипилэмэ 'узкоглазый'; капчакā 'плоский' - капчалама 'ровный' (безлесый); ларбāран- 'распушить хвост' - ларбāлэмэ 'лохматый', 'пушистый'.

Все эти примеры являются единичными и, не образуя какой-либо законченной системы, носят в современном языке случайный характер.

Суффикс -пты

Суффикс -пты образует прилагательные с пространственно-временной семантикой: бэгапты 'месячный' (бэга 'месяц'), эвунипты 'поперечный' (эвунки 'поперек'). Прилагательные с этим суффиксом образуются в основном от наречий: тирилпты 'прежний' (тир 'прежде', 'раньше'), тынивэпты 'вчерашний' (тынивэ 'вчера'), тыкипты 'нынешний', 'современный' (тыкин 'теперь'), эхиткэпты, урипты 'недавний' (эхйткэн 'сейчас', 'теперь', ур 'недавно'), элепты 'последний' (элэ 'здесь', 'в этом месте').

Реже прилагательные образуются от существительных: луңурипты 'вечерний' (луңур 'вечер'); от омонимичных форм существительное/прилагательное, существительное/наречие, прилагательное/наречие: болорйпты 'осенний' (болорй 'осень', 'осенний'), горопты 'давний' (горо 'даль', 'далекий'), дагапты 'ближний', 'ближайший' (дага 'соседний', 'близкий', 'близко', 'вблизи').

В единичных случаях прилагательное образуется от числительных: умупты 'одинаковый' (умун 'один'). Так же редко фиксируются прилагательные с этим суффиксом, выпадающие из указанной семантической группы с пространственно-временным значением: девупты 'съедобный' (деву 'пища', 'еда').

Суффикс -ды (-ты)

Прилагательные с этим суффиксом образуются в подавляющем большинстве случаев от основ имен существительных: бодоты 'бытовой' (бодо 'быт', 'уклад жизни'), булэды 'враждебный', 'вражеский' (булэн 'враг'), бунйды 'смертельный' (бунй 'смерть'), симүты 'тихий' (симүли 'тишина'), дылачады 'солнечный' (дылача 'солнце'), дюкэды 'ледяной' (дюкэ 'лед'), игды 'звонкий', 'шумный' (иг 'звук', 'шум'), илэды 'человеческий' (илэ 'человек'), ңалэды 'ручной' (ңалэ 'рука'), урэды 'горный' (урэ 'гора'), Элланты 'обгорелый', 'обугленный' (Элла 'уголь').

От основ других частей речи прилагательные образуются в единичных случаях: одётты 'бережливый' (одё- 'беречь', 'жалеть'), мукуты 'тупой' (о ноже) (муку- 'затупить'), долборды 'северный' (долбор 'ночной'), умунты 'одинаковый' (умун 'один'), эрты 'теперешний' (эр 'этот', 'это время').

С суффиксом -ды образуются прилагательные и от названий народов: эвэды 'эвенкийский', япэды 'японский' и т.д.

Можно выделить также ряд непроемных прилагательных с элементом -ды, слившимся с непродуктивной основой, и в настоящее время неразложимых: хэгды 'большой', 'крупный', 'взрослый', бугды, бугуды 'пестрый', 'пегий', будды 'теплый'. В некоторых подобных случаях, возможно, прилагательные образовывались от заимствованных основ: сагды 'старый' (ср. бур. саг 'время').

Суффикс -(и)гды

Суффикс -(и)гды с широкой сферой употребления образует прилагательные от существительных, прилагательных, глаголов. Этот суффикс встречается в сочетании с суффиксом -всй, образующим формы с нерасчлененной семантикой существительное/прилагательное. Очевидно суффикс -всй в этих случаях теряет свою семантику, являясь либо омертвевшим суффиксом, либо находящимся в стадии омертвления, что и вызывает необходимость "подкрепления" этих форм дополнительным суффиксом: нэлэвси 'страх', 'страшный' - нэлэвсигды 'страшный'; оловсй, оловсйгды 'пугливый'; урувсй 'радость', 'радостный' - урувсигды 'радостный'. Изредка суффикс -гды заменяет суффикс -всй: нэри, нэригды 'светлый' и нэригды 'светлый'. От существительных образованы следующие прилагательные: авунигды 'громкий', 'шумный' (авун 'песня'), нугды 'удушливый' (нуб 'запах'), нюригды 'волосатый' (нюриктэ 'волос'), энугды 'болезненный' (энуб 'боль'). От глагольных основ с суффиксом -гды образуются прилагательные: олбонигды 'скупной' (олбон- 'скупать'), дэмэригды 'надоедливый' (дэмэр- 'надоедать'), нямурйгды 'щекочущий' (нимури- 'щекотать'), учинигды 'скупной' (учин 'соскучиться'). От междометия халдемуб 'как стыдно!' образовано прилагательное халдемугды 'стыдливый'.

Фонетическим вариантом суффикса -гды являются суффиксы -гда, -гдэ: йкэригдэ 'костлявый' (йкэри 'кость'), иликсагда 'сопливый' (иликса 'сопля'), сиргйгдэ 'песчаный' (сиргй 'песок'), санагдэ 'дырявый' (санар 'дыра'), мугды 'глубокий' (сымский диалект) (мугдэ 'текучий', 'жидкий' (нерчинский говор) от муб 'вода').

Суффикс -рā (-рō, -рэ)

Суффикс -рā образует прилагательные от глагольных и именных основ: лаңарā 'беззубый' (лаңа- 'сломать зуб'), дылгурā 'голосистый' (дылган 'голос'). Часто суффикс -рā входит в основу глагола или существительного, образуя омонимичные формы глагол/прилагательное: кэтарā 'покоситься' и кэтарā 'кривой'; хиктырэ 'охладиться' (в воде) и хиктырэ 'холодный' (о воздухе), 'озябший' (о человеке).

Имеется ряд неразложимых словоформ с суффиксом -рā: актырā (хактырā) 'темнота', 'темный', какирā 'бедный' (ср. каки 'сердитый', 'лютый'), лоторō 'ветвистый', наурэ 'жестокий', 'жесток', тамурā 'дорогой', 'ценный', уңурэ 'середина', 'средний'.

Суффикс -кта (-кто, -ктэ)

Суффикс -кта (-кто, -ктэ) встречается в ряде прилагательных, не поддающихся морфологическому членению и, судя по значительному количеству существительных с тем же элементом, этот суффикс был в прошлом словообразовательным суффиксом существительных, возможно с уточнительно-выделительным значением.

Впоследствии он развился в суффикс, образующий прилагательные от глаголов, существительных, прилагательных и даже в отдельных случаях от наречий: эду 'здесь', эдукты 'здесьний'.

В качестве примеров неразложимых прилагательных можно привести следующие: дяпкачикта 'гордый', никта 'опрятный', нэктэ 'низкий' (о росте), силэкте 'нарядный', 'опрятный', 'чистоплотный' (силэкте бэе 'нарядный человек' (сахал. говор)), хуңакта 'коричневый'.

От прилагательных образованы следующие словоформы: аякта 'смелый' (ая 'хороший'), мэрийкте 'полосатый', 'пестрый' (мэрийке 'пестрый', 'пегий'), чүтукта 'серо-зеленый' (чуту 'синий'), багдакты 'белесый', 'бесцветный' (багдарин 'белый').

Прилагательные образуются от существительных: дэрүктэ 'усталый' (дэрү 'усталость'), гилбэктэ 'блестящий' (гилбэн 'блеск'), тыкуликта 'сердитый' (тыкулна 'злоба', 'гнев'); от глаголов: мукчэктэ 'шарообразный', 'круглый' (мукчэ 'катать шар из снега'), нодакте 'выброшенный', 'ненужный' (нода 'бросить', 'оставить', 'выбросить'), учукте 'шаловливый' (учу 'шалить'), чипикте 'узкоглазый' (чипирб 'прищуриться').

Суффикс -кта встречается иногда и в сочетании с суффиксом -ри, сливаясь с ним и образуя сложный суффикс -рикта: аркарикта 'широкоплечий' (арка 'плечо'), гургактарикта 'бородатый', 'усатый' (гургакта 'борода', 'усы'), кэрчэриктэ 'жадный' (кэрчэ 'скупой', 'жадный'), чулбарикта 'синеватый' (чулбарин 'светло-зеленый', 'голубовато-зеленый').

Таким образом, суффикс -кта можно считать развившимся из суффикса существительных, причем древность его подтверждается и тем фактом, что многие существительные с этим суффиксом, так же как и прилагательные, являются морфологически неразложимыми (напр., икте 'зуб', илмакта 'подросток', сирэктэ 'жила', босокто 'почка' и многие другие). Впоследствии словоформы с этим суффиксом стали употребляться в двух качествах — существительного и прилагательного (напр., арбакта 1. 'мелководье', 2. 'мелкий') и уже затем у этого суффикса сформировалось значение суффикса прилагательного. Интересно, что при этом в одной словоформе смогли оказаться сразу два суффикса — -кта — один омертвевший суффикс существительного, а второй — суффикс прилагательного (см. выше гургактарикта 'бородатый').

Суффикс -лкан (-лкон, -лкэн)

Суффикс -лкан образует прилагательные в подавляющем большинстве случаев от существительных и лишь изредка от прилагательных: игды, игдылкэн 'звучный', 'звонкий' (иг 'звук'). По своей семантике этот суффикс близок суффиксу -чи и передает значение принадлежности, наличия чего-либо — предмета или качества, обозначенного исходной основой. От многих основ могут быть образованы прилагательные с обоими этими суффиксами: нюриктэчи и нюриктэлкэн 'волосатый'; оллоччи и оллюлкон 'рыбный';

чукачи́ и чукалкан 'травянистый'; чуксэчи́ и чуксэлкэн 'сочный'. Подобные параллели можно найти для всех групп прилагательных с суффиксом -чи́, выделенных в настоящей работ, в том числе и для наиболее абстрагирующихся от исходной основы: дочи́ и дѳлкан 'наполненный' (до́ 'нутро', 'внутренность', 'содержимое'). С подобным же сдвигом значения в сторону большей абстрагированности образованы прилагательные: тукалалкан 'грязный' (тукала 'земля', 'пыль', 'зола'), тымбалалкан 'мутный', 'грязный' (тымбала 'глина', 'ил'), модалкан 'удивительный' (мода 'прихоть', 'странный', 'ненормальный').

Вместе с тем бѳльшая конкретность суффикса -лкан проявляется в невозможности образования им прилагательных от глаголов, числительных и других частей речи. Так, от числительного илан 'три' образуется прилагательное илачи́ 'трехлетний', а с суффиксом -лкан образовать это же прилагательное невозможно. То же значение можно передать косвенным путем: илан анѳанйлкан (анѳанйи́ 'год', т.е. буквально 'три года имеющий'). Таким образом, основным и наиболее распространенным значением суффикса -лкан остается обозначение наличия какого-либо конкретного предмета или качества: амталкан 'имеющий вкус', 'вкусный' (амта 'вкус'), морилкан 'имеющий лошадь', 'лошадный' (морин 'лошадь'), дуннэлкэн 'земельный' (дуннэ 'земля'), иманналкан 'снежный' (иманна 'снег'), нѳориктэлкэн 'волосатый' (нѳориктэ 'волос') и т.п.

Суффикс -ѳи (-ѳи)

Основным значением суффикса -ѳи (-ѳи) принято считать значение отчуждаемой принадлежности. Вместе с тем этот суффикс входит в состав ряда морфологически неразложимых прилагательных: дядаѳи (дядаѳи) 'бедный', 'бедняк', паѳи 'толковый', 'дельный', сидиѳи 'невнимательный', сулиѳи 'острый', 'остроконечный', тэрэѳи 'равный', 'наравне'.

Некоторое количество прилагательных образуется с этим суффиксом от именных основ: долборѳеѳи 'северный' (долбор 'ночной', 'север'), куѳакатканѳи 'детский' (куѳакан 'ребенок'), олдонѳи 'боковой' (олдон 'бок', 'край'), уѳту (хуѳту) и уѳтуѳи (хуѳтуѳи) 'другой', 'чужой', чаѳигидѳи 'соседний' (чаѳигидѳа 'близлежащее место'), эрѳи 'здешний' (эр 'это место').

Суффиксы -ѳа, -ѳэ, -ѳу

Суффиксы -ѳа, -ѳэ, -ѳу, возможно, могут считаться фонетическими вариантами суффикса -ѳи (-ѳи). Количество прилагательных с ними невелико. Морфологически неразложимыми являются: симѳун 'теневой', 'тенистый', 'тень', сунѳа 'очень дальний', 'очень длинный'. Суффикс -ѳа иногда заменяет суффикс -ма (дялама и дялама 'тощий', 'худой'), иногда подкрепляется суффиксом -пчу (маѳа и маѳапчу 'твердый', 'жесткий'). От прилагательных с суффиксами -ѳу, -ѳэ образованы прилагательные кичэмѳу 'береж-

ливый' (от якут. кичэй— 'стараться сберечь'); от эмму 1. 'громкий', 2. 'широкий' — эммну 'громкий' и эмнэ 'широкий'; от эгды (хэгды) 'большой', 'крупный' — эгдыңэ (хэгдыңэ) с тем же значением: Укчакив дылин хэгдыңэ 'У моего ездового оленя голова большая'.

Особняком стоят прилагательные чинэңэ 'бессильный' (от чинэ 'сила' с отрицательным значением) и эгдыңэ 'старший' (от эгды 'много', 'большое количество' с изменившимся значением).

Суффикс -ңки

Суффикс -ңки по преимуществу суффикс имен существительных, образует несколько прилагательных: булэңки 'боевой', 'военный' (булэн— 'воевать', 'враждовать'), йрэңки 'сумасшедший' (ир— 'сойти с ума'). Морфологически неразложимым является прилагательное коңки 'быстрый', 'сильный'.

Суффикс -ан (-эн)

Элемент -ан можно выделить в нескольких заимствованных эвенкийских прилагательных (байан 'богатый', тургэн 'быстрый', 'скорый', сэчэн 'удалой', 'трудолюбивый', 'серьезный') и в нескольких морфологически нечленимых прилагательных (нэман 'быстрый', 'проворный', сэвдэн 'веселый', умдэн 'вялый', 'неповоротливый'). Собственно словообразовательным суффиксом его можно считать лишь в нескольких прилагательных, образованных от глаголов: муссэ 'упрямый', 'дерзкий' (муссэ— 'противоречить'), сапан 'талантливый' (сал— 'узнать', 'изучить'), сэгдэн 'крово-красный' (сэги— 'пролить кровь'), сэмэн 'привычный' (сэмэ— 'привыкнуть').

Суффикс -кэн и его варианты

Суффикс -кэн (-көн, -кэн) является широкоупотребительным и весьма сложным по своей семантике суффиксом, образующим уменьшительные формы от существительных, прилагательных, наречий, местоимений, а также образующий прилагательные от глагольных основ.

Кроме варианта -кэн в "Словаре" Г.М. Василевич зафиксировала в качестве самостоятельных суффиксы -күкэн, -макэн и -ткэн, обладающие тем же значением уменьшения признака: аран 'едва' — аракүкэн 'медленный', адыт 'насколько' — адыткакэн 'поменьше', бэе 'мужчина' — бэеткэн 'мальчик'. Поскольку все эти суффиксы объединяются одним общим значением уменьшительности, а элементы -кү-, -м-, -т- самостоятельного значения не имеют, в синхронном плане мы можем рассматривать их как варианты одного суффикса -кэн. Что же касается самих этих дополнительных элементов, то происхождение их может быть различно. Либо они являются омертвевшими более древними суффиксами, как, например,

элемент -м-, характеризуемый Г.М. Василевич как "суффикс имен признака" (дырам 'толщина', 'толстый', урум 'короткий'), либо их можно рассматривать как протетические явления. В качестве примера можно привести словоформу бэрэмкэн 'тихий', 'спокойный' < бэрэ 'смирный'. В этом случае суффикс, образующий новую словоформу, будет -мкэн. Однако в сахалинском говоре сохранилась форма бэрэм 'смирный', где -м- вполне можно принять за омертвевший суффикс, утраченный в других диалектах. Для синхронного анализа эти различия несущественны и потому в дальнейшем эта проблема здесь не исследуется и лишь в случае близости подобного "вставного" элемента к значению уменьшительности дается ссыла на соответствующий источник.

Кроме вышеупомянутых, можно выделить несколько вариантов суффикса -кән: -вкән, -кмэкэн, -куткән, -кэкэн, -мкэн, -мукэн, -нкөн, -пкэн, -рикән, -ркэн, -тыкэн, которые встречаются редко и будут рассмотрены далее в порядке убывания примеров по их численности.

Некоторые варианты суффикса -кән образовались, по всей видимости, путем сочетания с другими суффиксами или с элементами суффиксов, потерявшими свое значение и нуждавшимися в подкреплении более продуктивными или более "сильными" суффиксами. Такое сочетание возникло с суффиксом -кун, о двойственной природе которого уже говорилось ранее. Очевидно, именно из-за этой двойственности и возникла необходимость присоединения второго суффикса, уточняющего значение первого. Так возник вариант -кукән: нэмкүн 'тонкий' - нэмкукэн 'очень тонкий', 'тончайший'; аракун - аракүкән 'тихий', 'спокойный'; кира 'маленький' - киракүкән 'очень маленький'; нит 'ровный, плоский берег' - ниткүкэн 'маленький'; нэмкун 'тонкий' - нэмкүкэн 'тончайший'; дулумкүн 'смирный' - дулумкүкэн 'тихий', 'кроткий'.

Этот же составной суффикс может быть осложнен еще элементом -т-, появляющимся между двумя частями составного суффикса. Происхождение этого -т- не совсем ясно. Предположительно можно считать, что он связан с наречным суффиксом -т, который мог в отдельных диалектах (например, зейском) образовывать и формы прилагательных. Например, дэкэ 1. 'маленький', 2. 'удобный', дэкэт 'более удобный'. С элементом -т- встречаются те же прилагательные, что и без этого элемента: нэмкүткэн 'тонкий', аракүткән 'тихий', 'спокойный', ниткүткэн 'низкий', нектэкуткэн 'низенький'. Вместе с тем существует и вариант суффикса без элемента -ку- - -ткән: дэкэткән 'очень маленький', кираткән 'очень маленький' (кира 'маленький', 'мелкий'), аяткән 'красивенький' (ая 'красивый'), паматкән 'смущенный' (памā- 'смутиться'), симүткән 'тихий', 'неразговорчивый' (симүли 'тишина', 'тихий'), дэкэткән 'маленький' (дэкэ 'маленький').

Таким образом, все вышеупомянутые суффиксы образованы переразложением суффикса -кун и -т и сочетанием их с суффиксом -кән. Другие варианты суффикса -кән встречаются еще реже, в единичных словоформах:

-р̄к̄ан, -р̄й̄к̄ан – бултэркэн 'пучеглазый' (бултэл– 'вытаращить глаза'), солкодоркөн 'шелковый' (солкодо– 'вышивать шелком'), эдэркэн 'молоденький' (эдэр 'молодой'), нюрарй̄к̄ан 'бодрый', 'проворный' (основа изолирована);

-м̄к̄ан, -мак̄ан, мук̄ан – бэрэмкэн 'смирный', уннумкэн 'дешевый', арамак̄ан 'медленный', колкумак̄ан 'свободный' (колку 'свободный' из якут. холку), урамак̄ан 'стальной', нэкэмукэн 'крепкий' (нэкэ 'огниво').

И еще несколько единичных вариантов: -нк̄он – боронкөн 'серый' (боро 'серый'); -вк̄ан – г̄аевк̄ан 'молоденький'; -тык̄эн – мэнткэн 'личный' (о вещах) (мэн 'свой'); -пк̄эн – унипкэн 'продажный' (униет– 'продать'); -кмэкэн – унэкмэкэн 'недавний' (унэ 'рано'); -кэкэн – эмуккэкэн 'одинокий' (эмукэн 'один').

В синхронном плане все эти дополнительные элементы самостоятельным значением не обладают и происхождение их требует специального исследования. Скорее всего, и эти элементы представляют собой остатки некогда обладавших своей семантикой суффиксов.

Как уже отмечалось выше, семантика суффикса -к̄ан сложная. По всей видимости, первоначально этот суффикс не был уменьшительным, а это значение развилось в нем существенно позднее. Элемент -к̄ан может быть выделен в словоформах, в которых значение его остается неясным и в которых он фактически неотделим от основы слова. В такой ситуации было бы заманчиво выявить однозначную семантическую группу слов с этим элементом и на этой основе прояснить первоначальное значение элемента -к̄ан. К сожалению, это невозможно. Элемент -к̄ан встречается в шести группах существительных, семантически между собой не связанных. Объединяет эти группы лишь один, но весьма существенный факт: все основы в этих группах не присоединяют других суффиксов, не образуют производных форм и, таким образом, являются изолированными в современном эвенкийском языке. Этот факт может свидетельствовать о большой древности этих основ, застывших по своей форме вместе с суффиксом -к̄ан, некогда словообразовательным и имевшим специфическое значение.

Характерной чертой рассматриваемых словоформ является то, что большая часть из них представляет диалектные формы, сохранившиеся лишь в одном-трех говорах эвенкийского языка. Наряду с этими реликтовыми формами существуют другие словоформы, обозначающие ту же реалию, бытующую в подавляющем большинстве диалектов и говоров. К примеру, слово харинк̄ан 'табак' зафиксировано лишь в ербогачёнском и илимпийском диалектах, в то время как слово дамга с тем же значением употребляется в одиннадцати диалектах и говорах. Предположить обратное, т.е. что в отдельных говорах возникли самостоятельные словоформы, невозможно, так как суффикс -к̄ан не является живым продуктивным словообразовательным суффиксом существительных.

Еще одно обстоятельство, говорящее в пользу древнего происхождения рассматриваемых словоформ – это высокая степень

близости большинства реалий, обозначаемых ими, к повседневной жизни и быту носителей языка. Особенно наглядно это проявляется при анализе выделенных групп.

Первую группу образуют названия растений и диких животных и в ней может быть выделено несколько подгрупп: а) растения: гувукан 'болиголов пестрый', дуңурикан 'княженика', тулакн 'ольха', харинкан 'табак', хургикн 'ель', чурбикан 'шишка лиственницы'; б) животные: агинкан 'волк', делодыкан 'тарбаган', туннукан 'заяц', ментэкан 'росомаха', торокан 'барсук', тэпурэкан 'мышь'; в) птицы: верчикан 'утка-тяглок', дэгйткан 'утка', кавекан 'куропатка', почокан 'рябчик', чичакан 'воробей', чэп-тэрэкан 'кедровка'; г) рыбы: гуткан 'щука-травянка' и ввиду малочисленности этой группы сюда же войдет кемкан 'пресноводный рак'; д) насекомые: дэлкан 'муха, откладывающая яйца в коже животных' и хумикан 'мошка-мокрец'. Характерно, что из всех насекомых обозначены две особи, очевидно, наиболее значимые в быту: первая – вредитель животноводства, вторая – причиняющая массу неудобств.

Вторая группа относительно многочисленна и состоит из слов, обозначающих в подавляющем большинстве случаев бытовые и хозяйственные реалии, предметы домашней утвари, охотничьего снаряжения и т.п. В этой группе также можно выделить несколько подгрупп определенного характера: а) предметы предельно узкого назначения: ботомикан 'котомка для носки орехов'; эгдаукн 'ремень, которым перевязывают оленю рога во время спаривания'; куркан 'биток для сбивания ягод'; дотакан 'бревно, на котором укреплен лук-самострел'; намакан 'покрышка на седло с вьюком'; октыкан 'палка, которой выгоняют медведя из берлоги во время охоты'; унрикн 'берестяной лоток для размешивания вареной рыбы'; унэкан 'верхняя часть покрышки чума'; хаңнэкан 'вид орнамента из подшейного волоса оленя'; элбикн 'утгли, на которых жарят мясо' (эту подгруппу можно было бы назвать "экзотизмами" с нашей сегодняшней точки зрения, в то время как все эти реалии являлись вполне обыденными в древнем укладе жизни кочевых охотников, от которого и остались эти названия, опять же, подчеркиваем, весьма древнего происхождения); б) словоформы, отражающие предельно детализированные реалии: гулйвкан 1. 'челюстная впадина', 2. 'глазное отверстие в черепе', нилдякан 'плешь на шкуре оленя во время линьки', нимкукан 'горелое место в лесу с молодой порослью', майлкн 'мелкая мертвая зыбь', тэмэлкн 'тишина ночью в лесу', хилэкан 'открытое место среди гор' (в названиях всех этих реалий отражается конкретность мышления, характерная для ранних этапов развития человеческого мышления); в) словоформы, обозначающие часть целого, т.е. тоже в какой-то степени детализирующие предметы и явления: гагилкан 'гребень волны', инэрэкан 'кость плюсны, запястья', индыкан 'коленная чашечка', тэпукн 'древесная почка', чалкан 'блок в оленьей упряжке', шанкан (сёнкан) 'дужка чайника'; г) предметы ближайшего окружения, как и в подгруппах (б) и (в): дэлкан

'помост на сваях', дявк̄ан 'лодка-долбленка', дяпк̄ан 'полог от комаров', ипк̄ан 'ложка-черпак', кавк̄ан 'крышка посуды', лушикан 'постромка', ниндук̄ан 'сухостой', нярмак̄ан 'верхняя одежда', тастак̄ан 'грузило', тукупк̄ан 'тесло', 'стамеска', тэк̄ан 'корневище', тэллак̄ан 'равнина', шиек̄ан 'чаша', ятак̄ан 'распадок'; д) небольшая подгруппа существительных, обозначающих реалии маленького размера: дак̄ан (кок̄ан) 'ребенок', иргинчик̄ан 'мизинец', нэгдылтк̄ан 'оленок', суюк̄ан 'бычок', укупк̄ан 'соска', чувак̄ан, чулбик̄ан 'холмик', 'сопка', чумдык̄ан 'кочка', эвйк̄ан 'игрушка'. Слов этой подгруппы, а также слов, обозначающих мелкие предметы, но вошедшие в другие группы по каким-либо иным признакам, сравнительно немного. Так что говорить об изначальном значении уменьшительности суффикса -к̄ан не представляется возможным.

Третья группа состоит из существительных, обозначающих сказочные предметы, мифологические существа, понятия, связанные с религиозными верованиями: иманилк̄ан 'сказочное жилище', идак̄ан 'шаманка', непк̄ан 'плач по умершим родителям', нимнак̄ан (ломгак̄ан) 'сказка', ницак̄ан 'людоед', мэлк̄ан 'злой лесной дух в виде огонька', ханяк̄ан 'душа человека после смерти', хиңк̄ан (сиңк̄ан) 'дух-хозяин диких животных или места охоты', хэмк̄ан 'амулет, изображающий человека', эхэк̄ан 'дух-хозяин животных'. Эта группа невелика, но понятия, составляющие ее, также, несомненно, относятся к наиболее древним и вместе с тем вполне конкретным понятиям.

Четвертая группа совсем мала. Составляющие ее существительные – единственные из всех приведенных здесь форм с суффиксом -к̄ан, которые носят абстрактный или обобщенный характер: итк̄ан 'закон', 'привычка', энярк̄ан 'мелкая вещь в хозяйстве' или 'мелкая работа' (и то и другое не конкретизировано), эск̄ан 'слава', 'честь'. Подобных слов так немного, что они не могут составить сколько-нибудь значащую самостоятельную группу и, по всей видимости, представляют собой случайное явление.

К сожалению, семантика всех приведенных слов, входящих в перечисленные группы, в целом не дает возможности показать закономерный переход элемента -к̄ан в уменьшительный суффикс. Остается предположить либо качественный скачок в значении этого суффикса, либо искать происхождение суффикса прилагательного -к̄ан в другой сфере.

Еще один возможный и в данном случае наиболее вероятный путь развития суффикса -к̄ан – это формирование его как собственно словообразовательного суффикса именных форм с последующим развитием в нем значения уменьшительности.

Так, с суффиксом -к̄ан образовались существительные от небольшого количества глаголов, причем иногда эти существительные обладали значением уменьшительности, а иногда такое значение отсутствовало: дудун- 'ворчать' – дудук̄ан 'воркотня'; игра- 'проводить черту' – играк̄ан 'черточка'; каларут 'стряпать' – каларутк̄ан 1) 'стряпуха', 2) 'маленький олень, на которого на-

включается котел'; капчу- 'прижать' - капчукан 'шипчики'; сеңа- 'починить' - сеңакан 'дырочка'; токорив- 'быть изогнутым' - токоривкан 'изгиб реки'; тыкул- 'обидеться' - тыкуливкан 'обида'; тылбэ- 'насторожить ловушку' - тылбэмукэн 'насторожка в ловушке'; хуву- 'пилить' - хувукан 'стружка'.

Об относительной самостоятельности суффикса -кан как словообразовательного суффикса свидетельствует и тот факт, что некоторые существительные при оформлении этим суффиксом не только получают значение уменьшительности, но и претерпевают изменения в своей семантике: асэг 'ельник' - асекан 'елочка'; дувэ 'вершина горы, дерева' - дувэткэн 'горка'; дэт 'тундра' - дэткэн 'болото'; кулик 'змея' - куликан 'червяк', 'пиявка'; мо 'дерево' - мокан 1.) 'жердь', 'палочка', 2.) 'маленькое сухое дерево'; мутдэ 'ствол' - мутдэкэн 'пенек'; нянта 'кедровый орех' - нянтакан 'ядрышко ореха'.

Небольшое количество прилагательных с суффиксом -кан также не включает в себе значения уменьшительности: анракан 'черный', анадякан 'безродный', бэрэмкэн 'смирный', гамакан 'скорый', дэптыкэн 'встречный', котокон 'вогнутый' (о спине оленя), наптакан 'плоский', 'гладкий', 'ровный', номокон 'тихий', 'смирный', чүксэкэн 'сочный'.

2. Словообразование прилагательных в бурятском языке

Суффикс -хан

Суффикс -хан в монгольских языках весьма близок по значению суффиксу -кан тунгусо-маньчжурских языков. Основное его значение - уменьшительно-ласкательное. Однако полного параллелизма между этими двумя суффиксами родственных групп языков не наблюдается. Не удастся выявить общих черт и в развитии этого суффикса. Во всяком случае, линия развития, от словообразовательного суффикса до формообразующего (уменьшительного), прослеженная для эвенкийского суффикса -кан, в бурятских материалах не обнаружена.

Вместе с тем ряд общих черт между эвенкийским и монгольским суффиксами имеется. В монгольском языке выделяется небольшая группа существительных с элементом -хан, который не несет в себе значения уменьшительности: бунхан 'гробница', 'часовня', дархан 'священный', 'неприкосновенный', майхан 'палатка', 'шатер', савхан 'посуда для супа', цулхан 'чашка' (из напльва на дереве) и некоторые другие. Однако эта группа не поддается семантическому анализу, который мог быть проведен с эвенкийскими существительными и потому выводов о полном типологическом соответствии в развитии этих суффиксов делать не приходится. То же самое можно сказать и об аналогичных примерах

из бурятского языка: гонхон 'колокольня', гоохон 'красавица', тосхон 'селение', улхан 1. 'наплыв на дереве', 2. 'чашка'.

Суффикс -хан в монгольских языках далеко не однозначен и обладает большим количеством оттенков значений. Иногда он может терять свое основное значение, приобретать противоположное значение усилительности, выступать в роли словообразовательного суффикса и т.п.

Далее, на примере бурятских прилагательных рассмотрим различные свойства суффикса -хан. Основным, как уже отмечалось выше, значением принято считать уменьшительно-ласкательное: арюун 'чистый' – арюухан 'чистенький'; богони 'короткий' – богонихон 'коротенький'; бэлэн 'готовый' – бэлэхэн 'готовенький'; муу 'плохой' – муухан 'плохонький'; набтар 'низкий' – набтархан 'низенький'; салдан 'голый' – салдахан 'голенький' и т.п.

Нетрудно заметить, что основным значением суффикса -хан во всех вышеприведенных примерах является не столько уменьшительность, сколько оттенок ласкательности. Этот оттенок естественным путем образуется при присоединении суффикса -хан к прилагательным, поскольку прилагательные не называют предмет, а обозначают его качество, и, следовательно, о непосредственном уменьшении величины в линейных размерах говорить не приходится. Этим же объясняется и возникающая в отдельных случаях близость суффикса -хан суффиксу -шаг, обозначающему неполноту качества: Жэгтэйхэн хүн байнаш даа 'Странноватый [ты] человек', Газарай ехэхэн хувиь хүртэбэ 'Досталась [ему] довольно большая [большая] часть земли'. Ср.: ехэшэг 'довольно большой'.

Менее понятно другое явление – потеря значения уменьшительности суффиксом -хан. В ряде случаев формы с суффиксом -хан переводятся без учета какого-либо влияния этого суффикса, так же, как и форма без него: Дамбада багахан газан хүртэбэ 'Дамбе маленький участок земли достался', Ямар жэжэхэн хүнүүд гээшэб 'Какие маленькие люди', Залуу хадаа залахан лэ байна даа 'Молодой и оттого [он] простодушный', Унээмнай өөдэгүйхэн тугал түрөө 'Корова отелилась никудышным теленком', Нюдэннинь согтойхон үхибүүн байна 'С живыми глазами ребенок'.

Суффикс -хан часто выступает и в роли словообразовательного суффикса. Причем в одной и той же словоформе возможно сосуществование двух значений: формообразующего и словообразовательного, которые выявляются в зависимости от контекста. Так, если исходная форма арюун обладает тремя значениями: 1. 'чистый', 'ясный', 'светлый', 2. 'чистый', 'честный', 'святой', 3. 'чистоплотный', то с суффиксом -хан значения этой словоформы будут следующими: арюухан 1. 'чистенький', 2. 'прозрачный' (о воде), 3. 'милый', 'пригожий'. Таким образом, только в первом значении реализуется формообразующее свойство суффикса -хан, в двух других – словообразовательное. Как правило, семантика образованного слова близка исходной словоформе или связана с ним логическим переходом: гүлмэр 'молодой', 'юный' – гүлмэрхэн 'неокрепший'; зохид 'подходящий', 'подобающий', 'приличный' – зохидхон

'приятный', 'по душе'; обор 'плохой', 'неказистый', 'невзрачный' — оборхон 'слабенький', 'хилый'; охор 'короткий', 'невысокий' — охорхон 'непродолжительный' (о времени); хорогүй 'безвредный' — хорогүйхэн 1. 'безвредный', 2. 'ничего не значащий'; хеэрхы 'вызывающий жалость' — хеэрхэн 1. 'возбуждающий жалость', 2. 'милый', 'славный', 'прелестный', 'хорошенький'.

В единичных случаях словообразовательные свойства суффикса -хан проявляются при образовании прилагательных от других частей речи: баа 'немножко', 'чуть-чуть', 'слегка' — баахан 1. 'маленький', 2. 'маловато'; гэдэ 'таять' — гэдхэн 'талый'.

По всем приведенным примерам употребления суффикса -хан видно разнообразие его функционирования даже исключительно на примере прилагательных. С другими грамматическими разрядами слов многообразие оттенков его значений возрастает еще более.

Суффикс -тай (-той, -тэй)

Суффикс -тай (-той, -тэй) является едва ли не самым продуктивным суффиксом прилагательных. Исторически его значение заключалось, по наблюдениям Т.А. Бертагаева, в выражении принадлежности чего-либо предмету или лицу.¹⁰ Тем самым суффикс -тай типологически близок эвенкийскому суффиксу -чй, также передающему значение "имеющий что-либо", "с чем-то", что позволяет предположить, что первоначально этот суффикс употреблялся исключительно с вещественными существительными. Словоформы с этими суффиксами в обоих языках, следовательно, можно было бы считать не столько прилагательными, сколько существительными с суффиксами принадлежности.

На каком-то этапе развитие суффиксов в двух разных языках шло по одному пути. Однако в дальнейшем из бурятского суффикса -тай развился словоизменятельный суффикс совместного падежа, чего не произошло с эвенкийским -чй. По ходу развития суффикса -тай как словообразовательного суффикса прилагательных первый этап полностью соответствовал развитию суффикса -чй. В дальнейшем же возникли некоторые отклонения. Оба этих этапа и будут рассмотрены далее.

В качестве примеров исходной группы существительных с суффиксом -тай можно считать вещественные существительные типа: гэргэтэй 'имеющий жену', 'женатый' от гэргэ(н) 'жена', дэгэлтэй 'имеющий шубу' от дэгэл 'шуба', лабшаатай 'с лапшой' от лабша 'лапша', модотой 'покрытый лесом' от модон 'дерево', 'лес', ногоотой 'покрытый зеленью', 'богатый травой' от ногоо(н) 'зелень', 'трава'.

¹⁰

Бертагаев Т.А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков) // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961. С. 98.

Здесь следует сделать небольшое отступление по поводу одного из примеров, включенных в эту группу. Говоря об исходности и первоначальности данных примеров, мы имеем в виду в основном определенный тип, способ образования, а не первоначальность образования по времени. Ведь этот первоначальный тип образования с дальнейшим развитием значений суффикса не всегда исчезает, а может продолжать свое функционирование в языке наряду с другими значениями, что и определяет возможность возникновения таких словоформ от явно поздних заимствований — лабшаатай 'с лапшой'.

По своему характеру все приведенные выше примеры представляют собой существительные с узкоконкретным значением, но сама идея передачи значения принадлежности "с чем-то", "наличие чего-либо" дает возможность суффиксу -тай образовывать прилагательные уже более обобщенного типа, такие, как: атираатай 'морщинистый' от атираа 'морщина', бороотой 'дождливый' от бороо 'дождь', будантай 'туманный' от будан(г) 'мгла', 'легкий туман', далбагатай 'парусный' от далбага 'парус', дүлэтэй 'пылающий' от дүлэ(н) 'пламя', задатай 'ненастный' от зада 'ненастье', 'непогода', шиигтэй 'сырой', 'влажный' от шииг 'сырость', 'влага'.

Следующей ступенью в развитии более абстрагированного грамматического значения суффикса прилагательного -тай являются прилагательные, образованные от отвлеченных существительных: азатай 'счастливый', 'удачливый' от аза 'счастье', 'удача', алдартай 'славный', 'знаменитый' от алдар 'известность', 'слава', буйнтай 'добродетельный' от буй(н) 'добродетель', 'заслуга', гарзатай 'убыточный' от гарза 'ущерб', 'потеря', дүйтэй 'опытный' от дүй 'опыт', 'навык', 'сноровка', маряатай 'толстый' от марьян 'полнота', найдабаритай 'надежный' от найдабари 'надежда', нойртой 'сонливый' от нойр 'сон', ольһотой 'теплый' от ольһон 'теплота', сортоотой 'дерзкий', 'заносчивый' от сортоо 'дерзость', 'заносчивость', шогтой 'шутливый' от шог 'шутка'.

Подобных примеров можно было бы привести сотни. Именно такого рода прилагательные и составляют основную массу прилагательных, образованных при помощи суффикса -тай.

Если во всех предыдущих примерах, несмотря на усиление обобщенно-грамматического значения, в суффиксе -тай сохранилось конкретное значение (наличие чего-либо, обладание чем-либо), то далее можно проследить переход суффикса -тай в исключительно грамматический показатель прилагательного. Однако и при этом в языке фиксируется ряд переходных форм, в которых значение суффикса как бы раздваивается. Одна и та же словоформа приобретает два значения, причем в одном из них суффикс -тай сохраняет свою конкретную семантику ("наличие чего-либо"), а во втором приобретает абстрактно-грамматический характер. При этом во втором случае в словоформе иногда возникает переносное значение или же какие-либо другие семантические изменения. Подобное раздвоение наблюдается в следующих словоформах: азаргатай

'имеющий жеребца' и 'верхом на жеребце' от азарга 'жеребец', аматай 'имеющий рот' и 'говорливый', 'болтливый' от ама 'рот', арьбантай 'жирный' и 'бережливый' от арьбан 'жир', аягатай 'имеющий чашку' и 'имеющийся в чашке' от аяга 'чашка', бэ-шэгтэй 'имеющий письмо' и 'грамотный' от бэшэг 'письмо', гааһатай 'имеющий трубку' и 'находящийся в трубке' от гааһа(н) 'трубка', дабаатай 'имеющий перевал', 'гористый' и 'трудный' от дабаа(н) 'горный перевал', дабһатай 'имеющий соль' и 'соле-ный' от дабһа(н) 'соль', намаатай 'покрытый листьями' и 'вет-вистый' от намаа 'листья', 'листва', намагатай 'болотистый' и 'топкий' от намаг 'болото', номотой 'с луком' и 'лучковый' (пила) от номо 'лук' (оружие), һүбэтэй 'в дырочках' и 'находчи-вый', 'шутливый' от һүбэ 'ушко', 'дырочка', шалтагатай 'имеющий причину' и 'болеющий душой' от шалтаг 'повод', 'предлог', шар-гатай 'находящийся в сани' и 'запряженный в сани' от шарга 'сани', шэлтэй 'имсющий стекло' и 'заключенный в стекле' от шэд 'стекло'.

Вообще можно сказать, что развивающееся грамматическое значение суффикса -тай определенным образом влияет на семан-тику основы. Иными словами, при переходе существительного в разряд прилагательных наблюдаются семантические изменения: во-первых, становится возможным возникновение переносного зна-чения; во-вторых, и чаще всего, слово приобретает какой-либо но-вый оттенок значения (семантический сдвиг); в-третьих, наблю-дается сужение значения, когда из нескольких значений реализу-ется только одно или два.

Переносное значение может возникнуть и в тех случаях, когда раздвоение значений отсутствует: мүртэй 'подходящий', 'путный', 'толковый' от мүр 'путь', 'след', 'борозда', хорхойтой 'жадный' от хорхой 'червяк', эльгэтэй 'неравнодушный' от эльгэ(н) 'пе-чень'.

Семантический сдвиг наблюдается при образовании следующих прилагательных: амитай 'живой' от ами(н) 'дыхание', бараатай 'солидный' от бараа(н) 'облик', 'наружный вид', бахатай 'при-влекательный', 'симпатичный' от баха 'желание', 'страсть', болзортой 'назначенный' от болзор 'срок', гэнэтэй 'опрометчи-вый', 'опасный' от гэнэ 'неожиданность', 'случайность', 'оплош-ность', ёротой 'вредный' от ёро 'дурное предзнаменование', 'несчастье', 'беда', заятай 'счастливый' от заяа(н) 'судьба', зүрхэтэй 'решительный', 'смелый' от зүрхэн 'сердце', мэхэтэй 'хитрый' от мэхэ 'обман', 'надувательство', наһатай 'пожилой' от наһа(н) 'возраст', ниисэтэй 'общительный' от ниисэ 'согласие', 'единогласие', хурһатай 'энергичный', 'ловкий' от хурһа(н) 'за-дор', һалаатай 'ветвистый', 'разветвленный' от һалаа 'развили-на', 'разветвление'.

Во всех приведенных примерах семантика производных прилага-тельных близка к исходным существительным, но тем не менее имеет вполне определенные отличия. Семантика основ обогащается

новыми оттенками, что не наблюдается в тех случаях, когда суффикс -тай является просто суффиксом принадлежности.

Сужение значения происходит при образовании следующих прилагательных: абьяастай 'усердный' от абьяас 'склонность', 'призвание', 'талант'; 'темперамент'; 'пристрастие', 'усердие', аргатай 'ловкий' от арга 'средство', 'способ'; 'ловкость', 'уловка'; 'выход из положения', аягтай 'удалой', 'разбитной' от аяг 'поведение', 'нрав', 'характер'; 'вид'; 'удаль', дуутай 'звучный', 'шумный' от дуу(н) 'звук'; 'голос'; 'песня', нюртатай 'высокий' от нюрга(н) 'спина'; 'рост'; 'хребет', самсаалтай 'граненый' от самсаал 'просека'; 'грань'; 'острый'.

Частным проявлением сужения значения можно считать все случаи образования прилагательных с суффиксом -тай от числительных, поскольку при этом в прилагательном всегда возникает значение только возраста: арбаадтай 'около десяти лет' (о возрасте) от арбаад 'около десяти', гурбатай 'трехлетний' от гурбан 'три', гушатай 'тридцатилетний' от гуша(н) 'тридцать', гушаадтай 'под тридцать' (о возрасте) от гушаад 'около тридцати', долоотой 'семилетний' от долоон 'семь', зургаатай 'шестилетний' от зургаа(н) 'шесть', хоёртой 'двухгодовалый' от хоёр 'два' и т.п.

Способность суффикса -тай образовывать прилагательные не только от существительных, но и от других грамматических разрядов слов (числительных, как это было показано выше, а также от прилагательных, наречий и некоторых глагольных форм), свидетельствует об окончательном закреплении этого форманта в качестве суффикса имени прилагательного. Примерами образования прилагательных от наречий и причастий могут служить следующие словоформы с суффиксом -тай: агтай 'сильный', 'острый', 'крепкий' от аг 'сильно', 'крепко', барагтай 'сносный', 'подходящий' от бараг 'посредственно', 'сносно', лабтай 'точный' от лаб 'точно', 'верно', болохотой 'приемлемый', 'подходящий' от болохо 'становиться', 'делаться'.

Присоединение суффикса -тай к прилагательным приводит в большинстве случаев к образованию синонимичных форм с одинаковым значением: залхаг и залхагтай 'слизистый', 'липкий'; зүб и зүбтэй 'правильный', 'верный'; муу и муутай 'плохой', 'дурной'; холшор и холшортой 'разбитной', 'праздный'. В этих словоформах суффикс -тай как бы "подкрепляет" первоначальное значение прилагательности.

Однако в других, более редких, случаях присоединение суффикса -тай может вести к семантическому сдвигу или к ослаблению значения, выраженного исходным прилагательным; адартай 'неудобный', 'излишний' от адар 'грузный', 'неуклюжий', алматай 'непутевый', 'бестолковый' от алмай 'беспечный', 'невнимательный', залхуутай 'тягостный', 'нудный', 'надоедливый' от залхуу 'ленивый', 'нерадивый', бэрхэтэй 'затруднительный' от бэрхэ 'трудный', 'тяжелый', һогтуутай 'хмельной', 'нетрезвый' от һогтуу 'пьяный'.

Весь прослеженный здесь путь развития суффикса -тай- типологически сходен с развитием эвенкийского -чй. Различие же состоит в том, что в дальнейшем суффикс -тай вошел в качестве компонента в сложные суффиксы -лтай и -аатай, которые мы и рассмотрим далее.

С суффиксом -лтай образуется ряд специфических отглагольных прилагательных, которые можно было бы назвать модальными прилагательными, поскольку они включают в свою семантику помимо значения, выраженного основой исходного глагола, еще такие оттенки, как возможность, долженствование, необходимость и т.п.: абалтай 'то, что нужно (необходимо) взять, купить' от абаха 'брать', алалтай 'такой, которого следует убить' от алаха 'убивать', асуултай 'то, о чем можно (следует) спросить' от асууха 'спрашивать', барилтай 'такой, что можно брать (держать, задерживать)' от бариха 'хватать', 'держать', бололтой 'подходящий' от болохо 'становиться', 'делаться', 'подходить', табилтай 'такой, что можно ставить, класть' от табиха 'ставить', 'класть'.

Суффикс -лтай состоит из суффиксов -л- и -тай: -тай выполняет функцию словообразовательного суффикса прилагательного, а -л-, по всей видимости, является тем же продуктивным суффиксом, который образует от глаголов существительные, обозначающие состояние (процесс) действия (сэсэглэл 'цветение' от сэсэглэхэ 'цвести'); результат действия (болбосорол 'просвещение', 'образование', 'культура' от болбосорхо 'совершенствоваться', 'развиваться'); состояние, признак, свойство и качество, отвлеченные от предмета (жаргал 'счастье', 'радость' от жаргаха 'наслаждаться счастьем').¹¹ В приведенных выше прилагательных суффикс -л- является своего рода субстантиватором, переводящим глагольную форму в именную и тем самым определяющим возможность образования от нее прилагательного, что и реализуется при помощи суффикса -тай.

Несколько сложнее обстоит дело с анализом следующих словоформ с суффиксом -аатай: адхаатай 'рассыпанный', 'разлитый' от адхаха 'лить', 'выливать', 'сыпать', 'высыпать', аняатай 'закрытый', 'закмуренный' (о глазах) от аниха 'закмуривать', 'закрывать' (глаза), аргамжаатай 'привязанный', 'связанный' от аргамжалха 'привязывать', 'связывать', бүглөөтэй 'заткнутый' от бүглэхэ 'затыкать', бэлдээтэй 'приготовленный' от бэлдэхэ 'готовить', бэшээтэй 'написанный', 'записанный' от бэшэхэ 'писать', гагнаатай 'спянный' от гагнаха 'паять', дэлгээтэй 'развернутый', 'разостланный' от дэлгээхэ 'расстилать', зураатай 'нарисованный' от зурах 'рисовать' (ср. зурагтай 'иллюстрированный', 'с рисунками' от зураг 'рисунок'), зэһээтэй 'готовый' от зэһэхэ 'готовить', малтаатай 'выкопанный' от малтаха 'копать', манаатай 'сторожевой' от манаха 'стеречь', мансылаатай 'спеленутый' от

¹¹ Д о н д у к о в У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964. С. 33.

мансылха 'пеленать', хубаагдаатай 'разделенный' от хубааха 'делить', 'распределять', шэрдээтэй 'крашенный', 'окрашенный' от шэрдэхэ 'красить', 'окрашивать' (ср. шэрэтэй 'окрашенный' от шэрэ 'краска').

В "Грамматике бурятского языка" подобные формы определены как страдательные причастия, преимущественно употребляемые в качестве определения и сказуемого.¹² При этом происхождение суффикса -аатай трактуется там следующим образом: -тай рассматривается как суффикс совместного падежа, присоединяемый к основанию несовершенного причастия переходного глагола -бээшэ + + тэй = бээшэтэй 'написанный'.¹³

Но возможна и другая трактовка этого сложного суффикса: суффикс -аа- можно рассматривать как суффикс существительного, обозначающий предмет, который является результатом действия: гагнаа 'спайка' от гагнаха 'паять', 'спаивать'; орудие действия: бүглөө 'пробка', 'затычка' от бүглэхэ 'затыкать' и т.п.¹⁴ Суффикс -тай в этом случае оказывается суффиксом прилагательного, образующего его от существительного, так же как и в случае с суффиксом -лтай. Таким образом, выявляется возможность двойного происхождения суффикса -аатай. Вероятнее всего, что в разных случаях суффикс -аатай в приведенных примерах образовывался по-разному. Однако результат в обоих случаях получается одним и тем же по следующей причине. Как известно, причастия довольно легко адъективируются именно благодаря своему свойству выступать в роли определения, теряя при этом свои глагольные признаки. В качестве примеров адъективации можно привести следующие предложения, в которых интересующие нас словоформы с суффиксом -аатай определенно являются прилагательными: Адхаатай сайгаа аршыш! 'Пролитый чай вытри!', Бэлдээтэй унтаридаа ошожо хэбтэнэ 'На приготовленную постель прилег', Саархан дээрэ бэшээтэй үгэнүүдые унша 'На бумаге написанные слова прочти', Манайда гагнаатай тогоо бии 'У нас запаянный котел есть', Урдань дэлгээтэй ном хэбтэнэ 'Перед ним развернутая книга лежит', Малтаатай газараар бү ябагты 'По вспаханной земле не ходите', Стол дээрэн гансал мүлкөөтэй яһад хэбтэнэ 'На столе только обглоданные кости лежат', Яагаа ута шалаатай харгы 'Какая долгая утомительная дорога'. Каким бы ни было происхождение суффикса -аатай в приведенных примерах, словоформы с ним являются прилагательными.

Подводя итог всему изложенному по поводу семантики суффикса -тай, следует еще раз подчеркнуть, что развитие этого суффикса шло двумя путями: от суффикса принадлежности к словоизмени-

¹² Г р а м м а т и к а бурятского языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. Г.Д. Санжеев, М., 1962. С. 278.

¹³ Там же. С. 233.

¹⁴ Д о н д у к о в У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. С. 29.

тельному суффиксу совместного падежа и к словообразовательному суффиксу прилагательных.

Попутно также следует отметить, что монгольский суффикс -тай приобрел еще один оттенок значения, средний между значением суффикса совместного падежа и суффикса прилагательных, будучи заимствованным эвенкийским языком. Там он стал функционировать в качестве суффикса совместности, обозначая "пассивное участие в действии предмета или лица, выраженного в основе: сукэтэй суручэн 'он ушел с топором', хутэтэйл, оротоил нулгйден-кйтын 'они кочевали с детьми и с оленями'".¹⁵

Суффикс -та (-то, -тэ)

Суффикс -та весьма близок по значению к суффиксу -тай. По сфере своего употребления -та и -тай также однотипны: они образуют прилагательные от отвлеченных существительных — ашата(й) 'благодетельный' (аша 'милость', 'благодетель'), бэлигтэ(й) 'разумный', 'умный' (бэлиг 'ум', 'разум'), зэмэтэй 'провинившийся' (зэмэ 'вина', 'проступок', 'преступление'). От вещественных существительных также возможно образование двух равноправных форм: далита(й) 'крылатый' (дали 'крыло'); дахата(й) 'имеющий доху' (даха 'доха'), жэмэстэ(й) 'фруктовый' (жэмэс 'фрукты'). Равным образом наблюдается и "раздвоение" значений на конкретное и более обобщенное: дабната(й) 'соленый' и 'имеющий соль', 'с солью', эмээлтэ(й) 'оседланный' и 'имеющий седло'.

Тем не менее некоторые различия между формами на -та и -тай выявить можно. В "Бурятско-русском словаре" зафиксированы такие различия в одном или более значениях прилагательных, образованных от одной основы: бэтэ 'имеющий форму', 'вид'; 'органический'; 'материальный' и бэтэй 'имеющий тело' ('телосложение', 'организм', 'здоровье', 'рост'); 'высокий', 'рослый' от бэе 'тело'; 'организм'; 'здоровье'; 'рост'; гэрэлтэ 'лучезарный' (о солнце) и гэрэлотэй 'светлый', 'освященный' от гэрэл 'луч', 'свет'; далбагата 'парусный', 'парусник' и далбагатай 'на парусах', 'парусный' от далбага 'парус'; дүдэтэ 'пламенный' и дүдэтэй 'пылающий' от дүлэн 'пламя'; мүнгэтэ 'платный' и мүнгэтэй 'имеющий деньги'; хүндэтэ 'почетный' и хүндэтэй 'почтенный', 'уважаемый' от хүндэ 'честь', 'достоинство'.

В некоторых случаях в прилагательных с суффиксом -та можно обнаружить склонность к субстантивации: арбата 'десятка' (в карточной колоде) от арбан 'десять', эрдэмтэ 'ученый' от эрдэм 'наука', 'образование' (ср. эрдэмтэй 'образованный'). Субстантивируются прилагательные с суффиксом -та, употребляющиеся в качестве имен собственных и топонимов: Зоригто (имя собственное) от зориг 'воля', Могойто 'Змеиное' (название многих сел, местностей) от могой 'змея'; табуистические названия животных: араата 'лиса', 'волк' от араа 'клыки'.

Спецификой же суффикса -тай можно считать проявляющийся в некоторых словоформах модальный оттенок: еһото 'настоящий', 'истинный' и еһотой 'настоящий'; 'должный', 'обязанный' от еһо 'правило', 'обычай'; жэшээтэ 'примерный' и жэшээтэй 'примерный'; 'следуемый', 'нужный' от жэшээ 'пример'.

Все эти различия настолько незначительны и немногочисленны, что суффиксы -та и -тай можно считать синонимичными или даже фонетическими вариантами одного и того же суффикса.

Суффикс -ма (-мо, -мэ)

Суффикс -ма (-мо, -мэ) образует прилагательные исключительно от глагольных форм: гарама 'выходящий' (гараха 'выходить'), гэрэлтэмэ 'светлый', 'сверкающий' (гэрэлтэхэ 'светиться'), жэнгинэмэ 'звонящий' (жэнгинэхэ 'звенеть', 'греметь'), орьёлмо 'бурлящий' (орьёлхо 'бурлить'), сахилзама 'блестящий' (сахилзаха 'блестеть'), солдормо 'славный', 'прославленный' (солдорхо 'славиться').

Прилагательные могут быть образованы и от вторичных глагольных основ: дууряалсама 'достойный подражания' (дууряасаха 'совместный залог от дууряаха 'подражать', 'копировать'), дүргэмэ 'палящий' (дүргэхэ - допустительный залог от дүрэхэ 'зажигать', 'сжигать').

В ряде случаев при образовании прилагательного с суффиксом -ма наблюдаются изменения в семантике основы: бахатама 'желательный', 'привлекательный' (бахатаха 'сильно желать'), буляама 'пленительный', 'обаятельный', 'привлекательный' (буляаха 'привлекать на свою сторону'), доһолгомо 'потрясающий', 'волнующий' (доһолхо 'потрясать', 'сотрясать'), дуурама 'дремлющий'; перен. 'привольный' (дуураха 'засыпать', 'дремать'), нэрьемэ 'бурный' (нэрьехэ 'греметь', 'грохотать'), хотолзомо 'гнушийся', 'плавный', 'колышющийся' (хотолзохо 'мерно, ритмично изгибаться').

Прилагательные с суффиксом -ма часто оказываются полностью синонимичными (или близкими по смыслу) с рядом прилагательных или адъективированных причастий, образованных при помощи суффиксов -аатай, -гар, -нбир, -уу, -маар, -һан: буляалдама и буляалдаатай 'спорный', һанжама и һанжагар 'висящий', һарайма и һарагар 'растопыренный', бүтэмэ 'глухой', 'темный' и бүтүү 'закрытый', һанжама 'висящий', 'отвислый' и һанжуу 'повислый', боломо и боломоор 'возможный', гайхама и гайхамаар 'удивительный', 'чудный', баарама и баарһан 'бедный', 'жалкий', солдормо и солдорһон 'прославленный', 'прославившийся'.

Суффикс -мал (-мол, -мэл)

Суффикс -мал близок по всем своим свойствам суффиксу -ма. Он также образует прилагательные только от глагольных основ, как первичных, так и производных: барламал 'печатный' (барлаха

'печатать'), бэшэмэл 'написанный', 'письменный' (бэшэхэ 'писать'), дарама 'давящий', 'подавляющий' (дараха 'давить', 'жать'), нэхэмэл 'тканый' (нэхэхэ 'ткать'), оёмол 'шитый' (оёхо 'шить'), сардамал 'накрахмаленный' (сардаха 'крахмалить'), холимол 'смешанный' (холихо 'смешивать'), хурсадамал 'наточенный', 'заостренный' (хурсадаха 'заострять', 'точить'), шалгагдамал 'проверенный' (шалгагдаха 'проверяться', 'подвергаться испытанию'). Семантический сдвиг при образовании прилагательных с суффиксом -мал может выражаться в сужении значения, когда из нескольких значений исходной формы реализуется только одно, или же в возникновении переносного значения: галдамал 1. 'подгорелый', 2. 'обожженный' (о кирпиче) от галдаха 'жечь', 'сжигать', дэлгэмэл 'широкий' от дэлгэхэ 'расстилать', 'развертывать', 'расправлять', 'раскладывать', залгамал 1. 'продолженный', 2. 'надставленный', 3. 'соединенный' от залгаха 'присоединять', 'связывать', 'сращивать', 'сцеплять', 'надставлять'.

Различия между суффиксами -мал и -ма наблюдаются в сфере образования синонимичных прилагательных. Оба суффикса могут образовывать синонимичные прилагательные только с суффиксами -гар, но суффикс -мал может быть еще синонимичен суффиксам -нхай, -тай, -лоо. Примерами синонимичных форм служат следующие: гашаланхай 'прокисший' и гашалгамал 'кислый', гүрлөө и гүрэмэл 'плетеный'; зоолготой 'вкопанный' и зоомол 'зарытый', 'врытый', нээлгэтэй и нээгдэмэл 'открытый', мүлигэр 'гладкий' и мүлимэл 'полированный'.

Суффикс -рхуу (-рхүү, -лхуу, -лхүү)

Кроме приведенных в подзаголовке фонетических вариантов суффикса -рхуу, обусловленных законами сингармонизма, и варианта с переходом -р- в -л-, в некоторых случаях между основой и суффиксом появляется эпентетический гармонизирующий гласный: аажам 'тихий', 'спокойный' – аажамархуу 'медленный', 'спокойный', намаг 'болото' – намагархуу 'болотистый', хүд 'нога' – хүдэрхүү 'имеющий длинные ноги'.

Основным и наиболее частым значением суффикса -рхуу является обозначение наличия чего-либо – предмета или, реже, качества – и этим он близок суффиксу -тай, часто образуя синонимичные формы: байсархуу 'скалистый', 'гористый' от байса 'утес', 'скала' (ср. байсатай 'скалистый'), бороорхуу 'дождливый' от бороо 'дождь' (ср. бороотой 'дождливый'), олзорхуу 'удачливый' от олзо 'прибыть', 'доход', 'выгода', ойрхуу 'сообразительный', 'находчивый' от ой 'ум', 'разум'. Одним из оттенков этого же значения можно считать наличие чего-либо в избытке: мойһорхуу 'изобилующий черемухой' от мойһон 'черемуха', хэрмэрхүү 'изобилующий белками' от хэрмэ(н) 'белка'. Отсюда же усилительное значение, проявляющееся при образовании прилагательных от отвлеченных существительных: ёһорхуу 'высокомерный', 'важный'; 'слишком церемонный' от ёһон 'правило', 'приличие', 'обычай',

'пристойность'. Вместе с тем этот же суффикс обладает и диаметрально противоположным значением ослабления качества, которое встречается существенно чаще: адлирхуу 'довольно похожий' (адли 'подобный', 'похожий'), жэбэрхүү 'слегка заржавевший' и 'легко ржавеющий' (жэбэ 'ржавчина'), залуурхуу 'моложавый' (залуу 'молодой'), нюргархуу 'довольно рослый' (нюрга(н) 'рост'), хүсэрхүү 'довольно сильный'. (хүсэ(н) 'сила').

Еще одним распространенным свойством суффикса является передача разнообразных эмоциональных реакций и отношений ('гордящийся', 'хвастающийся', 'любящий что-либо или кого-либо' и т.п.): дабһархуу 'любящий соль' (даба 'соль'), дайрхуу 'угрожающий войной' (дай(н) 'враг', 'неприятель'), енгүүрхүү 'склонный к ехидству' (енгүү(н) 'ехидство'), зөөрилхүү 'хвастающийся своим имуществом' (зөөри 'имущество', 'достояние'), модорхуу 'лестистый' и 'любящий лес' (модо(н) 'дерево', 'лес'), нүхэрхүү 'любящий общество товарищей' (нүхэр 'товарищ', 'друг'), саһархуу 'недомогающий' (мерэнущий при непогоде) и 'любящий снег' (о животных), хүбүүрхүү 'довольный тем, что имеет сына' (хүбүү(н) 'сын').

Значение уподобления чему-либо проявляется в следующих примерах: бутархуу 'кочкообразный' (ср. буутай 'кочковатый' от бута 'кочка'), миниихирхүү 'похоже, что мой'; 'как будто бы мой' (мини 'мой'), морирхуу 'похожий на лошадь', 'вроде лошади' (мори(н) 'лошадь'), шонорхуу 'изобилующий волками и подобный волку'. Значение уподобления, очевидно, тесно связано со значением ослабления качества, о котором говорилось выше.

Семантические изменения, происходящие при образовании прилагательных с этими суффиксами, носят характер либо частичного сдвига значения, либо заключаются в возникновении переносного значения на основе семантики исходной формы. Примером первого рода являются следующие: зэмэрхүү 'укоризненный' (зэмэ 'вина', 'проступок'; 'замечание', 'выговор'), наһархуу 'пожилой' (наһан 'возраст', 'годы', 'лета'), һанаархуу 'догадливый' (һанаан 'мысль', 'дума', 'намерение'). Переносное значение выявляется в следующих случаях: амархуу 'речистый', 'говорливый' и 'хвастун', 'пустозвон' (ама(н) 'рот', перен. 'слово', 'язык', 'речь'), гоёрхуу 'шеголеватый', перен. 'кичливый' (гоё 'нарядный', 'красивый'), ноёрхуу 'высокомерный' (ноён 'чиновник', 'начальник'), нэрэлхуу 'честолюбивый', 'тщеславный' (нэрэ 'имя', 'звание', 'честь'), өөдэрхүү 'заносчивый' (от наречия өөдэ 'вверх', 'кверху', перен. 'возвеличивать'), шандаа архуу 'жилистый', перен. 'выносливый' (шандааһа(н) 'сухожилия').

Существует также ряд прилагательных, образованных с тем же суффиксом, в которых никаких дополнительных оттенков не возникает. В этих случаях суффикс -рхуу, если так можно выразиться, является чисто грамматическим суффиксом либо "переводящим" словоформу из одной грамматической категории в другую (например, существительное в прилагательное), либо подкрепляющим ее принадлежность к категории прилагательных: аажам и аажамархуу

'тихий', 'медленный' и 'тишина', алаярхуу 'шаловливый', 'озорной' (алая 'резвый', 'шаловливый', 'игривый' и 'шалун'), омог и омогорхуу 'гордый', 'высокомерный' (омог 'гордость').

Выше уже упоминалось о близости значения суффикса -рхуу суффиксу -тай. Синонимичные прилагательные с этим и другими суффиксами образуются далеко не всегда. Чаще всего возникают некоторые различия. Так, от существительного енгүү(н) 'ехидство' образуется прилагательное енгүүрхүү 'склонный к ехидству' (с оттенком эмоционального отношения) и прилагательное енгүүтэй 'ехидный' (со значением 'обладающий чем-то'). Но встречаются и случаи более полной синонимии: нараархуу и наратай 'солнечный'. Наиболее интересны случаи, когда суффикс -рхуу передает значение, достигаемое в синонимичном прилагательном сочетании двух суффиксов — чаще всего словообразовательным и формообразовательным: зүрхэрхүү и зүрхэтэйшэг 'довольно решительный' (ЗҮрхэ(н) 'отвага', 'решительность', 'смелость'), хүсэрхүү и хүсэтэйхэн 'довольно сильный', олзуурханги и олзуурхуу 'падкий на деньги' (олзо 'прибыль', 'доход').

Синонимичные формы образуются и с суффиксами -лиг, -рхаг, -мгай: бөөнэлиг и бөөнэрхүү 'вшивый' (бөөнэн 'вошь'), шонолиг и шонорхуу 'похсжий на волка' (шоно 'волк'), бээрхэг и бээрхүү 'здоровый', 'плотный' (бэе 'тело', 'здоровье'), омогорхог и омогорхуу 'гордый', 'высокомерный' (омог 'гордость'), һанамгай и һанаархуу 'догадливый' (һанаа(н) 'мысль'). Встречаются даже случаи образования трех синонимичных прилагательных с разными суффиксами: шулуурхаг, шулуурхуу и шулуутай 'каменистый'. В целом же следует отметить, что полная синонимия прилагательных с различными суффиксами — явление редкое. Чаще всего различные суффиксы вносят дополнительные оттенки в значение прилагательного.

Суффикс -гар (-гор, -гэр)

В грамматической литературе по бурятскому языку за прилагательными с суффиксом -гар закрепилось удачное название "образные прилагательные". Это название отражает, по крайней мере, две существенные стороны этих прилагательных. Во-первых, большинство прилагательных с суффиксом -гар характеризует внешний вид предметов, животных и человека "с поразительной красочностью и чрезвычайной точностью",¹⁶ причем часто эта характеристика включает в себя не один, как это обычно бывает с прилагательными, а одновременно два параметра, например длину и ширину (галбагар 'очень широкий и длинный'). Во-вторых, это название отражает связь прилагательных с образными словами, от ко-

¹⁶ Черемисов К.М. Заметки по бурят-монгольскому языку. II. О некоторых суффиксах бурят-монгольского языка // Зап. Гос. ин-та языка, лит. и истории. Улан-Удэ, 1941. № III-IV. С. 86.

торых очень часто суффикс -гар их и образует: аамагар 'открытый', 'разинутый' (о беззубом рте) от аама-аама 'усиленно открывать и закрывать беззубый рот', бабагар 'лохматый' от баба-баба 'о движении чего-либо лохматого', елэгэр 'блестящий', 'гладкий', 'лоснящийся' от елэ-елэ 'про отражение, отблеск чего-либо лоснящегося и движущегося', ёлогор 'неприязненный', 'холодный' (взгляд) от ёлог-ёлог 'мигание глаз' (о сердитом взгляде), ирзагар 'оскаленный' (о зубах) от ирзаг-ирзаг гэхэ 'скалить зубы', онигор 'узкий' от ониг-ониг 'о мигании узких глаз', орбогор 'взьерошенный', 'лохматый' от орбого-торбого 'о движении чего-либо лохматого'.

Большое количество прилагательных образовано от изолированных основ, не встречающихся без суффикса -гар, а также не оформляющимися какими-либо другими суффиксами: андагар 'крупный', 'рослый', 'грузный', бажагар 'здоровый', 'крепкий', гурагар 'стройный', дабхагар 'толстый', 'неуклюжий', дарнагар 'громоздкий', жабжагар 'с сильно развитыми челюстями' (о человеке), зазагар 'крепкий', 'дожий', залбагар 'широко открытый' (об отверстии), мордогор 'большой', 'крупный', шиибэгэр 'узкоглазый' и многие другие.

Все эти прилагательные можно считать наиболее древними образованиями. Причем изолированные основы, от которых образованы прилагательные, по характеру своему (как по фонетическому облику, так и по семантике) близки к изобразительным словам, каковыми они и являлись, но, очевидно, не сохранились в языке в своей исходной форме. Так же близки к изобразительным словам и прилагательные, соотносящиеся с глаголами. Следует подчеркнуть, что не прилагательные образовались от глаголов, а глаголы и прилагательные образовывались непосредственно от основ образных слов независимо друг от друга. Не случаен поэтому и тот факт, что большинство глаголов, соотносящихся с прилагательными, обозначает состояние, что безусловно ближе к семантике образных слов, отражающих вид, внешний облик чего-либо. В качестве примеров такого рода можно привести следующие: амшагар 'беззубый' (рот) и амшыха 'иметь беззубый рот'; барсагар 'шероховатый' и барсайха 'быть шероховатым'; билсагар 'приплюснутый' и билсайха 'быть сплюснутым'; гардагар 'жилистый' и гардайха 'быть жилистым'; затагар 'грязный', 'засаленный' и затайха 'быть грязным', 'засаленным'; иибэгэр 'очень слабый', 'еле живой' и иибыхэ 'еле держаться на ногах'.

Двое меньше прилагательных, соотносящихся с глаголами, обозначающими действие или процесс: астагар 'раскоряченный' и астайха 'ходить, широко раздвинув ноги'; багжагар 'плотный', 'здоровый' и багжыха 'становиться плотным, здоровым'; балхагар 'пухлый' и балхайха 'опухать'; дамбагар 'толстый' и дамбайха 'толстеть'; матагар 'гибкий' и матаха 'гнуть'; сомсогор 'съежившийся' и сомсойхо 'съеживаться'.

В редких случаях глаголы, соотносящиеся с прилагательными, могут обозначать и действие, и состояние: зарбагар 'большео-

тый' и зарбайха 1. 'быть большеротым', 2. 'кривить рот'; пад-хагар 'вязкий', 'густой' и падхайха 1. 'быть вязким', 2. 'густеть'; сандагар 'полный' (о животе) и сандайха 1. 'полнеть', 2. 'быть пузатым'.

Семантическое несоответствие прилагательных и глаголов, образованных от одних основ, встречается в редких случаях: бад-хагар 'пухлый', 'тучный' (о человеке) и бадхаха 'клубиться' (о дыме); борбогор 'невзрачный', 'жиденький', 'реденький' и борбойхо 'торчать во все стороны', 'быть всклокоченным'.

Выше уже упоминалось о способности прилагательных с суффиксом -гар обозначать одновременно два признака. Таких прилагательных довольно много, причем некоторые из них соотносятся с глаголами, а некоторые образованы от изолированных основ: балдагар 'толстый и приземистый', гахигар 'высокий и сутулый' (гахиха 'гнуть'), гожогор 'длинный и узкий', гозогор 'высокий и худой' (гозойхо 'подниматься', 'вытягиваться', 'торчать'), гошхогор 'худощавый и длинный', нисхагар 'пузатый и низенький' (о человеке); оомогор 'узкий и вытянутый трубочкой' (о рте) (оомойхо 'иметь длинные и вытянутые губы'), сиидэгэр 'бескрайний и веющий холодом' (о зимнем небе) (сиидыхэ 'веять холодом' (о зимней синеве неба)).

При образовании прилагательных с суффиксом -гар возникают и такие явления, как семантический сдвиг, и развиваются переносные значения. Провести четкую границу между двумя этими явлениями не всегда представляется возможным и тут вероятны субъективные оценки. Однако в наиболее явных случаях видно, что при семантическом сдвиге связь между исходным значением основы (или двумя значениями одного прилагательного) и семантикой производного прилагательного (или глагола) сохраняется частично или связана какими-либо логическими переходами: бээрэхэ 'зябнуть', 'мерзнуть' и бээбэгэр 'окоченевший' (от холода), 'изнуренный', 'нездоровый' (на вид); голдойхо 'быть вытянутым' и голдогор 'продолговато-округлый'; гохигор 'искривленный', 'изогнутый' (о дереве) и 'долговязый и сутулый' (о человеке); дарьбагар 'обвислый' (о губах), 'недовольный' (о выражении лица) и дарьбайха 'вытягивать губы', 'недовольно морщиться' от дарьба-дарьба 'о подергивании губ'; налбаха 'развеваться' (о флаге) и налбагар 'растилающийся', 'волочащийся', 'широкий' от налба-налба 'вид медленно развевающегося на ветру флага, полотна' и т.п.

При возникновении переносного значения связь с исходной семантикой часто теряется полностью или почти полностью. Довольно часто в этом случае внешние признаки (обычно человека) переносятся на его внутренние качества, причем этот перенос не всегда мотивирован: гарагар 'жесткий', 'твердый' и перен. 'печальный', 'задумчивый', гогногор 'задранный' (о голове) и перен. 'важничавший', 'задающийся', горзагор 'огрубевший', 'отвердевший' и перен. 'сухощавый' (о человеке), ёозогор 'высокий и худой' и перен. 'высокомерно щепетильный', ёрдогор 'костлявый' и перен.

'резкий', 'неприветливый', зурбагар 'открытый' и перен. 'неряшливый', 'неопрятный', мадагар 'прямой', 'несгибающийся' и перен. 'важный', хитагар 'изогнутый' и перен. 'важный', хүнхэгэр 'впалый', 'со впадиной' и перен. 'угрюмый', 'хмурый', 'мрачный'.

Все приведенные примеры прилагательных с суффиксом -гар свидетельствуют о четко отграниченной сфере употребления этого суффикса. Нечасты случаи образования прилагательных от других грамматических разрядов слов, причем и в этих случаях семантика прилагательных ограничивается внешними признаками — формой, цветом: бурзагар 'запачканный чем-либо белым' (бурзан 'белый'), бүгсэгэр 'горбатый', 'сутулый' (бүгсэ 'зад'), буршагар 'смятый', 'скомканный', 'сморщенный' (буршалаа 'мелкие сборки у платья'), набшагар 'плоский' (набша 'лист'), санхигар 'бледный' (санхир 'светлый', 'белесый'). С цветовыми обозначениями можно выделить еще несколько прилагательных: сайбагар 'белый', 'белесый', сиибэгэр 'голубой', 'синий' (о глазах), хонгор 'соловый', 'светло-рыжий', хухигар 'бледный' (о лице).

Только в единичных случаях встречаются прилагательные, обладающие какой-либо другой семантикой, причем они передают внутренние качества или состояния человека, так или иначе выражающиеся через внешний вид: нүрэгэр 'угрюмый', 'хмурый', 'мрачный', налагар 'уравновешенный', 'спокойный', 'покладистый', хонгогор 'надутый', 'неприветливый', 'обиженный', хорхогор 'неприветливый', 'хмурый', 'надутый'.

Суффиксы, синонимичные суффиксу -гар, немногочисленны (-гай, -мал, -нуур, -уу, -хай), и синонимия возникает не во всех случаях употребления основы с двумя разными суффиксами: арбагар и арбагай 'растопыренный'; галбагар 'очень широкий и длинный', но галбагай 'плоский'; монсогор и монсогой 'круглый'; нилдагар 'липкий', 'жидковатый' (о тесте), но нилдагай 'жидкий', 'расплавившийся'; мудигэр 'гладкий' и мудимэл 'полированный', 'шлифованный'; аамагар и аамагануур 'рассеянный'; шарбагар 'виляющий' (хвостом) и шарбагануур 'вертлявый', но буршагар 'смятый' и буршагануур 'резкий', 'горячий'; дальбагар и далпоу 'кривой'; бадхагар и бадхай 'пухлый'.

Все рассмотренные примеры показывают, что несмотря на многочисленность прилагательных с суффиксом -гар, сам суффикс не эволюционировал сколько-нибудь заметным образом и сфера его употребления, так же как и семантика, весьма ограничены.

Суффикс -лиг

Суффикс -лиг присоединяется чаще всего к существительным, образуя при этом синонимичные прилагательные с большим количеством других суффиксов: -тай, -лтай, -рхуу, -рхаг, -нсар, -маар, -ма, -нги, -бхи, -шуу, а также с прилагательными, образованными при помощи суффикса родительного падежа. Примеры: бээлиг 'здоровый', 'упитанный' от бэе 'тело', 'организм', 'рост', 'здоровье' (ср. бээрхуу и бээрхэг 'здоровый', 'плотный', 'упитанный'),

зүрхэлиг 'отважный', 'смелый' от зурхэн 'сердце' (ср. зүрхэрхүү 'довольно решительный', 'смелый' и зүрхэтэй 'решительный', 'смелый'), модолиг 'лесистый', 'деревянистый', 'твердый как дерево' от модо(н) 'дерево', 'лес' (ср. модобхи и модоншуу 'деревянистый', модоной 'древесный'), наралиг 'солнечный' от нара(н) 'солнце' (ср. наرارхуу, наратай и наранай 'солнечный'), ноёлиг 'начальственный' от ноён 'чиновник', 'начальник' (ср. ноёнсор 'начальственный'), ойлиг 'лесистый' от ой 'лес' (ср. ойтой и ойрхуу 'лесистый'), сэнгэлиг 'веселый', 'радостный' от сэнгээ(н) 'веселье', 'радость' (ср. сэнгэлтэй и сэнгэмээр 'веселый', 'радостный'), сэсэглиг 'цветущий' от сэсэг 'цветок' (ср. сэсэглэмэ и сэсэглэнги 'цветущий').

С прилагательными суффикс -лиг употребляется существенно реже: томо и томолиг 'крупный', 'рослый'. Но даже и в этом случае могут возникать синонимичные формы с прилагательными, образованными с помощью суффикса -шаг, обозначающего неполноту качества: һохорлиг и һохоршог 'подслеповатый' от һохор 'слепой', или с суффиксом -мсаг: ехэлиг 'высокомерный' и ехэмсэг 'горделивый' от ехэ 'большой', 'важный', 'величественный'.

Число прилагательных с суффиксом -лиг, не имеющих синонимичных форм с другими суффиксами, незначительно: баатарлиг 'героический' (баатар 'богатырь', 'герой'), бүдлиг 'матерчатый', 'похожий на материю' (бүд 'ткань', 'материя').

Семантика суффикса -лиг, судя по всем вышеприведенным примерам, во-первых, достаточно ограничена и исчерпывается следующими значениями: наличие чего-либо (предмета или качества), сходство с чем-либо, неполнота и избыток качества. Во-вторых, все эти значения полностью перекрываются значениями других суффиксов прилагательных. Таким образом, суффикс -лиг в функции суффикса прилагательного оказывается лишенным самостоятельной сферы употребления и дублирует ряд других суффиксов. Относительная самостоятельность прилагательных с суффиксом -лиг проявляется лишь в некоторых случаях при возникновении переносных значений: газарлиг 'похожий на землю', 'землистый' и перен. 'приземистый', 'коренастый' (газар 'земля'), гүнзэгьилиг 'достаточно глубокий' и перен. 'вполне серьезный', 'основательный' (гүнзэги 'глубокий').

Объясняется эта специфика суффикса -лиг, который является не только словообразовательным суффиксом прилагательных, но и существительных, очевидно, фактом заимствования его из тюркских языков, где сфера распространения и семантика этого суффикса существенно шире. Заимствование, по всей видимости, носило сравнительно поздний характер и произошло уже после формирования других суффиксов с аналогичными значениями.

Суффиксы -нги и -нги

Суффикс -нги образует прилагательные от глагольных основ: бэртэнги 'увечный', 'искалеченный' (бэртэхэ 'изувечиться', 'ис-

калечиться'), гайханги 'удивленный' (гайхаха 'удивляться', 'изумляться'), гуйнги 'просительный' (гуйха 'просить', 'выпрашивать'); гутанги 'испорченный' (гутаха 'портиться'). В ряде случаев прилагательные с этим суффиксом образуются от вторичных глагольных основ (например, с суффиксом -рха) или от глагольных форм с суффиксами каких-либо залогов: айлшарханги 'стеснительный' (в гостях) (айлшархаха 'стесняться'), аягуйрхэнги 'робкий', 'стеснительный' (аягуйрхэхэ 'смущаться', 'конфузиться'), гансаарданги 'одинокий' (гансаардаха 'оставаться в одиночестве'), гээгдэнги 'опаздывающий' (гээгдэхэ 'отставать'), нэгэдэнги 'объединенный' (нэгэдэхэ 'объединяться'), няалданги 'липкий' (няалдаха 'приклеиваться'), шулуужанги 'окаменелый' (шулуужаха 'окаменеть').

Семантические сдвиги возникают в следующих случаях: бажуулданги 'цепкий' при бажууха 'сжимать', 'комкать', 'мять', хэгээрэнги 'увядающий' (о человеке) при хэгээрхэ 'вянуть', 'блекнуть', 'увядать', һуунги 'осевший', 'приплюснутый', 'насевший', 'налипший' при һууха 'садиться', 'сидеть'.

В единичных случаях суффикс -нги образует прилагательные, обозначающие ослабленное качество — гэдэнги 'талый', 'подтаявший': хүрэнги 'мерзлый', 'подмерзший': Мяха харахада гэдэнги аад, досоогоо хүрэнги 'Мясо на вид подтаявшее, [а] внутри мерзлое'.

Синонимичные формы возникают при образовании прилагательных с суффиксами -уу, -нхай, -хан, -нхи, -маар, -рхуу, -һан: бахарданги и бахардуу 'растерянный' (бахардаха 'растеряться'); гажанги 'искривленный' и гажанхай 'изогнутый' (гажааха 'искривлять', 'кривить'); гэдэнги и гэдхэ 'подтаявший' (гэдэхэ 'таять'); диилэнги и диилэнхи 'преобладающий' (диилэхэ 'победить', 'осилить', 'превосходить'); зобонги и зобомоор 'мучительный' (зобохо 'мучиться', 'страдать'); олзуурханги и олзуурхуу 'стязательный' (олзуурхаха 'быть стязательным'); хожомдонги 'запаздывающий' и хожомдоһон 'опаздавший' (хожомдохо 'оставаться позади, задерживать').

Вариант -нги встречается редко: болбосоронги 'развитой', 'просвещенный', 'образованный' (болбосорхо 'совершенствоваться'), бэшэрэнги 'благоговейный', 'почтительный' (бэшэрхэ 'относиться с почтением'), хуряанги 'краткий', 'сжатый' (хуряаха 'собираться', 'убирать'), шүүдэнги 'слабоумный' (шүүдэнгырхэ 'быть придуковатым').

Суффикс -хи

Суффикс -хи чаще всего образует прилагательные от наречий: газаагуурхи 'внешний', 'наружный' (газаагуур 'по внешней стороне чего-либо'; газаа 'вне', 'снаружи'), дорохи 'нижний' (доро 'вниз', 'внизу'), дээгүүрхи 'верхний' (дээгүүр 'высоко', 'наверх'), маргаархи 'завтрашний' (маргаар 'завтра'), мүнөөхи 'теперешний'

(мүнөө 'сегодня', 'сейчас', 'теперь'), хоорондуурхи 'промежуточный' (хоорондуур 'между', 'в промежутке').

Некоторое количество прилагательных образуется от производных прилагательных, образованных при помощи суффикса родительного падежа: зунайхи 'летний' (зун 'лето', зунай 'летний'), нэдондонойхи 'прошлогодний' (нэдондо(н) 'прошлый год'), өөрынхи 'свое' (өөрын 'свой', 'собственный').

В единичных случаях образуются прилагательные от существительных, иных прилагательных, послелогов и образных слов: досоохи 'внутренний' (досоо 'нутро'), нүгөөдэхи 'другой' (нүгөөдэ 'другой', 'иной'), саадахи 'отдаленный', 'дальний' (саада 'отдаленный', 'дальний'), дэргэдэхи 'находящийся возле' (дэргэдэ 'при', 'возле', 'около'), һүлэмхи 'тусклый', 'мутный' (һүлэм-һүлэм гэхэ 'слабо мерцать').

Суффикс -гүй

Происхождение суффикса -гүй связано с отрицанием үгы 'нет', что и определяет семантику всех прилагательных с ним, обозначающих отсутствие какого-либо качества или признака.

Небольшое количество прилагательных образуется при помощи этого суффикса от прилагательных же, причем, естественно, что в этом случае значение рассматриваемого суффикса ограничивается только отрицанием качества, выраженного в основе исходного прилагательного: амаргүй 'неспокойный', 'беспокойный' (амар 'спокойный'), баггүй 'чрезвычайный', 'непомерный' (бага 'небольшой', 'маленький'), зохидгүй 'неподходящий' (зохид 'подходящий').

Иногда прилагательные с суффиксом -гүй образуются от глагольных форм: болохогүй 'неподходящий', 'неуместный' (болохо 'становиться', 'делаться'), хубаагдаагүй 'неразделенный' (хубаагдаа страдат. от хубааха 'делиться'), хубилдаагүй 'неизменный' (хубилдаа 'изменяемый', 'изменяющийся').

Однако основной сферой применения суффикса -гүй являются существительные. И прилагательные, образованные от существительных, можно разделить на несколько групп. Первую группу образуют конкретные существительные, которые в сочетании с суффиксом -гүй обозначают отсутствие какого-либо предмета. Трактовка этих форм как прилагательных представляется проблематичной. Возможно, что зачастую некоторые из этих форм только переводятся на русский язык прилагательными. Так, предложение Ходо гэргүй байхагүйш можно перевести как 'Всегда бездомным не будешь' или 'Всегда без дома не будешь' (гэр 'дом'), а предложение Тэргэ мөөргүй үлэшөө точнее было бы перевести как 'Телега без колес осталась', а не 'Телега бесколёсной осталась' (мөөр 'колесо'). Некоторые словоформы с суффиксом -гүй не могут быть переведены на русский язык прилагательными: бэнэгүй 'без пояса', манагүй 'без тумана', нарагүй 'не освещенный солнцем', хүбүүгүй 'не имеющий сына' (хүбүүн 'сын'), шабаргүй 'без грязи' (шабар 'грязь'). Тем не менее близость к прилагательным вышеприведен-

ных и следующих существительных с суффиксом -гүй представляется вполне определенной: зонгүй 'безлюдный', зэмсэггүй 'невооруженный', 'безоружный', нюдэггүй 'безглазый', ойгүй 'безлесный', шүдэггүй 'беззубый'. Косвенным подтверждением того, что суффикс -гүй является не только отрицанием, но и несет нагрузку как суффикс прилагательного, представляется существование омертвевших форм с этим суффиксом, в которых основа на современном этапе развития языка утратила свое самостоятельное значение: ёозогүй 'невзрачный', 'вредный', обёолгогүй 'невнимательный'; һаадагүй 'лохматый', һабагүй 'бескорыстный'.

Вторая группа словоформ с суффиксом -гүй образована от отвлеченных существительных и близка к первой по возможности двоякой трактовки, хотя именно в силу большей абстрактности существительных, близость к категории прилагательных ощущается сильнее. Так, словоформа болгоомжо 'осторожность', 'предусмотрительность' с суффиксом -гүй — болгоомжогүй означает 'неосторожный', 'неосмотрительный', болгоомжогүй ябадал 'неосторожный поступок'. Перевести последнее словосочетание как 'поступок без осторожности' вряд ли представляется возможным именно с точки зрения бурятского языка. Аналогичная ситуация возникает и со следующими примерами: гайхалгүй 'неудивительный' (гайхал 'удивление'), гамгүй 'небережливый' (гам 'бережливость'), гэмгүй 'невиновный' (гэм 'вина', 'виновность'), журамгүй 'беспорядочный' (журам 'порядок', 'распорядок'), мэхэгүй 'бесхитростный' (мэхэ 'обман', 'надувательство'), найдабаргүй 'безнадежный' (найдабари 'надежда') и т.п.

К третьей группе можно отнести словоформы, семантика которых приобретает еще более абстрактное значение, отходя от первоначального значения исходного существительного, что часто приводит и к семантическим сдвигам во вновь образованных прилагательных: арга 1. 'средство', 'способ', 'прием', 2. 'ловкость', 'уловка', 3. 'выход из положения', но аргагүй обладает значением 'невозможный'; амагүй 'бессловесный', 'немой' (ама(н) 'рот', 'слово', 'речь', 'язык'), бодолгогүй 'необдуманный' (бодолго 'соображение', 'рассуждение'), дуугүй 'молчаливый' (дуу(н) 'звук', 'голос', 'песня'), жэшээгүй 'несравненный' (жэшээ 'пример', 'образец'), зугаагүй 'невеселый', 'неразговорчивый', 'молчаливый' (зугаа 'беседа', 'разговор', 'пир', 'веселье', 'песня'), найргүй 'неприятный' (найр 'празднество', 'пир', 'веселье'), ниисэгүй 'необщительный' (ниисэ 'согласие', 'единомыслие'), нюургүй 1. 'застенчивый', 2. 'бесстыжий' (нюур 'лицо', 'личность'), олиггүй 'бестолковый' (олиг 'пригодность', 'полноценность').

Дальнейшее развитие абстрактного значения в прилагательных с суффиксом -гүй приводит и к возникновению переносных значений, при которых связь с семантикой исходной формы полностью утрачивается. При этом часто переносное значение возникает параллельно с прямым: ахагүй 'не имеющий старшего брата' и перен. 'превосходный', 'важный', 'гордый' (аха 'старший брат'),

галгуй 'без огня' и перен. 'ненаходчивый', 'инертный' (гал 'огонь'), горигуй 'безнадежный' и 'бесполезный', 'негодный' (гори 'надежда'), дүрсэгуй 'бесформенный', 'непохожий' и 'ужасный' (дүрсэ 'внешность', 'облик', 'изображение'), жолоогуй 'без поводов', 'без вожжей' и 'свободный', 'вольный' (жолоо 'поводья').

Сравнение суффикса -гуй с антонимичным по значению суффиксом -тай показывает, что принципиальных различий как в сфере употребления, так и в путях развития этих суффиксов нет. Напротив, в функционировании этих суффиксов наблюдается много общего. В первую очередь в качестве общей черты следует отметить двоякую природу обоих суффиксов, по своей семантике являющихся показателями наличия/отсутствия чего-либо и одновременно играющих роль суффиксов прилагательных. Вторым, сближающим суффиксы фактором, является постепенный переход значения суффикса от конкретного к обобщенно-грамматическому. Отличие же заключается в том, что прилагательные с суффиксом -гуй более однородны по своему характеру и границы между выделяемыми группами менее определены. Не развился суффикс -гуй и в какой-либо специфический падежный суффикс, как это произошло с суффиксом -тай. В качестве составного компонента суффикс -гуй вошел в состав суффикса -шагуй, образующего прилагательные от глагольных форм.

Форманты родительного падежа в роли словообразовательных суффиксов прилагательного

Если для суффикса -тай признаются две сферы функционирования – падежный суффикс существительных и словообразовательный суффикс прилагательных, то суффиксам родительного падежа в этом отношении менее "повезло". Большинство исследователей не признает за суффиксом родительного падежа способности выступать в роли суффикса прилагательных. Так, М.Н. Орловская пишет, что имена существительные в форме родительного падежа лишь выступают в функции относительных прилагательных, не становясь при этом прилагательными.¹⁷ В грамматиках бурятского и калмыцкого языков о возможности функционирования формантов родительного падежа в роли суффиксов прилагательного не говорится.¹⁸ В работах Д.А. Алексеева и У.-Ж.Ш. Дондукова поднимается вопрос о необходимости специального исследования этой проблемы.¹⁹

¹⁷ Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961. С. 77.

¹⁸ Грамматика бурятского языка; Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. Г.Д. Санжеев. Элиста, 1983.

¹⁹ Алексеев Д.А. Именные части речи в монгольских языках // Вопр. языкознания. 1955. № 3. С. 46; Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. С. 100.

Далее мы попытаемся подробнее рассмотреть этот вопрос. В "Грамматике бурятского языка" приводятся одиннадцать значений родительного падежа, передаваемого фонетическими вариантами падежного форманта: -ын, -ийн, -ай (-ой, -эй); -гай (-гой, -гэй), -н.²⁰ Первым из этого списка значений является родительный принадлежности. Это значение Г.Д. Санжеев рассматривает как основное значение родительного падежа, которое "может покрывать собою все прочие значения данного падежа".²¹

Само по себе значение принадлежности заключает в себе характер определения, что и дает возможность переводить на русский язык эти формы прилагательными: эсэгын гэр 'дом отца' или 'отцовский дом', колхозой сад 'сад колхоза' или 'колхозный сад'. Близки к значению принадлежности и другие значения, определяемые в "Грамматике бурятского языка" как родительный отношения части и целого: мориной толгой 'голова лошади' или 'лошадиная голова'; родительный отношения: заводой хүдэлмэришэд 'рабочие завода' или 'заводские рабочие'; родительный времени: зунай 'летний'; родительный назначения: сайн халбага 'ложка для чая' или 'чайная ложка' и некоторые другие.²²

Безусловно, факт возможности перевода на русский язык подобных форм прилагательными недостаточен для признания их полноценными прилагательными в бурятском языке, но этот факт свидетельствует о том, что необходимая предпосылка для развития нового качества в формантах родительного падежа уже имеется. Наиболее яркими примерами подобного употребления будут следующие примеры: амбаарай суурга 'замок амбара' или 'амбарный замок', ангай үнэр 'запах зверя' или 'звериный запах', баабгайн архан 'шкура медведя' или 'медвежья шкура' (родительный принадлежности), зүрхэнэй эм 'лекарство для сердца' или 'сердечное лекарство', нүдэнэй шэл 'стекла для глаз' или 'глазные стекла' (очки) (родительный назначения) и множество других.

По поводу подобных примеров спор о формах родительного падежа был бы беспредметным. Близость этих форм к прилагательным и одновременно к существительным в родительном падеже несомненна. Именно подобные случаи можно было бы считать случаем употребления существительного в родительном падеже в функции прилагательного. Однако и в такого рода примерах можно уловить оттенки, не свойственные родительному падежу в "чистом" виде.

Например, такое явление, как семантический сдвиг, совершенно нехарактерно при присоединении к слову словоизменятельных падежных суффиксов, но возникает довольно часто при присоединении словообразовательных.

²⁰ Грамматика бурятского языка. С. 76, 77.

²¹ Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. Т. I. С. 190.

²² Грамматика бурятского языка. С. 77, 78.

Можно привести примеры, показывающие, что при семантическом сдвиге формы с суффиксами родительного падежа оказываются именно прилагательными: хараа(н) 1. 'зрение', 2. 'глазомер' и хараанай 'имеющий вид', 'выглядящий'; хуби 'часть', 'доля' и хубийн 'частный', 'личный'.

Таким же образом ряд примеров, в которых словоформы с формантом родительного падежа можно рассматривать как приближающиеся к прилагательным, составляют заимствования и кальки с русского языка: комплексын барилга 'комплексное строительство', но не 'строительство комплекса', малажалай 'животноводческий', модэлийн гутал 'модельная обувь', хүдөөажалай 'сельскохозяйственный'. Вместе с тем кальки с русского, образованные с помощью форманта родительного падежа, могут быть не только прилагательными, но и существительными. Так, с существительным зүгү 'пчела' образуется сочетание зүгын гэр 'дом пчелы' или 'пчелиный дом' (улей), но сочетание зүгын ажал — это не 'работа пчелы' или 'пчелиная работа', а 'пчеловодство'.

Основываясь только на всех вышеуказанных фактах, нельзя было бы говорить о переходе формантов родительного падежа в словообразовательный суффикс прилагательных. Как уже говорилось выше, в этих случаях выявляются лишь предпосылки к возможности такого перехода. И реализуется эта возможность (точнее, можно говорить о такой реализации) только в тех случаях, когда рассматриваемые форманты никак не могут трактоваться в качестве формантов родительного падежа, поскольку словоформы, с которыми они употребляются, принадлежат к несклоняемым грамматическим разрядам слов.

К несклоняемым частям речи относятся и сами прилагательные, тем не менее некоторые из них принимают суффиксы родительного падежа. Очевидно, в этом случае роль падежного суффикса заключается в подкреплении грамматической категории прилагательного, особенно в тех случаях, когда одна и та же словоформа может функционировать как прилагательное и существительное или как прилагательное и наречие. Для примера рассмотрим следующие словоформы.

Существительное адаг 'конец' обладает и переносным значением 'последний', 'худший', 'плохой'. Именно это переносное значение и закрепляется в форме с формантом родительного падежа — адагай 'последний', 'худший'. Другие примеры: гадаада 1. 'наружный', 'внешний', 2. 'заграница', 'чужбина' и гадаадын 1. 'внешний', 2. 'иностранный', 'заграничный'; дотоодо 'внутренний' и дотоодын также 'внутренний'; дүтэ 'близкий', 'ближний', 2. 'близко' и дүтын 'близкий', 'ближний' (а также с семантическим сдвигом — 'кратчайший'); жиир 'обыкновенный', 'обычный', 'простой', 'непородистый' и жиирэй (со всеми теми же значениями); инаг 'дружеский', 'любимый' и инагай 'любовный'; мүнхэ 1. 'вечный', 2. 'вечно', 3. редко 'вечность' и мүнхын 'вечный'; үни 1. 'долго', 'давно', 2. 'долгий', 'давний' и үнийнэй 1. 'давний', 'давнишний', 2. 'давно', 'долго'; хари 1. 'чужой', 'чуждый',

2. 'иноземец', 'чужак', 3. 'чужбина' и хариин 'чужой', 'чуждый', 'иноземный'; холо 1. 'далеко', 2. 'далекий', 'дальний', 3. 'даль' и хольн 'дальний', 'далекий'; хуушан 'поношенный', 'старый', 'ветхий' и хуушанай 'старый'. Приведенные примеры показывают, что суффикс родительного падежа подчеркивает принадлежность словоформы к категории прилагательного, иногда вносит дополнительный семантический оттенок, а иногда усиливает степень качества (дүтын 'кратчайший').

Еще нагляднее переход формантов родительного падежа в словообразовательный суффикс прилагательных проявляется при употреблении их с такими частями речи, как наречия и послелого: гэнтэ 'вдруг', 'неожиданно', 'врасплох' и гэнтын 'неожиданный'; зорюута 'намеренно', 'преднамеренно', 'нарочно', 'с целью', 'умышленно', 'специально' и зорюутын 'нарочитый', 'преднамеренный', 'умышленный', 'специальный'; мэтэ 1. 'как', 'словно', 'точно', 'подобно', и мэтын 'подобный'; одоо 'теперь', 'ныне', 'в настоящее время' и одооной 'теперешний', 'современный'; хоорондо 'между' и хоорондын 'промежуточный'.

К этому списку можно было бы добавить и единичные случаи образования прилагательных от местоимений, числительных, некоторых сложных слов и т.п.: бусад 'другие' и бусадай 'чужой'; эгээл 'самый' и эгээлэй 'обыкновенный', 'обычный'; бүри 'совсем', 'совершенно', 'еще', 'вполне'; жэлбүриин 'ежегодный'; ниитэ 'весь', 'все', 'масса' и бүгэдэниитын 'всеобщий'; олониитын 'общественный' (олон 'много', 'многий'); өөһэн 'сам', 'он' и өөһэнэй 'собственный', 'свой'; гурбан 'три' и гурбанай 1. 'третий', 2. 'трехчасовой' ('поезд', 'автобус').

Для полноты картины необходимо упомянуть о способности формантов родительного падежа выступать и в роли словообразовательных суффиксов наречий. Причем в ряде случаев формы с этими суффиксами являются двузначными: прилагательное/наречие, а в других эти суффиксы "подкрепляют" уже существующее значение наречия.

Примеры первого рода: тугаар 'только что', 'недавно' и тугаарай 1. 'недавний', 2. 'недавно'; удаан 1. 'медлительный', 2. 'медленно', 'долго' и удаанай 1. 'давно', 2. 'давнишний'; урда 'прежде' и урдын 1. 'прежний', 'давний', 2. 'прежде'; үсэгэлдэр 'вчера' и үсэгэлдэрэй 1. 'вчера', 2. 'вчерашний'.

Примеры второго рода: тэн(г) 1. 'равно', 'одинаково', 'наравне', 2. 'середина' и тэнгэй 1. 'равно', 'одинаково', 'наравне' и 2. (со сдвигом значения) 'приблизительно'; тээсгэн 'на днях', 'недавно' и тээсгэнэй 1. 'недавно', 'на днях', 2. 'недавний'.

Выводы на основе рассмотренного материала могут быть следующими. Существительные с формантами родительного падежа употребляются в атрибутивном значении, но не становятся при этом прилагательными. Собственно прилагательные образуются формантами родительного падежа от несклоняемых грамматических

разрядов слов: прилагательных, наречий, послелогов, местоимений, числительных.

Форманты родительного падежа также могут выступать и в роли словообразовательных суффиксов наречий. При этом возможны образования синкретических форм наречие/прилагательное.

Употребление формантов родительного падежа в словообразовательной функции носит ограниченный характер и, очевидно, представляет собой начальный этап развития этой функции.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

В этой главе рассматриваются прилагательные, заимствованные бурятским, эвенкийским, калмыцким и монгольским языками из русского. Причем "русскими" прилагательными для простоты изложения здесь называются все русские и иноязычные прилагательные, вошедшие в указанные языки через русский.

Наибольший интерес представляет сопоставление способов заимствования и методов приспособления русских прилагательных к заимствующему языку. Особенно потому, что круг заимствованных прилагательных является общим для всех четырех языков и заимствованы они были примерно в одно и то же время.

1. Русские прилагательные в бурятском языке

Русским заимствованиям в бурятском языке посвящено немало статей и специальных работ, в которых с достаточной ясностью и полнотой представлен почти исчерпывающий материал как по дореволюционным заимствованиям, так и по заимствованиям советского периода.¹

Вместе с тем ни специальных работ, ни даже статей, рассматривающих заимствованные прилагательные, в научной литературе не имеется. И этот факт далеко не случаен. Дело в том, что большинство русских прилагательных вошли в бурятский язык уже в послереволюционное время, т.е. сравнительно недавно, а потому, во-первых, не подверглись такой фонетической и морфологической переработке, как многие существительные, что свидетельствует

¹ Список основных работ по русским заимствованиям приведен в книге П.Б. Цыдендамбаева "Бурятские исторические хроники и родословные" (Улан-Удэ, 1972. С. 530). К этому списку нужно добавить вышедшие позднее работы У.-Ж.Ш. Дондукова "Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка" (Улан-Удэ, 1974) и Ц.Б. Будаева "Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении" (Новосибирск, 1978).

о неполном усвоении языком инородных включений. Во-вторых, почти все заимствованные прилагательные представляют собой слой общественно-политической и научной лексики, имеющей более широкое употребление в письменной, литературной речи и существенно меньшее — в устной, бытовой сфере. Возможно, именно поэтому данный слой лексики, в силу своей "очевидности", не привлекал внимания исследователей.

По поводу заимствованных слов Ц.Б. Будаев пишет: "...дореволюционные заимствования подверглись сильной модификации и приспособились к звуковым и морфологическим нормам бурятского языка. Поздние заимствования в фonomорфологическом отношении изменяются очень мало, особенно в речи молодежи".²

И действительно, многие русские существительные в бурятском языке изменились до полной неузнаваемости (бээшин 'печь', хёосо 'тёс', орооһон 'зерно', 'рожь', шоото 'счеты', шоодхо 'щетка', шүрэб 'шуруп'), чего никак нельзя сказать о прилагательных, подавляющее большинство которых настолько сохранили свой "русский" облик, что остаются понятными любому носителю русского языка.³

Тем не менее, несмотря на все изложенное выше, исследование заимствованных прилагательных представляет некоторый интерес.

В дореволюционный период из сотен заимствованных слов прилагательные исчислялись единицами, да и то в этом случае необходимы существенные оговорки. Во-первых, большинство прилагательных заимствовались в паре с существительными как устойчивое, неделимое словосочетание, в котором первый компонент (т.е. прилагательное) вряд ли вообще воспринимался говорящим как определение: *inorodnui üpraba* 'инородная управа', *naturalinui povinosti* 'натуральная повинность', *nadbornui sobiitniü* 'надворный советник', *stipnüi düm-e* 'степная дума'. Во-вторых, даже заимствованные одиночные прилагательные, которых еще меньше, тоже, скорее всего, осознавались предметно, а не атрибутивно: *obavatilseq-a* 'обывательский', *osidlui* 'оседлый'.⁴

Основная часть прилагательных вошла в бурятский язык уже в советское время и не посредством устного общения, а через школьное обучение, прессу, радио и литературу. Выражаясь точнее, они были не столько заимствованы, сколько введены в бурятский язык. Как уже упоминалось, эти слова относились не к сфере быта, а социальной и научно-производственной области. Характеризуя подобный слой лексики, Ц.Б. Цыдендамбаев пишет: "Литературный опыт

² Б у д а е в Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. С. 195.

³ Именно поэтому заимствованные прилагательные иногда даются нами без перевода.

⁴ Примеры взяты из кн.: Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. С. 530–552.

займствования русских прилагательных еще не воспринят разговорным языком. По этой причине подобные займствования продолжают оставаться на поверхности словарного состава бурятского языка".⁵ Высказанная в 1959 г., эта мысль и по сей день остается справедливой. Автором настоящей работы неоднократно было замечено, что при беседах на темы, требующие большого количества подобных займствований, разговаривающие, чаще всего молодежи, предпочитали общаться на русском языке.

Переходя к конкретному анализу заимствованных прилагательных, приведем несколько цифр, достаточно наглядно характеризующих этот слой лексики. Всего для работы было отобрано 395 прилагательных. Из них 294 словоформы были оформлены более свойственными бурятскому языку окончаниями -а, -о, -э (164 формы на -а ('адресна'), 87 форм на -э ('коллективнэ'), 43 формы на -о ('конкурсно')) и лишь 101 словоформа — каким-либо иным способом, например суффиксами прилагательных -тай, -лиг, -хи и др. В то же число входят 14 прилагательных, не претерпевших абсолютно никаких изменений, полукальки и некоторые другие способы освоения инородных словоформ. Уже эти цифры свидетельствуют о том, насколько невелико число прилагательных, более или менее органично вросших в бурятский язык.

Как известно, набор гласных звуков в бурятском слове подчиняется закону сингармонизма, по которому в слове могут встречаться либо только гласные твердого ряда (а, о, у краткие и долгие), либо мягкого ряда (э, е, ү). Гласный нейтрального ряда (и) может сочетаться с обеими группами. Однако заимствованные слова этому закону не всегда подчиняются или подчиняются не полностью. Так, в основном прилагательные с окончанием на -о получают это окончание в тех случаях, если в предшествующем слогое содержится -о-: автономно, агитационно, амбулаторно, дивизионно, заочно, лабораторно, уголовно, философско, футбольно. Это справедливо и для тех случаев, когда в других (не предшествующих слогах) имеется и гласный мягкого ряда: бетонно, верховно, диверсионно, лекционно, сезонно, селекционно. Исключения из этого правила единичны и представляют собой случаи, когда в предшествующем слогое находятся звуки -а-, -э-, -у-: бракованно, моторизованно, доменно, конкурсно.

Более многочисленные случаи оформления заимствованных прилагательных окончанием -а подчиняются тем же правилам, т.е. в предыдущем слогое в большинстве случаев присутствует -а-, но гласные звуки других слогов могут принадлежать другому ряду: аграрна, вокальна, вертикальна, декадна, десантна, инвентарна, колониальна, популярна, принципиальна, центральна (всего таких примеров среди рассматриваемого материала — 69 единиц).

⁵ Цыдендамбаева Ц.Б. Влияние русского языка на развитие бурятского // Труды Бурятск. комплексного НИИ. Вып. I. Улан-Удэ, 1959, С. 106.

Все заимствованные прилагательные с окончаниями -о и приведенные выше с -а в русском языке образованы с суффиксом -н-. В бурятском языке заимствовано лишь несколько прилагательных с суффиксом -ск-: артезианска, октябрьска, партизанска, пролетарска.

Многочисленны (45 примеров) случаи оформления окончанием -а прилагательных с русским суффиксом -ическ-. В этих примерах твердоярднему окончанию -а предшествует мягкорядное -э: автоматическа, агрономическа, биологическа, демократическа, кубическа, механическа, тематическа, хирургическа. Однако с суффиксом -н- такие случаи единичны: адресна, правительственна.

Менее распространено окончание -а в прилагательных после предшествующего гласного -и- (22 примера), -о- (15 примеров), -у- (7 примеров): антична, декоративна, магнитна, оперативна, фабрична; генераторна, грамотна, императорска, кадрова, конструкторска, танкова, финансова; абсолютна, валютна, маршрутна.

В составных прилагательных наблюдаются колебания в употреблении -а и -о в первом компоненте при присоединении его ко второму: буржуазна, но буржуазно-демократическа.

Окончание -э оформляет основную массу прилагательных с -э- в предшествующем слого (65 примеров): академическэ, билетнэ, геодезическэ, декретнэ, диетическэ, инженернэ, клиническэ, сельскэ, физическэ. Примеров с предшествующим -и- одиннадцать; с -й-, -о-, -а- — единицы: агрессивнэ, бисквитнэ, зенитнэ, медицинскэ, мирнэ; артиллерийскэ, галантерейнэ, гвардейскэ, идейнэ, юбилейнэ; бертолетовэ, марионеточнэ; квалифицированнэ.

Таким образом, основным фактором, влияющим на оформление заимствованных прилагательных, служит гласный предшествующего окончанию слога. Остальные гласные существенно не влияют, и правила сингармонизма оказываются недействительными, что объясняет возможность различных отклонений от основного способа оформления.

Привлекают внимание и следующие два факта. Первое — собственно русских слов во всех заимствованиях насчитываются единицы: бракованно, верховно, грамотна, заочно, словарна, уголовно, ударна, улична, оборонительна и некоторые другие. Подавляющее большинство этих прилагательных и в русском образовано от заимствованных слов. И второе, являющееся следствием первого: число русских суффиксов в заимствованных прилагательных относительно ограничено: -н-, -ск-, -еск-, -ическ-, -овск-, -онн-, -енн-, -ивн-, -альн-, -льн-, -ов-, -ев-. Это объясняется не тем, что бурятский язык при заимствовании отдавал предпочтение именно прилагательным с этими суффиксами (которые, кстати сказать, в бурятском не являются самостоятельными морфемами), а вторичностью этих прилагательных в самом русском языке. Т.е. это является фактом русского языка, образующего прилагательные от заимствованных основ ограниченным числом суффиксов.

Более освоенными бурятским языком следует считать заимствования, оформленные бурятскими суффиксами прилагательных. Од-

ним из наиболее продуктивных способов является присоединение суффикса родительного падежа. Прилагательные, оформленные суффиксами родительного падежа, можно охарактеризовать как более употребительные в устной речи, ближе стоящие к непосредственным каждодневным бытовым и производственным интересам. Таковы прилагательные: агротехникын, велосипедэй, заводой 'заводской', огородой, округой, секундын, складай, тракторой, химийн, хирписын 'кирпичный'. Характерной их чертой является и то, что эти прилагательные не заимствованы через русские формы прилагательных, а образованы непосредственно от русских существительных при помощи бурятских суффиксов.

Таким путем, очевидно, возникают во многих случаях дублирующие друг друга формы прилагательных, одни из которых заимствуются непосредственно из русского языка, а вторые образуются суффиксом родительного падежа от уже заимствованного существительного. Так, от русского прилагательного 'газетный' образовано бурятское прилагательное газетнэ, а от заимствованного существительного газетэ – прилагательное газетын; от 'больничный' – болнична, а от 'больница' – больницын; таким образом возникли и следующие формы: моделнэ и моделиин 'модельный', судебнэ и судай 'судебный', тактическа и тактикын 'тактический', теоретическэ и теориин 'теоретический', товарна и товарай 'товарный'. В отдельных случаях можно обнаружить некоторую систему в подобных образованиях. Так, с бурятским суффиксом прилагательные употребляются в сочетании с существительным, отражающим "более бытовые" реалии, а с заимствованным прилагательным образуются более устойчивые "официальные" наименования: городой хүн 'городской человек', городой газаахи 'загородный', но городской свет (полное заимствование), городской захиргаан 'городское управление'; колхозой ярмаг 'колхозная ярмарка', но колхозно байгуулалта 'колхозное строительство', колхозно таряшад 'колхозное крестьянство'; часовой мастер (полное заимствование), но часай стрелкэ 'часовая стрелка'.⁶ Впрочем, эту закономерность нельзя считать строго последовательной, так как встречаются и примеры, нарушающие этот принцип.

Образуются прилагательные от заимствованных из русского языка основ и с широко распространенными в бурятском языке суффиксами -та (-то) и -тай (-той, -тэй): авторитедтэй 'авторитетный', апатидтай 'апатитовый', иллустрацитай 'иллюстрированный', мотортой 'моторный'; сортото 'сортовой', сумката 'сумчатый'. Встречаются дублированные формы: опытно и опыдтой 'опытный', а также прилагательные, отсутствующие в русском языке: медальта 'награжденный медалью'.

Имеются единичные примеры с суффиксами -лиг, -хи, с причастным суффиксом -һан: героическа и геройлиг 'героический', арминхи 'армейский', конфисковалһан 'конфискованный'.

⁶ Примеры взяты из: Бурятско-русский словарь / Сост. К.М. Черемисов, М., 1972.

По приведенным примерам видно, что число суффиксов, оформляющих заимствованные прилагательные, невелико по сравнению со всей совокупностью имеющихся в языке суффиксов прилагательных.

Полностью, без оформления какими-либо суффиксами заимствуются русские прилагательные, оканчивающиеся на -й: легковой, областной, сортовой, строевой, цеховой. Не оформляются суффиксами прилагательных и те заимствованные словоформы, которые в бурятском языке функционируют в качестве существительных и прилагательных: бообор 'бобровый' и 'бобер', депутат 'депутатский' и 'депутат', жүүлиг 'жульнический' и 'жулик', отличник 'отличный' и 'отличник', сапер 'саперный' и 'сапер', сатин 'сатиновый' и 'сатин'.

И наконец, часть прилагательных калькируется целиком или частично. Полностью скалькированы прилагательные типа бүхээрдай 'всенародный', загаһабарилгын 'рыболовный'. Частично скалькированы сложные прилагательные, в которых одна из частей заимствованная, а другая переводится бурятским словом: бүхээрмейскэ 'общееармейский', бүхэроссиин 'всероссийский', газдүрсэтэ 'газообразный', жэжэбуржуазна 'мелкобуржуазный', ниитэсоюзна 'общесоюзный', оломиллион 'многомиллионный', олонациональна 'многонациональный'; машинабайгуулгын 'машиностроительный', машинажаһан 'машинизированный', механизировэлэгдэһэн 'механизированный'.

Весь рассмотренный материал свидетельствует о далеко не полном усвоении бурятским языком русских прилагательных в отличие от многих существительных. И еще одним из доказательств этого факта может служить то, что все включенные в данную работу прилагательные, так же как и не вошедшие в нее, употребляются только в одном своем прямом значении и не дают каких-либо семантических сдвигов, образуя новые понятия, как это часто происходит с существительными, где, например, заимствованная форма шүрэб 'шуруп' приобрела и значение прилагательного 'витой'.

2. Русские прилагательные в эвенкийском языке

Вопрос о русских заимствованиях в эвенкийском языке является практически не изученным, поэтому о некоторых аспектах этой проблемы можно пока говорить лишь в общих чертах и в некоторых случаях лишь предположительно. Так, можно утверждать, что в дореволюционный период в основном лексика заимствовалась устным путем, в то время как после революции большую (если не основную) роль стало играть школьное обучение, пресса, радио. Отсутствие письменности у эвенков до революции не позволило зафиксировать и определенный слой лексики, связанный с реалиями, исчезнувшими из жизни и быта эвенков в последующие времена. В этих случаях, очевидно, можно обращаться к языкам, зафиксировавшим те же явления в своих письменных памятниках, и по ана-

логии, но, конечно, опять же предположительно, делать вывод о существовании сходных слоев в эвенкийском. Таким языком, в частности, может служить бурятский язык. Общность некоторых исторических условий существования бурят и эвенков могла привести и, очевидно, приводила к своего рода параллелизму в области заимствований из русского тех реалий, которые отсутствовали у носителей обоих языков, но были одновременно привнесены туда русскими. В качестве примера можно привести хотя бы некоторые, уже упоминавшиеся в начале главы административно-политические термины: *Inorodnui ūpraba* 'инородная управа', *naturalinui povinosti* 'натуральная повинность' и другие. При этом, естественно, следует учитывать, что фонетический облик этих заимствований должен был отражать особенности эвенкийского языка, а потому мог и не совпадать с бурятской формой. Не исключено, что какой-то материал по заимствованиям может быть почерпнут и в местных архивных источниках, что требует особых разысканий.

Пользуясь тем же методом аналогии с бурятским языком, в котором вопрос о заимствованиях разработан полнее, можно предположить, что если в прежние времена заимствования представляли собой в первую очередь пласт хозяйственно-бытовой лексики (курапа 'крупа', лапки 'лавка' (магазин)), то теперь в эвенкийский язык вошло огромное количество понятий из общественно-политической, социальной сферы, научно-технической и культурной лексики.

В отношении прилагательных можно сказать, что основная часть заимствований принадлежит именно к этим последним категориям, в то время как из хозяйственно-бытовой сферы прилагательные, если и заимствовались, то только в единичных случаях.

Как уже отмечалось выше, русские прилагательные в эвенкийском языке представляют собой наиболее поздний слой заимствованной лексики, что несомненно не могло не отразиться на форме этих слов. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что фонетический облик заимствованных слов практически не изменялся, за исключением окончаний. Следствием этого явилось нарушение правил сингармонизма, являющегося "важнейшей закономерностью, действующей в области вокализма слова".⁷ По этим правилам гласные гармонирующей группы а, $\bar{а}$, $\bar{е}$, о, $\bar{о}$ могут сочетаться в одном слове с нейтральными и, $\bar{и}$, у, $\bar{у}$, но не с гласными э, $\bar{э}$, которые встречаются в одном слове только с гласными нейтральной группы.⁸ В заимствованных же прилагательных допустимы и широко распространены любые сочетания гласных в одном слове: аграрнэй 'аграрный', гербовэй 'гербовый' и др. Фонетические из-

⁷ Константинова О.А. Эвенкийский язык. М., 1964. С. 17.

⁸ Там же.

менения в заимствованных прилагательных коснулись лишь русских окончаний, которые приняли в эвенкийском языке форму -ай, -эй. Из 420 рассмотренных заимствованных прилагательных более половины оформлены этими окончаниями. Суффиксом -ай оформлено 118 прилагательных, суффиксом -эй - 102: автономнай, агрессивнай, бракованнай, военнай, воинскай, всемйрнай, всесоюзнай, диалектической, коллективной, мирнай, опытной, эмалирбованнай; аграрнэй, вертикальнэй, временнэй, гербовэй, гусеничнэй (трактор), индивидуальнэй, иностраннэй, кадровэй, классовэй, массовэй, параднэй, стандартнэй, ударнэй, фугаснэй, экспортнэй.

Для этой группы заимствованных прилагательных характерна наибольшая близость к исходным формам, а также отсутствие собственно эвенкийских морфологических компонентов в словоформе, поскольку конечные -ай, -эй вряд ли можно трактовать как суффиксы или же окончания прилагательных. Подтверждением факта освоения эвенкийским языком этих форм может служить только возникновение долгого гласного на месте ударного гласного в исходном слове, а также способность заимствованных прилагательных образовывать множественное число при помощи суффикса -л, как это и требуется по нормам эвенкийского языка: адреснэй 'адресный' и адреснэйл 'адресные', колонияльнэй 'колонияльный' и колонияльнэйл дуннэл 'колонияльные страны'.

Еще менее подвергшимися изменениям являются прилагательные, количество которых исчисляется несколькими единицами. Это происходит с теми русскими прилагательными, у которых ударение падает на последний слог: боевой, броневой, войсковой.

Более усвоенной эвенкийским языком следует считать следующую, вторую по численности, группу заимствованных прилагательных (около 140 примеров), оформляющуюся суффиксом -ды (после гласных и звонких согласных) и -ты (после глухих согласных). Суффикс -ды/-ты продуктивный, образующий относительные имена прилагательных от существительных: авиацияды, атмосферады, газетады, государстводы, тракторды; автобусты, автоматты, векты, заводты, империалистты.

Большое количество прилагательных образуется с этим суффиксом от этнонимов, топонимов, названий частей света, научных дисциплин, названий месяцев: азияды, алтайды, англияды, арктикады, венгрияды, германияды, географияды, геологияды, геометрияды, европадады, испанияды, историяды, июнды, июльды, майды, москвады, ноябрьды, февральды; арабты, белорусты, кавказты, каризты, немецты, полякты, узбекты, французты, юго-западты.

Рассмотренный суффикс -ды/-ты наиболее продуктивен при образовании эвенкийских прилагательных от заимствованных основ. Прилагательные, оформленные другими эвенкийскими суффиксами, встречаются существенно реже. Число прилагательных с другими суффиксами колеблется от единиц до полутора-двух десятков с каждым из суффиксов.

Вторым по распространенности из суффиксов прилагательных, употребляющихся с заимствованными основами, является суффикс

-ма (-мэ, -мо), образующий имена прилагательные по признаку материала: асфальтмэ 'асфальтовый', бронзамэ 'бронзовый', бу-магамэ 'бумажный', ватамэ 'ватный', гранитма 'гранитный', металлма 'металлический', мраморма 'мраморный', полотномэ 'полотняный', стекломо 'стеклянный', сукномэ 'суконный'.

Примерно такое же количество относительных прилагательных образуется с суффиксом -чй, передающим значение принадлежности, обладания чем-либо: авторитетчй 'авторитетный' (букв. 'обладающий авторитетом'), бронячй 'бронированный' (букв. 'имеющий броню'), газичй 'газовый' (газичй плита 'газовая плита'), картиначй галерея 'картинная галерея', магнитчй 'магнитный', моторчй 'моторный', торпедачй 'торпедный'.

Прилагательные со значением принадлежности образуются также при помощи суффикса -нй: казаннй 'казенный', автомобильнй 'автомобильный'.

Одни и те же заимствованные основы часто могут быть оформлены различными суффиксами, в зависимости от оттенков значений, передаваемых ими. Таковы варианты прилагательных с суффиксом -ды/-ты, выражающим отношение к чему-либо, и с суффиксом -нй, обозначающим принадлежность чему-нибудь: колхозты строй 'колхозный строй' (относящийся к колхозу) и колхознй авдун 'колхозное стадо' (принадлежащее колхозу); районды комитет 'районный комитет' (относящийся к району) и районнй таткйчин 'районная школа' (принадлежащая району); библиотекады 'библиотечный' (относящийся к библиотеке) и библиотеканй книга 'библиотечная книга' (принадлежащая библиотеке); городты 'городской' (относящийся к городу) и городнй 'городской' (принадлежащий городу); государстводы власть 'государственная власть' (относящаяся к государству) и государствонй завод 'государственный завод' (принадлежащий государству); клубты 'клубный' (относящийся к клубу) и клубнй 'клубный' (принадлежащий клубу); партияды дисциплина 'партийная дисциплина' (относящаяся к партии) и партиянй 'партийный' (принадлежащий партии).

Вместе с тем имеются и параллельные формы прилагательных, когда один вариант оформлен эвенкийским суффиксом, а второй представляет собой лишь форму с модифицированным окончанием: востокты и восточнай 'восточный'; коммунисты общество 'коммунистическое общество' и коммунистической партия 'коммунистическая партия'; комсомолды 'комсомольский' (относящийся к комсомолу) и комсомольской 'комсомольский'; культурачы и культурнай 'культурный'; отечествонй и отечественнэй 'отечественный'; педагогикады и педагогической 'педагогический'; советты и советской 'советский' и др.

Анализ рассмотренных выше заимствованных прилагательных показывает, что они главным образом принадлежат к слою лексики, имеющей более широкое распространение в письменной, литературной речи, вследствие чего все они существенно меньше подверглись фонетическому приспособлению к нормам эвенкийского языка, чем те заимствования, которые усваивались устным путем. Для

примера можно привести устно заимствованное определительное местоимение арахиной 'разный', почти до неузнаваемости изменившее свой фонетический облик: Лāпкидū арахиной Зэвгэвэ гам 'В лавке разные продукты взял'. Фактом, свидетельствующим о неполном усвоении этих прилагательных, является и ограниченное число наиболее продуктивных суффиксов, оформляющих заимствованные основы, а также и то, что более половины рассмотренных прилагательных эвенкийскими суффиксами не оформляются вообще. В этом отношении приведенные выше цифры сами по себе абсолютного значения не имеют, поскольку общее число примеров можно было бы существенно увеличить, но соотношения между этими цифрами весьма показательны. Характерно и отсутствие случаев полисемии среди заимствованных прилагательных.

И наконец, очевидно, специального изучения требует факт не столько заимствования, сколько вытеснения русскими качественными прилагательными исконных эвенкийских. Например, эвенкийское гоё 'красивый' в речи часто заменяется русским прилагательным, иногда даже оформленным сравнительным суффиксом: Нэкундэгу карасиваитмар 'Та, которая младшая (из сестер), красивее'.

Этот факт, а также и то, что в некоторых изолированных говорах (например, в говоре баргузинских эвенков Бурятской АССР) прилагательные проявляют тенденцию к замене на русские и даже почти полностью исчезают из языка, представляют самостоятельный интерес, требующий своего объяснения.

3. Русские прилагательные в калмыцком языке

Прилагательные, заимствованные калмыцким языком, по количеству и в семантическом отношении практически не отличаются от прилагательных, вошедших в бурятский и эвенкийский языки.

А.Л. Каляев отмечает, что сфера употребления заимствованных прилагательных в калмыцком языке ограничивается книжной речью, где они выступают как термины и профессионализмы и при этом явно ощущаются как иноязычные, вошедшие в язык извне.⁹ Это основная черта, объединяющая заимствованные прилагательные калмыцкого языка с прилагательными двух других языков, рассмотренных выше. Тем интереснее выявить довольно существенные отличия в способах освоения иноязычных прилагательных калмыцким языком.

Абсолютное большинство заимствованных прилагательных приобретает в калмыцком языке формант родительного падежа -а (-э), -ин (-ын), -н: автобусин 'автобусный', автогенэ 'автогенный', адмиралын 'адмиральский', балетин 'балетный', ёлкин 'ёлочный', заводын 'заводской', кварцин 'кварцевый', клубин 'клубный', ма-

⁹ Каляев А.Л. Имя прилагательное. Элиста, 1979. С. 54.

шинэ 'машинный', огородын 'огородный', фронтын 'фронтовой', январин 'январский'.

В калмыцком языке, как уже говорилось в начале настоящей работы, не принято считать формант родительного падежа самостоятельным словообразовательным суффиксом прилагательных. Очевидно, поэтому большинство словоформ с этими формантами в "Калмыцко-русском словаре" даются с оговоркой: вокзалын род.п. от вокзал 'вокзальный'. Однако в том же словаре достаточно большое количество аналогичных словоформ приводится без указания на форму родительного падежа. Количество таких прилагательных настолько велико, что этот факт нельзя объяснить забывчивостью составителей или техническим упущением. Очевидно, эти словоформы все-таки воспринимаются весьма близкими к прилагательным, а собственно падежное значение данного суффикса затемняется. Вот частичный список подобных прилагательных: авторин 'авторский', агрономин 'агрономический', американкин 'американский', ботаникин 'ботанический', бронетанкин 'бронетанковый', гастрономин 'гастрономический', европин 'европейский', крайин 'краевой', кремлин 'кремлевский', кристалин 'кристаллический', статистикин 'статистический', сценин 'сценический', стилистикин 'стилистический', экспортын 'экспортный'. Этот список является еще одним свидетельством в пользу утверждения о переходе форманта родительного падежа в словообразовательный суффикс прилагательного.

Вторым по численности способом освоения русских прилагательных является отсечение родового окончания, причем оставшаяся часть слова никаким орфографическим изменениям не подвергается: абсолютн 'абсолютный', автоматическ 'автоматический', аграрн 'аграрный', агрессивн 'агрессивный', гражданск 'гражданский', гуманн 'гуманный', дивизион 'дивизионный', зенитн 'зенитный', идеальн 'идеальный', импортн 'импортный', либеральн 'либеральный', материальн 'материальный', объективн 'объективный', реактивн 'реактивный', синхронн 'синхронный', суверенн 'суверенный', юридическ 'юридический' и т.п.

Большое количество прилагательных образуется обоими этими способами одновременно, в результате чего возникают две формы прилагательных: биологин станц 'биологическая станция' и биологическ факультет 'биологический факультет', газетин цаасн 'газетная бумага' и газетн келн 'газетный язык', медицин доң 'медицинская помощь' и медицинск институт 'медицинский институт'.

В некоторых случаях между двумя формами как будто выявляется различие в оттенках значений "относящийся к чему-либо" и "принадлежащий чему-либо": библиотекин кедлэч 'библиотечный работник', 'работник библиотеки' (имеющий отношение к библиотеке) и библиотечн дегтр 'библиотечная книга' (т.е. книга, принадлежащая библиотеке). Еще аналогичные примеры: культурин кемжэн 'культурный уровень' (уровень культуры) и культурн күн 'культурный человек'; тактикин һардвр 'тактическое руководство' и тактическ маневр 'тактический маневр'; туристын баз 'туристская база'

и туристическ аян 'туристский поход'. Но подобные отношения не просматриваются в сочетаниях такого типа: металлургин үүлдвр 'металлургическая промышленность' и металлургическ завод 'металлургический завод'; ср., например: тракторин завод 'тракторный завод' и тракторн үүлдвр 'тракторная промышленность'.

В большинстве случаев обе формы, по всей видимости, являются равноправными: авиацин и авиационн 'авиационный'; геодезин и геодезическ 'геодезический'; геологин и геологическ 'геологический'; демократин и демократическ 'демократический'; инженерин и инженерн 'инженерный'; октябрин и октябрьск 'октябрьский'; партизана и партизанск 'партизанский'; стратегин и стратегическ 'стратегический'; теорин и теоретическ 'теоретический'; экономикн и экономическ 'экономический'.

Ряд заимствованных прилагательных оформляется суффиксом -та (-тэ), который сохраняет свое первоначальное значение "имеющий что-либо", "с чем-то": белокта 'белковый' (содержащий белок), иллюстрацта 'иллюстрированный' (с иллюстрациями), клавиш-тэ зер-зев 'клавишный инструмент' (имеющий клавиши), углеродта 'углеродистый' (содержащий углерод), хлорта 'хлористый' (содержащий хлор). Формы с -та встречаются параллельно с формами, образованными формантами родительного падежа. Однако в этом случае семантическая разница между прилагательными отчетливо видна: газин завод 'газовый завод' и газта 'газированный' (с газом); идейн үлмэлт 'идейное воздействие' (воздействие идеи) и гүн идейтэ билг-эрдм 'глубоко идейное искусство' (искусство с глубокой идеей); кислородин баллон 'кислородный баллон' (баллон для кислорода) и кислородта дер 'кислородная подушка' (подушка с кислородом); клеткин 'клеточный' и клетктэ 'клетчатый'; орденэ дегтр 'орденская книжка' (книжка ордена) и ордентэ республик 'орденоносная республика' (республика, награжденная орденом; имеющая орден); спиртин үнр 'спиртовой запах' (запах спирта) и спирттэ ундн 'спиртной напиток' (напиток со спиртом); тюкин 'тюковой' и тюктэ 'затюкованный' (находящийся в тюке).

Из других суффиксов в единичных случаях зафиксирован суффикс -лиг: героическ и геройлиг 'героический'. В бурятском и эвенкийском языках суффиксов, оформляющих заимствованные прилагательные, несколько больше.

Сложные прилагательные из русского языка в калмыцкий могут заимствоваться либо полностью, либо одна часть заимствуется, а вторая переводится на калмыцкий язык: буржуазн-демократическ 'буржуазно-демократический', геологхалтин 'геологоразведочный', культурн-бээцин 'культурно-бытовой', культурн-гегэрлтин 'культурно-просветительный', техник-экономическ 'технико-экономический'.

Синкретические словоформы прилагательное/существительное представлены в основном названиями национальностей: абхаз 'абхазец' и 'абхазский', белорус 'белорус' и 'белорусский', ирланд 'ирландец' и 'ирландский', румын 'румын' и 'румынский'. Прилагательные других семантических групп встречаются редко: атлетик

'атлетика' и 'атлетический', интеллигент 'интеллигент' и 'интеллигентный', кашмир 'кашемир' и 'кашемировый', штурм 'штурм' и 'штурмовой'.

Сравнение способов освоения заимствованных прилагательных калмыцким языком по сравнению с бурятским и эвенкийским позволяет сделать следующие выводы. Русские родовые окончания не приспособляются фонетически к нормам заимствующего языка (как это происходит в бурятском и эвенкийском), а отсекаются. Очевидно, в этом проявляется общая тенденция калмыцкого языка к редуцированию гласных. В остальном (во всяком случае орфографически) облик заимствованных прилагательных в калмыцком языке не подвергается изменениям.

Второе существенное отличие калмыцких заимствований от заимствований в двух других, рассмотренных здесь языках, состоит в малом количестве собственно калмыцких суффиксов, оформляющих заимствованные прилагательные. Хотя и в бурятском, и в эвенкийском языках число суффиксов, оформляющих заимствованные прилагательные, также невелико, но все же их несколько больше, и случаи употребления их также более многочисленны. В отличие от бурятского языка в калмыцком заимствованные прилагательные не оформляются суффиксом причастий. Никакие виды прилагательных не заимствуются полностью (как, например, оканчивающиеся на -й в бурятском): рус. областной -, бур. областной, калм. - областин. Не образуются также синкретичные формы существительное/прилагательное от ряда заимствований. Например, бур. депутат "депутат" и "депутатский", а в калмыцком депутат 'депутат' и депутатин 'депутатский'.

Менее распространен в калмыцком языке способ полного калмыцирования русских сложных прилагательных. Например, в бурятском бүхэарадай 'всенародный', загаһабарилгын 'рыболовный', а в калмыцком цуг эмтнэ, олн эмтнэ, хамг эмтнэ 'всенародный', заһс аундг, заһс бэрдг 'рыболовный'. Т.е. в калмыцком языке выявляется тенденция к передаче каждой из частей составного прилагательного самостоятельной словоформой. Реже, чем в бурятском, в калмыцком языке встречаются составные прилагательные, в которых одна часть заимствована, а другая переводится на калмыцкий (хотя такие формы в калмыцком также существуют): бур. бүхэармейске 'общееармейский', ниитэсоюзна 'общесоюзный'; калм. - цуг армейцрин 'общееармейский', цуг союзин 'общесоюзный'.

По сравнению с эвенкийскими заимствованиями, число суффиксов, оформляющих заимствованные прилагательные в калмыцком языке, также невелико. В калмыцком отсутствует специальный суффикс, обозначающий материал, из которого сделан предмет (в эвенкийском это суффикс -ма).

Типологически сходными оказываются во всех трех языках прилагательные со значениями "имеющий что-либо", "обладающий чем-либо", которое передается суффиксами бур. -тай, калм. -та, эвенк. -чи. Типологическое сходство можно выявить и в прилага-

тельных, оформленных родительным падежом в бурятском и калмыцком, а в эвенкийском притяжательным суффиксом -чи.

Итак, способы освоения русских прилагательных типологически более сходны в бурятском и эвенкийском языках. Калмыцкий язык в этом отношении хотя и близок к двум другим, но все же проявляет большее своеобразие.

4. Русские прилагательные в монгольском языке

Все три языка, о которых шла речь выше, развивались в непосредственном контакте с русским языком, а в дальнейшем и в условиях быстро растущего двуязычия. Монгольский язык в этом отношении отличается от этих языков. Тем не менее семантические слои заимствований оказываются одними и теми же. Это, в первую очередь, общественно-политическая лексика, научная, хозяйственная, техническая и военная терминология, слова, относящиеся к области спорта, культуры и искусства.

Способы освоения иноязычных слов остаются теми же, что в бурятском и калмыцком языках. Основная часть прилагательных оформляется формантом родительного падежа -ий, -ийн, -н, -ин, -ы: академиин 'академический', амбулаторийн 'амбулаторный', артелийн 'артельный', атомын 'атомный', бригадын 'бригадный', геологийн 'геологический', геометрийн 'геометрический', драмын 'драматический', заводын 'заводской', концертын 'концертный', лекторын 'лекторский', молекулын 'молекулярный', музейн 'музейный', оперын 'оперный', офицерын 'офицерский', тактикин 'тактический', теннисийн 'теннисный', тракторын 'тракторный', феодализмын 'феодалный', химийн 'химический'.

Большое количество заимствованных словоформ образует синкретические формы существительное/прилагательное: агротехник 'агротехник' и 'агротехнический', бензин 'бензин' и 'бензиновый', большевик 'большевик' и 'большевистский', диалектик 'диалектика' и 'диалектический', дипломат 'дипломат' и 'дипломатический', зоотехник 'зоотехник' и 'зоотехнический', идеалист 'идеалист' и 'идеалистический', мартен 'мартен' и 'мартеновский', механик 'механик' и 'механический', резин 'резина' и 'резиновый', социал-демократ 'социал-демократ' и 'социал-демократический'.

В некоторых случаях параллельно с синкретическими формами возникают прилагательные с формантами родительного падежа: газ 'газ' и 'газовый' (газ зуух 'газовая плита'), а также газын (газын үйлдвэр 'газовая промышленность'), партизан отряд 'партизанский отряд' и партизанын дуу 'партизанская песня', практик ажиллагаа 'практическая деятельность' и практикийн хичээл 'практические занятия', техник 'техника' и 'технический', но техникийн ухаан 'техническая наука', целлюлоз 'целлюлоза' и 'целлюлозный', но целлюлозын фабрик 'целлюлозная фабрика', цемент 'цемент' и 'цементный', но цементийн завод 'цементный завод'.

Синкретическими формами являются также названия по национальностям и географической принадлежности: америк 'американец' и 'американский', англи 'англичанин' и 'английский', африк 'африканец' и 'африканский', белорус 'белорус' и 'белорусский', исланд 'исландец' и 'исландский', малай 'малаец' и 'малайский', но Малайн алтриг 'Малайский архипелаг'.

Как видно по некоторым из приведенных выше синкретических форм, в монгольском языке, как и в калмыцком, проявляется тенденция к отсечению окончаний в заимствованных словоформах, а не к приспособлению их к фонетическим нормам своего языка, как, например, в бурятском (ср. бур. вегетативна и монг. вегетатив 'вегетативный'; бур. объективнэ 'объективный' и монг. объектив шалтгаан 'объективные причины').

Кроме формантов родительного падежа заимствованные прилагательные могут быть оформлены суффиксами -т, -тай: автономит 'автономный', азоттай 'азотистый', хлорт и хлортой 'хлористый'. Иногда прилагательные с двумя этими суффиксами образуют параллельные формы с прилагательными, оформленными суффиксами родительного падежа, причем в этом случае возникают различные оттенки в значениях прилагательных: колонийн дарлал 'колониальный гнет' и колонит 'колониальный' (имеющий колонии); йодын уусгамал 'йодный раствор' (раствор йода) и йодтай 'йодистый' (содержащий йод).

Другие суффиксы прилагательных встречаются с заимствованными словоформами так же редко, как и в калмыцком и бурятском языках. В качестве примеров можно отметить суффиксы прилагательных -лиг и -рхаг: буржуйлиг 'буржуазный', йодорхог 'йодистый' (иногда в словарях приводится форма йодорхуу с тем же значением).

Типологическое сходство способов освоения заимствованных прилагательных во всех четырех рассмотренных здесь языках не вызывает никаких сомнений. Качественные различия, уже упоминавшиеся выше, незначительны. В монгольском языке по сравнению с калмыцким, бурятским и эвенкийским наблюдаются количественные различия. Довольно большое число словоформ, заимствованных из русского в остальных языках, в монгольских не заимствуется, а создается на основе собственно монгольской лексики и средствами своего языка. Способы формирования новых словоформ могут быть различны.

В монгольском языке возможна прямая передача значения (первый способ) какого-либо прилагательного собственной словоформой, в то время как в бурятском и калмыцком языках аналогичное слово отсутствует. В этом случае, разумеется, монгольская словоформа не может считаться заимствованной. Далее подобные прилагательные приводятся лишь для сравнения с двумя другими языками монгольской группы: рус. авторский – монг. зохиогчийн (от зохиогч 'автор'); бур. авторска, авторай, калм. авторин, авторск; рус. гениальный – монг. суут, бур. гениальна, калм. гениальн; рус. гражданский – монг. иргэний (от иргэн 'народ', 'люди'; 'гражданин'),

бур. гражданска и эрхэтэнэй (ср. эрхэ 'право', эрхэтэн 'гражданин'), калм. гражданск; рус. командировочный – монг. томилолтын (от томилол 'назначение', 'командировка'), бур. командировочно, калм. командировочн; рус. компасный – монг. луужингийн (от луужин 'компас'), бур. компасой, калм. компасин; рус. континентальный – монг. тивийн (от тив 'континент'), бур. континентальна, калм. континентальн; рус. металлургический – монг. төмөрлөгийн (от төмөрлөг 'металл'), бур. металлургическа, калм. металлургическ и т.п.

Вторым способом передачи значения иноязычного прилагательного является семантическое развитие собственно монгольского слова с близким значением. Возникающий новый оттенок в семантике при этом представляет собой логическое развитие прежнего значения, либо находится в логической связи с исходным значением. Такой тип прилагательных с новым оттенком значения представляют следующие прилагательные: рус. аристократический – монг. язгуурт (от язгуур 1. 'корень', 'корешок', 2. 'происхождение', 'родовитость'; здесь первые два значения являются первичными и находятся в отношениях логического развития, а третье, новое, значение логически связано со вторым), бур. аристократическа, калм. аристократическ; рус. газетный – монг. сонины (от сонин 1. 'новость', 'весть', 2. 'интересный'), бур. газетнэ, газетын, калм. газетин; рус. гербовый – монг. тэмдэгт, тэмдэгтийн (от тэмдэг 1. 'примета', 'признак', 2. 'штамп', 'печать', 3. 'жестон', 'значок'), бур. гэрбовэ, гэрбтэ, калм. гербтэ.

Далее для краткости приведем только монгольские прилагательные такого рода без калмыцких и бурятских параллелей: захиргааны 'административный' (от захиргаа(н) 'администрация', ср. захирах 1. 'подчинять', 2. 'командовать', 'распоряжаться', 3. 'заведовать', 'управлять'); зэнгийн, зэнгөөрөө, зэндөө 'инстинктивный' (зэн 'предчувствие', 'предвидение', 'чутье', 'инстинкт'); бэлтэгчийн, бэлтгэлийн 'интендантский' (от бэлтэгч 'заготовитель', бэлтгэл 'заготовка', 'снабжение'); тахир (гол) 'коленчатый' (вал) (от тахир 'кривой', 'изогнутый'; гол 'стержень', 'ось'); хоршооны 'кооперативный' (ср. хорших 'составлять компанию', 'быть участником'); тэтгэврийн 'пенсионный' (от тэтгэвэр 'пособие'; ср. тэтгэх 'оказывать помощь', 'поддерживать'); цөмийн 'ядерный' (ср. цөм 'косточка', 'ядро', 'зерно') и т.п.

На основе собственно монгольских слов создаются прилагательные следующего типа: авианзүйн 'фонетический' (от авиа(н) 'звук' и зүй 'пристойность', 'приличие', 'нравственный закон'), газарзүйн 'географический' (газар 'земля', 'местность'), эвхамтын 'коммунистический' (от эв 'дружба', 'согласие', 'мир'; хамт 'вместе', 'совместно', 'сообща'). Эти прилагательные можно назвать сложными в отличие от составных, которые орфографически пишутся раздельно, что, по всей видимости, отражает большую самостоятельность каждого компонента, из которых состоит все прилагательное: бүх дэлхийн 'всемирный', 'мировой' (бүх 'весь', дэлхий 'мир', 'земля'), бүх ардын 'всенародный' (ард 'народ'),

төмөр бетоны 'железобетонный' (төмөр 'железо'; ср. калм. төм-рбетон 'железобетонный'), ажил хаялтын 'забастовочный' (ажил 'работа', хаялт – отглагольное существительное 'бросание'; хаях 'бросать', 'покидать' – ажил хаях 'покидать работу'), олон ул-сын и улс хоорондын 'интернациональный' (олон 'много'; улс 1. 'государство', 2. 'люди', 'народ'; хоорондын 1. 'промежу-точный', 2. 'взаимный', 'двусторонний'); уурын тэрэгийн 'паро-возный' (уур 'пар', тэрэг 'телега', 'повозка').

И наконец, значения некоторых прилагательных передаются описательно, сочетаниями слов, которые не представляют собой единого комплекса и потому не могут быть причислены к собственно прилагательным. Так, прилагательное 'идеологический' пе-редается на монгольский язык парным сочетанием үзэл суртлын (от үзэл 'взгляд', 'воззрение' и суртал 'идея', 'доктрина'); а прилагательное 'идейно-политический' передается четырьмя ком-понентами: зэл суртал улс төрийн, представляющими собой два парных сочетания зэл суртал и улс торийн (от улс 'государство' и торийн 1. 'государственный', 2. 'политический').

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
 В СРАВНЕНИИ С МОНГОЛЬСКИМИ
 И ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИМИ

1. Прилагательные в системе
 частей речи

Относительно больших типологических схождений в трех группах алтайских языков по ряду основных грамматических явлений в научной литературе сомнений не высказывалось. Дискуссионными оказывались в принципе одни и те же проблемы для всех трех групп. В первую очередь дискуссии разворачивались вокруг проблемы классификации частей речи, а точнее, вокруг существительных, прилагательных и наречий или, еще уже, вокруг все тех же "нерасчлененных", "недифференцированных", "омонимичных", "синкретических" форм. Именно существование синкретических форм дало повод А. Бобровникову уже почти полтора века тому назад ввести подразделение монгольских именных форм на предметные и качественные.¹

Дальнейшая детализация именных форм наиболее подробно проводилась В.А. Аврориным применительно к нанайскому языку. В нанайском языке он выделял в качестве обособленных частей речи имя существительное, имя прилагательное, имя качества и даже имя времени, которое по предложенной им схеме оказывалось связанным с выделенным в отдельную часть речи наречием. С наречием же оказывалось связанным и имя качества.²

Теоретической основой для подобного дробления именных форм, очевидно, служит убеждение автора в том, что каждое знаменательное слово может входить только в один из грамматических разрядов и что принадлежность к определенной части речи является постоянным, а не переменным признаком.

Однако уже в следующем абзаце той же страницы В.А. Аврорин пишет следующее: "Во всяком живом языке в результате его развития имеется большое число исключений и переходных случаев, которые обычно являются или пережитками старого или ростками нового. В таком же положении оказывается и распределение слов

¹ Б о б р о в н и к о в А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. С. 53.

² А в р о р и н В.А. Грамматика нанайского языка. М.; Л., 1959. Т. I. С. 103, 104. Мы упоминаем в данной главе только те из выделенных В.А. Аврориным именных частей речи, которые связаны с синкретическими формами.

по частям речи: некоторые слова и целые их группы или отдельные формы слов оказываются где-то на границах между сложившимися частями речи, от одной части речи они оторвались, но к другой еще окончательно не примкнули; некоторые слова уже перешли в состав новой части речи, но сохраняют при этом довольно ощутимые признаки старой части речи, из которой они вышли; некоторые слова расщепились на омонимы, относящиеся к разным частям речи, постепенно переставая восприниматься говорящими как одно и то же слово; наконец, некоторые слова, относящиеся к одной части речи, употребляются при известных условиях в роли, свойственной другой части речи, оставаясь при этом все же самими собой <...> Но эти случаи при всей их неизбежности в развивающемся языке остаются сравнительно немногочисленными исключениями, не относящимися к числу конституирующих компонентов в системе действующих правил, и не на них должно быть в первую очередь направлено внимание составителя описательной грамматики".³

Все изложенное в этой пространной цитате представляется совершенно справедливым как в целом, так и в частностях, и многие положения приложимы в первую очередь именно к такому явлению, как синкретические словоформы. Именно немногочисленность и промежуточный характер имени качества и имени времени, отмеченные и самим В.А. Аврориним, делают нецелесообразным выделение подобных "имен" в самостоятельную грамматическую категорию, которая, по словам автора, является "конечным, наивысшим результатом обобщения".⁴ По всей видимости, "промежуточное" образование никак не может быть "конечным", а тем более "наивысшим" результатом обобщения.

Основываясь на материалах эвенского языка, К.А. Новикова говорит о нечетком делении имен на существительные и прилагательные ввиду отсутствия особых морфологических признаков, по которым возможна классификация. В связи с этим автором делается вывод о том, что в зависимости от места в предложении "всякое существительное может иметь значение прилагательного и, наоборот, всякое прилагательное — значение существительного".⁵

К.А. Новикова проводит выделение частей речи по семантическому признаку, классифицируя их как 1) имена предметные, 2) имена качественные и 3) имена с нерасчлененной семантикой. К первым относятся названия предметов, живых существ и абстрактных понятий; ко вторым — названия признаков и качеств; к третьим — группа имен (с нерасчлененной семантикой), характеризующаяся как специфическая часть речи, — имя предметно-качественно-наречное, которое может употребляться в функциях опреде-

³ Там же, С. 89.

⁴ Там же, С. 222, 229, 89.

⁵ Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. М.; Л., 1960. С. 114.

ляемого, определения и обстоятельства. По поводу этой части речи в эвенском языке, так же как и в нанайском, оговаривается, что число словоформ, входящих в эту группу, незначительно. Таким образом, эта группа слов рассматривается не как три различные, внешне совпавшие части речи, а как одна специфическая для тунгусо-маньчжурских языков.⁶

Другая точка зрения высказана Т.И. Петровой, считающей, что одна и та же словоформа может принадлежать к различным частям речи в зависимости от ее синтаксической функции.⁷

И наконец, третья точка зрения высказана О.П. Суником, считающим подобные нерасчлененные формы двумя (или тремя) различными словами, принадлежащими соответственно к одной определенной традиционной части речи каждое.⁸ Эта точка зрения, отрицающая наличие специфических частей речи в тунгусо-маньчжурских языках, представляется наиболее последовательной из всех предыдущих.

Таким образом, специфическая часть речи "качественное имя" или "имя качества", возросшее на монгольской почве, наиболее прочно укоренилось в тунгусо-маньчжурских языках, дав новые пологи типа "имени времени" и т.п.

Предложенное В.А. Аврориним выделение четырех основных именных частей речи было апробировано на тюркском языковом материале. Г.Д. Санжеев считал наличие этих четырех именных частей речи в алтайских языках, а следовательно и тюркских, бесспорным, хотя и отмечал возможные отклонения от этой схемы в некоторых из тюркских языков. Так, в узбекском языке он выделяет только три именные части речи: существительное, прилагательное и качественное имя (яхши 'хороший' и 'хорошо', арзон 'дешевый' и 'дешево').⁹

Однако в тюркских языках идея четырех (или трех) именных частей речи дальнейшего распространения не получила. Тюркологи чаще всего относили подобные спорные словоформы к одной из традиционных частей речи, не формируя из них какого-либо дополнительного грамматического разряда. В частности, словоформы, подобные приведенным выше (яхши и др.), рассматривались чаще всего как прилагательные независимо от их синтаксической функции.¹⁰

⁶ Там же. С. 114-119.

⁷ П е т р о в а Т.И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1944. С. 11.

⁸ С у н и к О.П. Общая теория частей речи. М.; Л., 1966. С. 51

⁹ С а н ж е е в Г.Д. Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка // Вопросы узбекского языкознания. Ташкент, 1954. С. 52.

¹⁰ Д м и т р и е в Н.К. Строй тюркских языков: Наречия в татарском и русском языках. М., 1962. С. 43; К о н о н о в А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 274.

Другой точкой зрения является взгляд на синкретические формы в тюркских языках как на лексико-грамматические омонимы. В качестве лексико-грамматических омонимов Ф.Г. Исхаков приводит следующие словоформы: алтын 'золото' (существительное) и алтын 'золотой' (прилагательное); яхшы 'хороший' (прилагательное) и яхшы 'хорошо' (наречие); жылы 'тепло' (существительное), жылы 'тепло' (наречие) и жылы 'теплый' (прилагательное). Эти лексико-грамматические омонимы противопоставляются Ф.Г. Исхаковым лексико-словарным омонимам. К первому типу относятся омонимы, принадлежащие к одному грамматическому разряду слов: ат 'лошадь' (существительное) и ат 'имя' (существительное). Но подобная классификация не очень удобна в первую очередь тем, что одни и те же словоформы могут оказываться в разных группах, что непосредственно демонстрируется на тех же примерах самим автором: ат 'лошадь', 'имя' (существительное) и ат 'стреляй' (глагол). В некоторых случаях омонимия вызвана всего лишь случайными совпадениями: йез 'лицо' (существительное) и йез 'сто' (числительное), а в других имеет место омонимия, возникшая в результате развития разных значений, явно одного и того же слова: күк 'небо' (существительное) и күк 'голубой' (прилагательное).¹¹

Как видно из этого, по необходимости очень краткого, обзора, проблема частей речи (во всяком случае именных частей речи) и в тюркских языках оказывается проблемой только в отношении все тех же немногочисленных синкретических форм. И в этом плане типологическая общность тюркских языков с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими оказывается весьма явной.

Если оставить в стороне синкретические формы, то наличие во всех алтайских языках существительных, прилагательных и наречий в их "чистом" виде оказывается несомненным.

Можно только удивляться тому факту, что явление синкретизма, по сути своей периферийное в силу немногочисленности отражающих его словоформ, производит настолько сильное впечатление на исследователей, что благодаря ему оказываются незамеченными вполне типичные и бесспорные, отвечающие всем трем принципам (семантическому, морфологическому и синтаксическому) выделения грамматических разрядов слов, традиционные части речи. Сказанное, разумеется, касается только чисто теоретических выводов о недифференцированности частей речи в алтайских языках, так как на практике, как уже отмечалось выше, все традиционные части речи все же фигурируют во всех описательных грамматиках.

Одно из возможных, а вероятно, и единственное объяснение можно найти в статье Э.В. Севортыяна, где по поводу этого, скорее, психологического, чем лингвистического феномена, сказано следу-

¹¹ Исхаков Ф.Г. Лексико-грамматическая классификация слов или части речи в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. Ч. II: Морфология. С. 76.

ющее: "Впечатление же типичности таких нерасчлененных имен для тюркских языков, будто бы даже на н ы н е ш н е м этапе их развития, создается благодаря обычности и частой употребительности некоторых имен этого разряда. А так как, с другой стороны, процесс в р е м е н н о й (т.е. для отдельного случая) субстантивации и адъективации или адвербиализации в тюркских языках осуществляется значительно чаще, чем, скажем, в русском языке, сравнение с которым остается во всех случаях молчаливо подразумеваемым отправным пунктом всяких тюркологических суждений, то, соединяя вместе оба эти явления, некоторые тюркологи приходят к выводу, что в тюркских языках одно и то же слово в зависимости от контекста может осознаваться то как существительное, то как прилагательное, то как наречие и что, следовательно, с морфологической точки зрения нельзя провести твердой границы между существительным и прилагательным, прилагательным и наречием".¹²

Высказанные в этом отрывке предположения выявляют причины сложившейся ситуации не только при исследовании тюркских языков, но и тунгусо-маньчжурских и монгольских языков.

К этой статье Э.В. Севортыяна в дальнейшем придется возвращаться еще неоднократно, поскольку в ней высказано несколько положений, имеющих весьма существенное методологическое значение для подхода к изучению развития отдельных грамматических разрядов слов.

2. Развитие прилагательных

Кроме всех доводов, приводившихся как в настоящей работе, так и в других многочисленных исследованиях в защиту традиционных частей речи алтайских языков, следует учитывать и такой немаловажный факт, как тенденция к большей дифференциации частей речи, выражающейся в оформлении синкретических словоформ специфическими суффиксами. В упоминавшейся статье Э.В. Севортыяна большое внимание уделено именно этой тенденции. Автор особо подчеркивает, что начало процесса дифференциации частей речи в тюркских языках относится к глубокой древности и уже в древнейших из дошедших до нас письменных памятниках зафиксировано отделение прилагательных от существительных и в некоторых случаях наречия от прилагательного.¹³

Иллюстрацией к этому положению, заимствованной из другой работы Э.В. Севортыяна, может послужить словообразовательный суффикс -ки (с многочисленными вариантами в различных тюркских языках как по гласному, так и по согласному), который был про-

¹² Севортыян Э.В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 192.

¹³ Там же. С. 190.

дуктивным суффиксом прилагательных в языках У–VIII вв., а в большинстве современных тюркских языков потерял свою продуктивность. Этот суффикс образовывал прилагательные от существительных со значением времени (индики 'теперешний', 'нынешний'), а затем в сочетании с показателем местного падежа -да образовал продуктивный суффикс -даки, сохранившийся во всех современных тюркских языках и обладающий локативным значением.

Особо существенными представляются два наблюдения Э.В. Севортяна. Первое, что образование прилагательных с суффиксом -ки в орхонско-енисейских памятниках чаще происходит от основного (именительного) падежа существительного и реже от местного (в отличие от современных тюркских языков). Второе, что формы на -ки в субстантивном или субстантивированном употреблении не встречаются, в то время как в современном хакасском, например, некоторые формы с -хы (вариант -ки) являются существительными (хысхы 'зима'), требующими для образования прилагательного присоединения суффикса -даки.¹⁴

Эти факты свидетельствуют прежде всего о том, что уже в наиболее древних из известных нам тюркских языков словообразование прилагательных было вполне определившимся явлением, а суффиксы прилагательных не только сформировались, но и эволюционировали как по форме, сливаясь с другими суффиксами, так и по содержанию, расширяя и изменяя свою семантику.

Нет никаких оснований предполагать, что в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках того же и даже более раннего периода не происходили те же самые процессы при образовании частей речи (в частности, имен прилагательных) и эволюции словообразовательных формантов. Интересно также явление одновременного бытования в языке прилагательных с суффиксом -ки, находящимся на разных этапах своего развития. Аналогичным образом в тунгусо-маньчжурских языках отмечается бытование, например, суффикса -чй, отражающее различные стадии его эволюции (см. гл. III настоящей работы).

Общие выводы, касающиеся развития прилагательных тюркских и, шире, алтайских языков, могут быть следующими. Во-первых, уже в У–VIII вв. в алтайских языках существовало отчетливое морфологическое оформление прилагательных. В этот период суффиксы прилагательных не находятся в зачаточном состоянии, а представляют собой результат длительной эволюции. Следовательно, существование подлинно синкретических форм отодвигается еще дальше в глубь веков, скорее всего, в период существования праалтайского языка, поскольку материальное сходство словообразовательных формантов в разных группах алтайских языков не выявляется, в то

¹⁴ Севортян Э.В. Из истории прилагательных в тюркских языках // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 58–61.

время как внутри тюркских языков идентификация современных формантов с формантами, представленными в текстах самых древних рукописей, в большинстве случаев представляется возможной.

Во-вторых, если рассматривать факт десемантизации суффиксов (в данном случае суффикса -ки) как элемент эволюции суффиксов (а явление десемантизации встречается часто), то следует признать возможность возникновения вторичных синкретических форм, о чем уже говорилось в гл. I-IV данной работы.

К развитию категории прилагательных относится также и освоение языком иноязычных прилагательных. В частности, Э.В. Севортян непосредственно связывает новейшие заимствования, в том числе заимствования из русских прилагательных с интернациональной основой, с развитием прилагательных как грамматической категории, где проявляется та же тенденция к дифференциации частей речи. При этом Э.В. Севортян считает наиболее показательным то обстоятельство, "что создание новых имен с нерасчлененными значениями существительного и прилагательного и тем более существительного, прилагательного и наречия в новейшее время пошло на убыль".¹⁵

Такие "синкретические" формы, как вертикал 'вертикаль' и вертикал 'вертикальный', либерал 'либерал' и 'либеральный', комик 'комик' и 'комичный' и т.п., рассматриваются Э.В. Севортяном как омонимы, возникшие в результате отсечения окончаний русских прилагательных вместе со словообразовательными суффиксами. Такая трактовка хотя и возможна, но тем не менее каким бы образом ни возникали подобные формы, в результате мы получаем формы с "нерасчлененным" грамматическим значением, которые можно рассматривать и как омонимичные, и как вторичные синкретические. Решить однозначно, что именно мы получаем в подобных случаях, не представляется возможным. В частности, в этой же самой статье Э.В. Севортян приводит убедительные доводы, опровергающие распространенное среди тюркологов мнение о широком развитии грамматической омонимии в тюркских языках.¹⁶

Способы освоения русских прилагательных тюркскими языками оказываются в принципе теми же, что и в других алтайских. Ряд языков (например, азербайджанский, татарский) усваивает заимствованные из русского прилагательные в форме основы, без словообразовательного суффикса и окончания. В этом отношении эти языки сходны с калмыцким. Другие языки сохраняют словообразовательные суффиксы, модифицируя окончания. К ним относятся якутский, в котором многие прилагательные сохраняют суффиксы-окончания -ческой, -най, чувашский (прилагательные на -чески,

¹⁵ Севортян Э.В. К проблеме частей речи в тюркских языках. С. 191.

¹⁶ Там же. С. 210.

-най) и хакасский (-най, -скай).¹⁷ Такой тип освоения характерен для бурятского и эвенкийского языков.

Вместе с тем во всех тюркских языках наблюдается и оформление заимствованных прилагательных собственными, чаще всего наиболее продуктивными суффиксами имен прилагательных. Таковыми оказываются суффиксы -лы (-лыҕ), -лык, -сыз, -й(ыҗы), -лик (-тыҗ), -лы (-луу), -дай (-лйй, -дэк), -чыл (-шыл, -сыл) и некоторые другие.¹⁸

Так же как и в других алтайских языках, в тюркских возникают и синонимичные формы с собственным словообразовательным суффиксом и без него, например, в татарском языке: аспирант 'аспирант' и 'аспирантский' и аспирантлык только 'аспирантский'; вазелин 'вазелин' и 'вазелиновый' и вазелинлы сабын 'вазелиновое мыло'.¹⁹ Такое же явление наблюдается и при образовании прилагательных от собственно тюркских основ, например, балык 'рыба' и 'рыбный' и балыклы 'рыбный': балык базари 'рыбный базар' и балыклы күл 'рыбное озеро'. В этих примерах также проявляется тенденция к дифференциации грамматических разрядов слов.

Образование прилагательных при помощи собственных словообразовательных суффиксов может также внести некоторую ясность в проблему синкретизма и грамматической омонимии. Так, если в том же татарском языке слова, обозначающие материал, такие, как абразив 'абразив' и 'абразивный', бетон 'бетон' и 'бетонный' и т.п., можно считать синкретическими формами, то в других примерах более обоснованно было бы отнести совпадение двух значений к сфере грамматической омонимии. Примерами такого рода могут служить следующие словоформы: автор 'автор' и 'авторский' – эту форму можно рассматривать также как синкретическую, но авторлык 'авторство' и авторлык 'авторский', скорее, являются омонимами, поскольку суффикс -лык способен образовывать как имена существительные с абстрактным значением, так и имена прилагательные. То же самое можно сказать о примере: адвокат 'адвокат' и 'адвокатский' и адвокатлык 'адвокатура', адвокатлык 'адвокатский'. В первом случае мы имеем дело с синкретической формой, во втором – с грамматической омонимией. Таким образом, уже высказывавшееся ранее в этой работе предположение о лексико-семантическом характере явления синкретизма подтверждают и материалы тюркских языков.

Подобные примеры отнюдь не единичны. Можно привести еще словоформы, подтверждающие большую продуктивность этой модели. Причем семантика их всегда связана с профессиональной деятельностью человека или с его социальной принадлежностью: дворян

17 Там же. С. 196, 197.

18 Там же. С. 192.

19 Здесь и далее все примеры из татарского языка заимствованы из кн.: Татарско-русский словарь. М., 1966.

'дворянин' и 'дворянский' и дворянлык 'дворянство' и 'дворянский'; декадент 'декадент' и 'декадентский' и декадентлык 'декаденство' и 'декадентский'; диктатор 'диктатор' и 'диктаторский' и диктаторлык 'диктаторство' и 'диктаторский'; инспектор 'инспектор' и 'инспекторский' и инспекторлык 'инспекторство' и 'инспекторский'.

Однако подобная модель характерна не для всех тюркских языков. В якутском, например, эти же словоформы заимствуются самостоятельно, т.е. существительные и прилагательные аналогичной семантики заимствуются в своей исходной форме, без оформления своим суффиксом: дворянин 'дворянин', дворянская 'дворянский', дворянство 'дворянство'; демагог 'демагог', демагогической 'демагогический', демагогия 'демагогия' и т.п.²⁰

Своя специфика обнаруживается в тюркских языках и при заимствовании сложных имен прилагательных. В татарском языке подобные прилагательные осваиваются тремя способами. Первый тип прилагательных образуют заимствованные из русского языка существительные в именительном падеже: вагон-ремонт 'вагоноремонтный', ветеринария-санитария 'ветеринарно-санитарный', контроль-ревизия 'контрольно-ревизионный', контроль-учет 'контрольно-учетный'. Второй тип образуется из русского существительного или прилагательного без окончания или же без словообразовательного суффикса: идея-политик 'идейно-политический', конституцион-демократик 'конституционно-демократический', революцион-демократик 'революционно-демократический'. Третий тип сложных прилагательных образуется при наличии заимствованной формы (первый компонент) и собственно татарской основы (второй компонент): идея-сэнгатычлек 'идейно-художественный', контроль-үлчәү 'контрольно-измерительный', культура-агарту 'культурно-просветительный', культура-көнкүреш 'культурно-бытовой' и т.п.

Для киргизского языка в большей степени характерно оформление заимствованных прилагательных собственными словообразовательными суффиксами. При этом киргизские прилагательные могут образовываться от русских существительных в именительном падеже: агитациялык 'агитационный', алгебралык 'алгебраический', гигиеналык 'гигиенический' и 'гигиеничный', идеологиялык 'идеологический', идеялык 'идейный', космостук 'космический', логикалык 'логический', музыкалду и музыкалык 'музыкальный', партиялык 'партийный', пландуу 'плановый', революциялык и революциячыл 'революционный'.²¹ От русских прилагательных без окончания и словообразовательного суффикса киргизские прилагательные образуются существенно реже: агрардык 'аграрный', легендарнык 'легендарный'.

²⁰ Здесь и далее все примеры из якутского языка взяты из кн.: Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. М., 1972.

²¹ Здесь и далее примеры из киргизского языка взяты из кн.: Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. М., 1965.

При заимствовании сложных прилагательных в киргизском языке прослеживается та же тенденция к последовательному оформлению собственными суффиксами обеих частей: индустриалдуу-агрардуу 'индустриально-аграрный', марксистик-лениндик 'марксистско-ленинский', профессионалдык-техникалык 'профессионально-технический', буржуазиялык-демократиялык 'буржуазно-демократический', физи-калык-математикалык 'физико-математический'.

Очень редки в киргизском языке заимствования в неизменном виде типа главный 'главный' и возникновение синкретических форм, таких, как полиция 'полиция' и 'полицейский'.

В якутском языке способы освоения заимствованных прилагательных типологически гораздо ближе к эвенкийскому и бурятскому языкам, чем к киргизскому. В якутском языке возникает большое количество синкретических форм на основе заимствованных существительных: автомобиль 'автомобиль' и 'автомобильный', агентура 'агентура' и 'агентурный', асфальт 'асфальт' и 'асфальтовый', атмосфера 'атмосфера' и 'атмосферный', балет 'балет' и 'балетный', вагон 'вагон' и 'вагонный', генерал 'генерал' и 'генеральский', гитара 'гитара' и 'гитарный', десант 'десант' и 'десантный', кабинет 'кабинет' и 'кабинетный', клюква 'клюква' и 'клюквенный', коза 'коза' и 'козий', парник 'парник' и 'парниковый'.

Такое же большое количество прилагательных образуется путем модификации окончаний в заимствуемых формах: антарктической 'антарктический', гальванической 'гальванический', географической 'географический', гибриднэй 'гибридный', демократической 'демократический', десертнэй 'десертный', импортнай 'импортный', инженернай 'инженерный', инспекторскай 'инспекторский'.

Немало случаев заимствования прилагательных с модифицированным окончанием параллельно с образованием синкретических форм: колхоз 'колхоз' и 'колхозный' и колхознай 'колхозный'; коммунист 'коммунист' и 'коммунистический' и коммунистической 'коммунистический'; комсомол 'комсомол' и 'комсомольский' и комсомольскай 'комсомольский'; лаборатория 'лаборатория' и 'лабораторный' и лабораторнай 'лабораторный'; металл 'металл' и 'металлический' и металлическай 'металлический'.

Существенно реже происходит оформление заимствованных основ якутскими словообразовательными суффиксами: варвар 'варвар' и 'варварский' и варвардын 'варварский' и 'варварски'; геройдуу 'геройский' и 'геройски', кремнийдээх 'кремневый'.

Сложные прилагательные оформляются различными способами: культмассовай и культурнай-массабай 'культурно-массовый', марксистскай-ленинскай 'марксистско-ленинский', социал-демократической 'социал-демократический', тимир-бетон 'железобетонный'.

Как видно по всем приводившимся примерам заимствованных прилагательных, круг этих словоформ в тюркских языках по своей семантике аналогичен этому же слою в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках.

Различия, безусловно, могут иметь место как внутри групп языков, так и между группами, но все они носят частный, не-принципиальный характер.

Различия в способах освоения заимствованных прилагательных также невелики и являются, скорее, количественными, чем качественными. Так, в одних языках в оформлении заимствованных прилагательных принимает участие большее количество собственных суффиксов, а в других — меньшее; в одних языках ведущим способом оказывается отсечение русских окончаний и словообразовательных суффиксов, а в других — приспособление этих формантов к фонетической системе своего языка. При этом различные способы освоения заимствованных прилагательных в разных языках могут встречаться в различных комбинациях. Более или менее последовательное предпочтение каким-либо определенным способам освоения может проявиться в группах языков, разделенных не по принципу принадлежности к тюркским, монгольским или же тунгусо-маньчжурским, а по наличию или отсутствию собственной письменной традиции. Такое различие было отмечено Э.В. Севортьяном внутри тюркских языков, но это явление, по всей видимости, носит более широкий характер, применимо к разным группам алтайских языков и требует более детального изучения на материале большего количества языков всех групп.²²

Одним из примеров такого рода может служить большая близость способов оформления прилагательных в якутском языке к тунгусо-маньчжурским, чем к другим тюркским, обладавшим своей традиционной письменностью, например узбекскому, азербайджанскому.

Причины различных способов оформления заимствований заключаются как во внутренних особенностях каждого из языков, так и во внешних обстоятельствах. Следует учитывать, что рассматриваемый круг заимствований входил в языки не стихийно и на протяжении длительного времени, за которое каждое заимствуемое слово могло бы быть полностью и фонетически и грамматически приспособлено к заимствующему языку. Заимствование прилагательных, о которых здесь идет речь, происходило в исторически весьма короткий промежуток времени и, самое главное, регулировалось не языковой стихией носителей языка, а в первую очередь лингвистами, переводчиками и журналистами, что не могло не накладывать определенный отпечаток на способы освоения этого рода лексики.

Более углубленное исследование заимствованных прилагательных необходимо проводить не только на материалах словарей, но и привлекая материалы непосредственно из газет, журналов, переводной литературы. Только при этом можно будет составить достаточно полные списки прилагательных для сопоставления одних и тех же

²² Севортьян Э.В. К проблеме частей речи в тюркских языках. С. 192.

заимствованных форм в большом количестве языков и четко определить тенденции освоения и способы оформления заимствованных словоформ.

И каковы бы ни были способы усвоения иноязычных слов, заимствование не только ведет к обогащению лексического состава любого из языков, но и способствует грамматическому развитию данного языка, выявляя и развивая оттенки значений различных суффиксов или увеличивая их продуктивность.

3. Суффиксы прилагательных

Рассмотрим некоторые, наиболее продуктивные словообразовательные суффиксы прилагательных азербайджанского языка, в грамматических и семантических характеристиках которых обнаруживается типологическое сходство с соответствующими суффиксами монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Все материалы для сравнения взяты из "Азербайджанско-русского словаря" и монографии Э.В. Севортяна, как из наиболее полного свода словообразовательных формантов азербайджанского языка.²³ Приводящиеся в этой же монографии материалы по другим тюркским, как древним, так и современным, языкам позволяют предположить, что основные значения словообразовательных суффиксов являются общими и для остальных тюркских языков. Следовательно, и выводы о путях семантической эволюции азербайджанских суффиксов в той же степени приложимы и к другим тюркским языкам.

Суффикс -лы (-ли, -лу, -лү)

Семантику азербайджанского суффикса -лы (-ли, -лу, -лү) Э.В. Севортян характеризовал как развивающуюся от значения "обладающий предметом" к значению "обладающий свойством/качеством/признаком".²⁴ Эта же линия развития была прослежена для монгольского суффикса -тай и эвенкийского -чй.

Все прилагательные с суффиксом -лы можно распределить по группам, аналогичным группам, сформированным монгольскими словоформами с суффиксом -тай и эвенкийскими с -чй.

В первую группу входят формы, образованные от конкретных имен существительных, в которых суффикс -лы является суффиксом принадлежности, обозначает наличие какого-либо предмета: астар 'подкладка' - астарлы 'на подкладке!', 'с подкладкой!'; асфальт

23

Азербайджанско-русский словарь / Сост. Х.А. Азизбеков. Баку, 1965; Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.

24

Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. С. 57.

'асфальт' — асфальтылы 'асфальтированный'; ачар 'ключ' — ачарлы 'с ключом', 'имеющий ключ'; ашгар 'примесь' — ашгарлы 'с примесью', 'нечистый'; бафта 'галун' — бафталы 'обшитый галуном'; бит 'вошь', битли 'вшивый'; бром 'бром' — бромлу 'бромистый'; будаг 'ветка', 'ветвь' — будаглы 'ветвистый'; булуд 'облако' — булудлу 'покрытый облаками'; ганад 'крыло' — ганадлы 'имеющий крылья', 'крылатый'; гырчын 'складка' — гырчынлы 'складчатый', 'гофрированный'; дабан 'каблук' — дабанлы 'имеющий каблук', 'с каблуком'; кир 'грязь' — кирли 'грязный'.

В этих примерах выявляется наиболее узкое, конкретное значение суффикса -лы, которое еще нельзя считать значением прилагательного. Однако уже в этой группе (т.е. в формах, образованных от конкретных существительных) в суффиксе -лы уже начинается формироваться значение суффикса прилагательного. Это зарождающееся значение выявляется в возникновении различных оттенков в семантике вновь образованного прилагательного. Так, от существительного бал 'мед' образуется форма баллы со значением 'смазанный медом' (т.е. с узким значением "имеющий нечто"), но наряду с этим значением в этой словоформе присутствуют и такие оттенки, как 'медоносный', 'медовый', 'медоточивый'. Аналогичным образом возникают более обобщенные значения в словоформах: нефтли 'испачканный нефтью' и 'нефтяной', 'нефтеносный' от нефт 'нефть', одлу 'огненный' и 'горячий' от од 'огонь', памбыглы 'на вате', 'набитый ватой' и 'ватный' от памбыг 'хлопок'. Адъективность суффикса -лы проявляется и в том случае, когда этот суффикс присоединяется к синкретическим формам типа существительное/прилагательное, где значение этого суффикса состоит в подкреплении грамматического значения прилагательного: бадам 'миндаль' и 'миндальный', но бадамлы — только 'миндальный'; ган 'кровь' и 'кровяной', 'кровный', но ганлы 'кровянистый', 'кروавый', 'окровавленный', 'кровопротитный'; гар 'снег' и 'снежный', но гарлы 'снежный'; диш 'зубец', 'зубчик' — дишли 'зубчатый'; эт 'мясо' и 'мясной', но этли 'мясной', 'мясистый', 'полный', 'тучный'. Семантический сдвиг, происходящий при образовании прилагательного, может довольно далеко уводить от значения исходного существительного, хотя связь этих значений легко просматривается: баг 'шнур', 'повязка' и баглы 'завязанный', 'привязанный', 'застегнутый', 'замкнутый', 'запертый'; гамэт 'рост', 'телосложение', 'осанка' и гаметли 'стройный'; гида 'пища', 'еда' и гидлы 'питательный' (но не 'сдобный'); даба 'драка', 'дебощ', 'свалка' и давалы 'спорный'; ев 'дом', 'домашний' и евли 'женатый', 'семейный'.

Во второй группе, с отвлеченными существительными, адъективное значение суффикса -лы проявляется более отчетливо: азар 'болезнь' — азарлы не только 'больной', т.е. "имеющий болезнь", но и 'болезненный', т.е. "склонный к заболеваниям"; билик 'знание' — биликлы 'знающий', 'сведущий', 'образованный'; вэз 1. 'вес', 2. 'ритм' — вэзили 1. 'веский', 'увесистый', 2. 'ритмичный'; гејрэт 'усердие', 'старание' — гејрэтли 'усердный',

'старательный'; горху 'страх' – горхулу 'страшный'; гүввэт 'сила' – гүввэтли 'сильный'; давам 'прочность' – давамлы 'прочный', 'крепкий'; забитэ 'строгость' – забитэли 'строгий', 'требовательный'; камал 'ум', 'разум', 'благоразумие' – камаллы 'умный', 'зрелый', 'благоразумный'; намус 'честь', 'стыд' – намуслу 'честный', 'порядочный'.

В прилагательных этой группы также возможен семантический сдвиг: гаршылыг 'ответ', 'оплата', 'компенсация' и гаршылыглы 'взаимный', 'обоюдный', 'встречный'; гүввэт 'сила', 'мощь' и гүввэтли 'сильный', 'крепкий', 'дюжий', 'тучный'; дурум 'стойкость' и дурумлу 1. 'стойкий' 2. 'сытный'; кар 'дело', 'действие' и карлы 1. 'умелый', 'деловитый', 2. 'прибыльный', 'полезный'.

Чертой, отличающей эту группу словоформ от первой, является возможность возникновения синкретических форм прилагательное/наречие, что невозможно для форм первой подгруппы: ачыг 'злоба', 'злость' – ачыглы 1. 'сердитый', 'злой', 'злобный' и 2. 'сердито', 'злобно'; бүнөврэ 'фундамент', 'основание' и бүнөврэли 1. 'основательный', 'прочный' и 2. 'основательно', 'прочно'; гејэ 'гнев' – гејэли 1. 'гневный', 'ожесточенный', 'неистовый' и 2. 'гневно', 'сердито', 'яростно'; диггэт 1. 'внимание', 2. 'тщательность', 'старание' – диггэтли 1. 'внимательный', 'тщательный', 'осторожный' и 2. 'внимательно', 'тщательно', 'осторожно'; инад 'упрямство', 'упорство' – инадлы 1. 'упорный' и 2. 'упорно'.

В обеих группах прилагательных с суффиксом -лы могут возникать переносные значения, которые можно рассматривать как частный случай семантического сдвига. Однако переносные значения прилагательных, образованных от существительных с конкретной семантикой, встречаются существенно чаще, причем вновь образованное переносное значение, как правило, оказывается более отвлеченным: ағыз 'рот' – ағызлы 'бойкий на язык', 'речистый'; арха 'спина' – архалы 'пользующийся поддержкой, покровительством'; баш 'голова' – башлы 'умный'; габырга 'ребро' – габыргалы 'крепкий', 'здоровый', 'коренастый'; дырнаг 1. 'коготь', 2. 'копыто' – дырнаглы 1. 'имеющий копыто', 'копытный' и 2. 'цепкий'; зод 'закал', 'закалка' (о металле) и зодлу 1. 'закаленный' (о металле) и 2. 'строгий', 'жесткий', 'требовательный'.

Из других явлений, общих для тюркских и других алтайских языков, можно отметить и такое, как раздвоение значений, когда одно значение оказывается конкретным, соответствующим первоначальной семантике суффикса -лы "имеющий что-либо", а второе более обобщенное или даже переносное: бејин 'мозг' – бејинли 1. 'имеющий мозг', 2. 'умный', 'толковый'; вахт 'время', 'срок' – вахтлы 1. 'имеющий время', 'срок' и 2. 'срочный'; винт 'винт' – винтли 1. 'с винтом' и 2. 'винтовой'; дүјмэ 'пуговица' – дүјмэли 1. 'имеющий пуговицы', 'на пуговицах' и 2. 'застегнутый'.

В единичных случаях прилагательные с суффиксом -лы образуются от других частей речи – прилагательных, наречий, глаголов и числительных: ала 1. 'пестрый', 'разноцветный', 2. 'пятнистый', 'пегий' и алалы 1. 'пятнистый', 2. 'имеющий на коже белые пятна'; алача 'пестренький' и алачалы 'пестрый', 'разноцветный', 'пятнистый'; бура 'сюда' и буралы 'здешний'; бүзмэк 1. 'стянуть', 'стягивать', 2. 'сжать', 'сжимать', 'сморщить' и бүзмэкли 'гофрированный'; ичмек 'пить' и ичмели 1. 'питьевой', 'годный для питья', 2. 'вкусный (напиток)'; ики 'два' и икили 'двойственный'.

Отличие суффикса -лы от суффиксов -тай и -чи проявляется в группе производных словоформ "со значением этногеографической принадлежности".²⁵ В основном подобные образования принадлежат к разряду существительных: авропалы 'европеец', африкалы 'африканец', бухаралы 'бухарец', иранлы 'иранец', литвалы 'литовец', адалы 'островитянин' (ада 'остров'), даглы 'горец' (даг 'гора'), оралы 'тамошний житель' (ора 'то место', 'туда'). Словоформы этого типа обозначают человека – жителя материка, страны, города, острова, гор и т.п. Но этот же суффикс -лы образует и другой ряд словоформ, чаще всего синкретических, типа прилагательное/существительное, в которых наряду со значениями прилагательных возникает и значение существительного, обозначающего человека по качеству, заключенному в семантике основы: ағылы 'умный', 'разумный' и 'мудрец', азадфиркли 'свободомыслящий' и 'вольнодумец'; варлы 'богатый', 'состоятельный' и 'богач', көнүллү 'добровольный' и 'доброволец', назлы 'капризный', 'изнеженный', 'избалованный' и 'баловень', 'неженка'. Подобные существительные с суффиксом -лы образуются и при возникновении переносного значения исходной основы: гыллы 'грубиян', 'невежа' (гыл 'щетина', 'волос', 'грубая шерсть'), зијалы 'интеллигент' (зия 'свет', 'луч', 'блеск', 'сияние').

В упоминавшихся выше двух типах существительных, этногеографической принадлежности и наименования по характеристике, есть определенная глубинная связь. Если значения существительных типа алачаглы 'кредитор' Э.В. Севортян трактовал как "обладающий тем, что должно быть получено (что будет получено)", а верэчэкли 'должник' – "обладающий тем, что должно быть отдано (будет отдано)",²⁶ то значения существительных этногеографической принадлежности можно трактовать как "имеющий город, страну, местность, горы и т.п.". Вместе с тем надо отметить, что вся эта группа существительных с суффиксом -ли стоит особняком от всех предыдущих групп, и развитие этих специфических значений нуждается в дополнительном исследовании и объяснении, тем более что аналогичных значений в бурятском и эвен-

²⁵ Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. С. 70.

²⁶ Там же. С. 57.

кийском языке у словоформ с суффиксами -тай и -чй не развивалось, несмотря на их полное типологическое сходство по всем остальным выделенным группам.

Суффикс -сыз (-сиз, -суз)

Суффикс -сыз (-сиз, -суз) азербайджанского языка, являющийся эквивалентом обшемонгольского суффикса -гуй (-гуй), характеризуется как очень продуктивный привативный суффикс, почти не имеющий семантических оттенков и ограниченный в сфере своего употребления.

Присоединяется этот суффикс почти исключительно к существительным и образует словоформы со значением, диаметрально противоположным формам с суффиксом -ли, обозначая отсутствие чего-либо. Несмотря на широкий круг существительных, к которым может присоединяться этот суффикс, он, тем не менее, не может рассматриваться как словоизменятельный (падежный), поскольку словоформы с ним подвержены такому явлению, как семантический сдвиг, что совершенно исключается при падежном словоизменении. К тому же суффикс -сыз может выступать и в роли суффикса, образующего наречия и синкретические формы типа прилагательное/наречие. Хотя таких случаев сравнительно немного, но они существуют и также нехарактерны для падежных формантов.

Вызывает сомнение и утверждение Э.В. Севортыана о более широком по сравнению с суффиксом -ли круге основ, к которым может присоединяться суффикс -сыз.²⁷ Из пяти примеров, приведенных автором в подтверждение этого положения, три случая опровергаются упоминавшимся словарем, в котором зафиксированы не только формы с -сыз, но и с -ли: горхусуз 'бесстрашный', 'безбоязненный', 'нестрашный' и горхулу 'страшный', 'жуткий' от горху 'страх', 'боязнь', 'испуг'; кэсарсиз 'тупой', 'неострый' и кэсарли 'острый' от кэсар 'острота'; кэрэксиз 'ненужный', 'негодный' и кэрэкли 'нужный', 'необходимый', 'годный', 'пригодный' от кэрэк 'нужно', 'необходимо'.

Четвертый пример гэсдсиз 'без умысла', 'без намерения' от гэсд 'умысел', 'намерение' действительно не имеет в данном словаре параллели с суффиксом -ли, а форма кэсимсиз 'непрерывный', очевидно, от кэсим 'разрез' отсутствует вообще, так же как и вероятная форма кэсимли с предположительным значением 'прерывный'. Отсутствие в словарях, особенно в ограниченных по объему, каких-либо слов, а тем более производных словоформ, не может служить достоверным доказательством их несуществования.

Вместе с тем вряд ли можно ожидать полного параллелизма, при котором каждой форме с -ли соответствовала бы форма с -сыз. Расхождения, очевидно, неизбежны и предопределяются семантикой основ или какими-либо другими, более глубинными факторами. Рас-

²⁷ Там же, С. 78.

хождения возникают и при формировании переносных значений и, в случаях семантического сдвига, в оттенках значений. Для примера достаточно привести одну форму: от ев 'дом' образуется прилагательное с прямым привативным значением — евсиз 'бездомный' и прилагательное с семантическим сдвигом евли 'женатый', 'семейный'. Подобных примеров обнаруживается достаточно много при сравнении соответствующих форм с суффиксами -сиз и -ли.

Основная по численности группа словоформ с суффиксом -сиз образуется от конкретных и отвлеченных существительных, сохраняющих при этом свое основное значение:

а) ајсиз 'безлунный' (ај 'луна'), алынсиз 'безлобый' (алын 'лоб'), астарсиз 'без подкладки' (астар 'подкладка'), бурунсиз 'безносый' (бурун 'нос'), дэнсиз 'не имеющий зерна' (дэн 'зерно'), дипломсуз 'без диплома' (диплом 'диплом'), дишсиз 'беззубый' (диш 'зуб'), думансиз 'без тумана' (думан 'туман'), мешәсиз 'безлесный' (мешә 'лес'), отсуз 'лишенный травы' (от 'трава'), саггалсиз 'безбородый' (саггал 'борода');

б) адсиз 'без имени', 'без названия' (ад 'имя'), азарсиз 'без болезни' (азар 'болезнь', 'недуг'), арсиз 'бесстыдный' (ар 'стыд'), бахымсиз 'беспорядочный', 'безнадзорный' (бахым 'надзор', 'наблюдение', 'попечение'), гүссәсиз 'беспечный', 'не знающий грусти' (гүссә 'грусть', 'печаль', 'тоска', 'скука'), дәлилсиз 'голословный', 'бездоказательный' (дәлил 'довод', 'аргументация'), игтидарсиз 'бессильный', 'слабый' (игтидар 'сила', 'мощь'), илтифатсиз 'неблагодарный', 'неприветливый', 'нелюбезный' (илтифат 'благодарность', 'благоволение', 'уважение'), исбатсиз 'бездоказательный' (исбат 'доказательство', 'довод'), контролсуз 'бесконтрольный' (контрол 'контроль'), намуссуз 'нечестный', 'бесстыдный' (намус 'честь', 'стыд'); принсипсиз 'беспринципный' (принсип 'принцип'), тамсиз 'безвкусный', 'невкусный' (там 'вкус', 'привкус').

Семантический сдвиг отмечается при образовании следующих прилагательных от конкретных существительных: бичимсиз 'нестройный', 'неуклюжий', 'бесформенный' (бичим 'фигура', 'стан', 'стройность'), гидасыз 'непитательный' (гида 'пища', 'питание', 'еда'), дилсиз 'молчаливый', 'бессловесный' (дил 'язык'). Переносные значения наряду с прямыми от существительных этого же типа зафиксированы в следующих примерах: гансиз 1. 'бескровный', 'малокровный' и 2. перен. 'бездушный', 'хладнокровный', 'апатичный' (ган 'кровь'); дузсуз 1. 'пресный', 'без соли', 'несоленый', 2. перен. 'неприятный' (дуз 'соль'); үтүсүз 1. 'без утюга' и 2. перен. 'невыглаженный' (үтү 'утюг'); чәрәксиз 1. 'без хлеба', 'бесхлебный' и 2. перен. 'скупой', 'негостеприимный' (чәрәк 'хлеб').

От отвлеченных существительных образуются следующие прилагательные с семантическим сдвигом: гылыгсиз 'неприветливый' (гылыг 'уживчивость', 'характер', 'нрав'); дурумсуз 1. 'нестойкий', 2. 'несытный' (дурум 'стойкость'); елмсиз 'необразованный',

'темный', 'неученый' (елм 'наука'); чарэсиз 'неизлечимый', 'безнадежный', 'непоправимый', 'безвыходный', 'беспомощный', 'вынужденный' (чаре 'средство', 'выход из положения', 'способ').

Самое существенное отличие в свойствах форм на -сиз, образующихся от двух разнородных групп существительных, заключается в возможности образования синкретических форм прилагательное/наречие от отвлеченных существительных, в то время как от предметных имен синкретические формы образуются только при возникновении переносного значения или в случае семантического сдвига: бүнівре 'фундамент', 'основание' и бүніврэсиз 1. 'неосновательный', 'непрочный' и 2. 'неосновательно', 'непрочно'.

Образование синкретических форм от отвлеченных существительных – явление весьма широкое: адэт 'привычка', 'навык', 'обычай' – адэтсиз 'непривычный' и 'непривычно'; аман 'пощада' – амансыз 'жестокий', 'беспощадный' и 'жестоко', 'беспощадно'; вахт 'время', 'пора' – вахтсыз 'безвременный', 'несвоевременный' и 'безвременно', 'несвоевременно'; ганун 'закон' – ганунсуз 'беззаконный', 'незаконный' и 'беззаконно', 'незаконно'; зэрэр 'вред' – зэрэрсиз 'безвредный' и 'безвредно'; мараг 'интерес', 'любопытство' – марагсыз 'неинтересный' и 'неинтересно', 'скучно'; низам 'порядок' – низамсыз 'беспорядочный' и 'беспорядочно'; савад 'грамотность', 'грамота' – савадсыз 'неграмотный' и 'неграмотно', 'безграмотно'; хата 'ошибка', 'погрешность' – хатасыз 'непогрешимый', 'безошибочный' и 'непогрешимо'; шэрт 'условие', 'уговор' – шэртсиз 'безусловный', 'безоговорочный' и 'безусловно', 'безоговорочно'.

От отвлеченных существительных образуется также небольшое количество прилагательных, характеризующих человека и называющих человека по этому качеству (или же по отсутствию качества), обозначаемого основой: абыр 'приличие', 'достоинство', 'стыд', 'честь' – абырсыз 'бесстыдный', 'нахальный' и 'циник', 'нахал'; ағыл 'ум', 'рассудок' – ағылсыз 'глупый', 'безумный' и 'безумец'; аллах 'бог' – аллахсыз 'безбожник', 'атеист' и перен. 'бессовестный', 'бессердечный'; исмэт 'беспорочность', 'стыдливость' – исмэтсиз 'бесстыдник' и многие другие.

Образуются с суффиксом -сиз и прилагательные с отрицательным значением от прилагательных же: лазым 'нужный', 'необходимый' – лазымсыз 'ненужный', 'лишний', 'негодный'; эсил 'благородный' – эсилсиз 'ложный', 'фиктивный', 'худородный'; арам 'тихий', 'спокойный' – арамсыз 'неспокойный' и 'неспокойно'.

Сравнение азербайджанского суффикса -сиз с монгольским -гүй демонстрирует сходство двух этих суффиксов по основным параметрам, и в частности способность выступать в роли словообразовательного суффикса прилагательных. Основное отличие суффикса -сиз заключается в неспособности образовывать прилагательные от глагольных основ, что иногда возможно для суффикса -гүй монгольских языков.

Суффикс -ма в тюркских языках характеризуется как суффикс существительных со значением течения процесса, со значением объекта действия или результата действия, а также как суффикс прилагательных.²⁸

Прилагательные с суффиксом -ма образуются от глаголов. При этом Э.В. Севортян отмечает, что часто в одной словоформе могут совмещаться значения прилагательного и значение названия действия.²⁹ Таким образом, основным значением этого суффикса в тюркских языках можно считать значение словообразовательного суффикса существительных. Значения прилагательных, образованных от переходных глаголов, в азербайджанском языке характеризуются как пассивные:³⁰ асма 'висячий' (ас- 'вешать', 'вывешивать', 'подвешивать'), гондарма 'искусственный', 'фиктивный' (гондар- 'понаставить', 'надевать', 'нанизывать', 'прилаживать'), тапшырма 'заказной' (тапшыр- 'заказывать', 'поручать', 'давать задание'). Эти азербайджанские прилагательные близки по своему характеру небольшой группе эвенкийских прилагательных, образованных от глаголов с тем же суффиксом -ма: локучама 'висячий' (локуча- 'висеть', 'вешать'), улэмэ 'вареный' (улэ- 'варить') и т.п. Однако эвенкийский суффикс -ма образует прилагательные в основном от других грамматических разрядов слов (не глаголов) и эти прилагательные носят совсем иной характер (см. гл. III, раздел 1 настоящей работы).

Тюркский суффикс -ма отличается и от монгольского суффикса -ма, также образующего прилагательные от глагольных основ: бур. орьёлмо 'бурлящий' (орьёлхо 'бурлить'), гэрэлтэмэ 'светлый', 'сверкающий' (гэрэлтэхэ 'светиться'). По своей семантике к тюркскому суффиксу -ма ближе стоит бурятский суффикс -мал, который близок также и к бурятскому -ма и образует прилагательные только от глагольных основ, обозначающих результат действия или характеризующих какое-либо действие, выраженное в глагольной основе: үлгэмэл 'висячий' (үлгэхэ 'висеть'), хэмэл 'искусственный' (хэхэ 'делать'), заһамал 'исправленный', 'починенный' (заһаха 'исправлять', 'поправлять', 'чинить'), захимал 'заказной' (захиха 'давать поручения', 'заказывать').

В тюркских языках суффикс -мал также зафиксирован в качестве словообразовательного суффикса прилагательных и некоторых существительных: азерб. гырьшмал 'каналья', туркм. танымал 'знатный', узб. чидамал 'стойкий', кирг. урамал 'разруха', казах. түнемел 'кумыс'.³¹

²⁸ Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. С. 127-140.

²⁹ Там же. С. 136.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 195, 196.

Суффикс -мал в бурятском языке образует также и существительные от переходных глаголов и обозначает имя деятеля: унга-мал 'избранник', 'депутат' (унгаха 'выбирать'); предмет, являющийся результатом действия: малтамал 'ископаемое' (малтаха 'копать') и т.п.³²

Существен тот факт, что в древнейших памятниках тюркских языков суффикс -мал не встречается, а зафиксирован в достаточно большом количестве уже в древнеуйгурском и староузбекском языках.³³

Суффикс -ки

Суффикс -ки в тюркских языках образует прилагательные в основном от наречий и иногда от прилагательных и существительных. "Производные на -ки, - как указывает Э.В. Севортьян, - означают признак (предмета) по его положению в пространстве или во времени. Из указанных двух значений более древним является пространственное".³⁴ Примеры из тюркских языков: азерб. эввэлки 'прежний', 'предыдущий' (эввэл 'первый', 'начало', 'раньше'), индики 'теперешний', 'нынешний', 'настоящий' (инди 'теперь', 'ныне'), сонки 'последний' (сон 'конец'), туркм. ахырки 'последний' (ахыр 'конец'), кирг. арткы 'задний', 'последний' (арт 'зад', 'задняя сторона'), тув. бирги 'первый' (бир 'один'), күскү 'осенний' (күс 'осень').

Аналогом этого суффикса в монгольских языках является суффикс -хи, также образующий прилагательные с временным и пространственным значениями в основном от наречий: урдахи 'передний' (урда 'вперед'), мүнөөхи 'теперешний' (мүнөө 'сейчас', 'теперь'). Характерно, что если суффикс -хи в бурятском языке образует прилагательные от существительных, то эти существительные должны стоять в дательном-местном падеже: захадахи 'крайний' (захада 'на краю', заха 'край').³⁵

32

Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964. С. 34.

33

Севортьян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. С. 195.

34

Там же. С. 153.

35

Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. С. 84.

Подводя итоги рассмотренным в работе фактам, касающимся характеристики прилагательных в алтайских языках, необходимо подчеркнуть некоторые наиболее существенные выводы из всего рассмотренного материала.

Прилагательные во всех алтайских языках представляют собой самостоятельный, морфологически оформленный грамматический разряд слов. Словообразование прилагательных в большинстве случаев происходит при помощи специальных словообразовательных суффиксов, которые, в свою очередь, развивались и изменялись в процессе взаимодействия с оформляемыми ими основами.

Развитие словообразовательных формантов шло как по пути семантических изменений, т.е. развития новых значений, так и в плане расширения сфер употребления, в частности в способности переходить из разряда формообразующих в словообразовательные суффиксы или наоборот.

Анализ синкретических форм позволяет прийти к выводу о том, что этот синкретизм в современных алтайских языках — отнюдь не пережиток древнейшего состояния языка, а вторичное явление, тесно связанное с семантикой определенных групп существительных, прилагательных и наречий. Собственно архаичных форм в языке совсем немного. Наиболее архаичны непроезводные формы типа существительное/прилагательное, а точнее, те из них, которые обозначают материал и характеризуют предмет по тому материалу, из которого он сделан. Связь синкретизма с семантикой состоит в том, что сами синкретические формы возникают лишь в тех случаях, когда это позволяет значение самого слова. Выявление необходимых характеристик слов, способных образовывать синкретические формы, возможно только путем тщательного анализа и классификации всех словоформ, как допускающих образование этих форм, так и не реализующих эту возможность.

Весьма существен и тот факт, что подавляющее большинство синкретических форм тяготеет к одному из грамматических разрядов слов, значения которых они передают. Значение другого грамматического разряда подкрепляется соответствующим суффиксом. Наиболее последовательно синкретические формы передают значения существительное/прилагательное/наречие.

В целом синкретизм можно рассматривать как живое, воспроизводящее явление, что подтверждается фактом возникновения производных синкретических форм, в свою очередь иногда требующих вторичного подкрепления другими суффиксами соответствующего значения, а также возможностью возникновения синкретических форм от заимствованных слов. Поэтому синкретизм следует рассматривать как самостоятельный лексико-грамматический способ словообразования наряду с суффиксацией.

В основном же формирование прилагательных в алтайских языках представляло собой длительный процесс развития от архаичных синкретических форм к морфологически оформленной грамматической категории, обладающей как собственно словообразовательными, так и формообразующими формантами, некоторые из которых могли выступать в обоих этих качествах.

Развитие прилагательных и их словообразовательных и формообразующих суффиксов в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках шло одинаково только до определенного этапа, после которого возникают сначала незначительные различия, а затем в некоторых тунгусо-маньчжурских языках развитие прилагательных продвинулось до согласования с существительными в числе (а иногда и в падеже), что совершенно нехарактерно для монгольских языков.

Сопоставление словообразовательных формантов по всем трем группам алтайских языков показывает большую типологическую близость некоторых формантов как в их синхронных характеристиках, так и в характере их исторического развития. При этом материальное сходство однотипных формантов совсем не обязательно. Вместе с тем форманты, обладающие материальным сходством, часто оказываются типологически разнородными.

Заемствованные прилагательные в основном связаны с международной терминологией, вошедшей в рассматриваемые языки через русский язык. Собственно русских прилагательных и прилагательных, созданных на основе русской лексики, существенно меньше. Необходимость, возникшая в массовом заимствовании существительных и произведенных от них прилагательных, объясняется как социальными причинами, так и развитием образования, науки и техники, требовавшим обозначения новых понятий, прежде отсутствовавших в этих языках. Этим фактом объясняется также и общность всего слоя заимствованных прилагательных во всех четырех языках.

В калмыцком, бурятском и эвенкийском языках заимствование происходило в обстановке тесных контактов носителей родного языка с русскими, а далее в условиях двуязычия, что и определило большее число заимствований в трех упомянутых языках по сравнению с монгольским.

Влияние русского языка на монгольский прослеживается как в прямом заимствовании ряда словоформ из русского в монгольский, так и в возникновении семантических изменений в собственно монгольских словоформах, в появлении новых значений в существовавших исконных словах, приспособляемых для передачи новых понятий.

Способы освоения заимствованных прилагательных в различных алтайских языках оказываются типологически сходными при наличии незначительных расхождений по каждой группе языков и внутри различных языков одной группы.

	Стр.
П р е д и с л о в и е	3
Г л а в а I. Именная суффиксация в алтайских языках	5
1. Три типа суффиксов и их специфика	-
2. Синкретические формы	13
3. Формирование грамматического разряда прилагательных	24
Г л а в а II. Непроизводные прилагательные	33
1. Непроизводные прилагательные в эвенкийском языке	34
а) Лексико-семантическая характеристика	-
б) Омертвевшие и непродуктивные элементы	37
2. Непроизводные прилагательные в бурятском языке	42
а) Лексико-семантическая характеристика	-
б) Омертвевшие и непродуктивные элементы	48
Г л а в а III. Производные прилагательные	54
1. Словообразование прилагательных в эвенкийском языке	-
2. Словообразование прилагательных в бурятском языке	73
Г л а в а IV. Заимствованные прилагательные	98
1. Русские прилагательные в бурятском языке	-
2. Русские прилагательные в эвенкийском языке	103
3. Русские прилагательные в калмыцком языке	107
4. Русские прилагательные в монгольском языке	111
Г л а в а V. Прилагательные тюркских языков в сравнении с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими	115
1. Прилагательные в системе частей речи	-
2. Развитие прилагательных	119
3. Суффиксы прилагательных	126
З а к л ю ч е н и е	135

2 руб.

«НАУКА»

**Ленинградское
отделение**